

В. Н. ШАТАЕВ

КАТЕГОРИЯ ТРУДНОСТИ

Шатаев В.Н.

Категория трудности. – 5-е изд. Испр. И доп. – М.:
Издательство Игоря Балабанова, 2016. – 304 с., ил.

Автор книги – мастер спорта СССР по альпинизму – делится своими размышлениями об этом необычном виде спорта, рассказывая о мужестве и взаимовыручке покорителей горных вершин.

Написанная откровенно и живым языком, книга повествует о победах и поражениях, которые сопровождают человека в горах.

Первое издание книги вышло из печати в 1977 г.

Для широкого круга читателей.

Памяти жены, мастера спорта
Эльвиры Шатаевой, посвящаю!

ШАТАЕВА ЭЛЬВИРА СЕРГЕЕВНА
1 декабря 1938 г.- 7 августа 1974 г.
Мастер спорта СССР по альпинизму. Участница I-го женского восхождения на советско-китайский пик Е. Ермаковой (1972 г.). Руководитель женского восхождения-трансверс легендарной Ушбы (1973 г.). Руководитель женского восхождения на пик Локкал (1974 г.).

— Что вы находите в горах?!

— Философский камень.

Из разговора туриста и альпиниста

Выше головы

Некоторое время я еще упирался локтями в плотный, облизанный ветрами фирн. Но вдруг обозлился на собственные руки, которые сопротивлялись без моей на то воли - по инерции уходящего из меня вместе с силами, вымороженного вместе с душой и не имевшего никакого смысла упрямства. Тогда я развел их и опустил на живот, уткнувшись в шершавый, похожий на рафинад, слежавшийся снег...

Кавуненко и Пискулов смотрят мне в затылок. Хорошо, что не видят лица - я не хотел бы, чтобы они прочли на нем все, что я думаю о них, и о себе, и о глупой страстишке, которая привела нас сюда. Они смешны своей дурацкой верой в эту игру. Пора бы и отрезвиться, хотя бы здесь, на высоте семи тысяч метров. С возрастом, кроме веса, нужно бы набирать кое-что еще... У них росла только наивность... ничто не остужает их пыла. Даже этот чужой, непригодный для жизни, унылый мир ледников и камня, где глазу жутко и холодно, где каждая молекула кислорода на счету...

Они хотят, чтобы я вместе с ними на карачках тащился еще полкилометра вверх... ради игры, которая - мне теперь ясно - не стоит свеч...

Я ухмыляюсь, поскольку они считают: полежит, отдохнет и поднимется... как всегда! Но на этот раз я не встану. Я злорадно думаю, что мне повезло: у меня гипоксия - горная болезнь. И по формальному праву, и по совести я могу не вставать - там, на земле, людям в моем состоянии дают кислородную подушку...

Все трое мы впервые идем на пик Коммунизма. Впервые вообще выступаем в высотном классе. До сих пор я брал себя в руки и поднимался, поскольку считал это важным, - от этого зависело не только восхождение, но и успех сезона для каждого из нас. Теперь я понял никчемность этих страстей. Они ничего не дают им так же, как и мне. Буду лежать и не шевелиться... Закон альпинистской связки обязывает спускать меня вниз...

... Перекатываюсь на спину и смотрю прямо в зенит диковинного, неземного вечернего неба... Это не небо... У него нет глубины и прозрачности. Это неподвижно нависший бескрайний потолок, густо намалеванный ультрамарином халтурной рукой. На земле не бывает такого неба. Кажется, если запустить в него камень, можно пробить дыру...

В этом застывшем, сверкающем снегом и льдом, громадном, давящем масштабами мире мы всего лишь три мелкие малозаметные точки. Стоит побывать здесь, чтобы осознать свою бесконечную малость... И все же, как кляксы, мараем его ослепительную белизну.

Как непохож Памир на Кавказские горы, уютные, домашние и интимные, как окраинные улочки старого европейского города. Здесь же все огромно и первозданно, все дышит свежестью сотворения. И кажется, будто и в самом деле только что было изречено библейское: «Да будет свет!»

Здесь теряется чувство расстояния: не поймешь, что далеко, а что близко. Нет визуальных пропорций - до тех далеких отрогов, которые по правую руку, ходу окажется час, а до этой близкой вершины, по левую, - сутки. Только когда тянешься сюда тысячу за

тысячей, когда не поймешь, что у тебя гремит: вещи в рюкзаке или это собственные кости, когда глаза западают в глазницы и не видать, что справа, что слева... тогда блекнут красоты, а загадки и парадоксы вовсе не интригуют... Психика идущего сюда имеет лишь два направления: туда, откуда тянутся его следы, где есть человеческое тепло и совместимость с жизнью, и в противоположную сторону, где нет ни того, ни другого... Мне повезло - мои мысли направлены только в одну сторону: вниз, где базовый лагерь... Где Юра Визбор поет свои песни, а доктор рассказывает анекдоты. Где остался Олег Абалаков и куда с высоты шесть шестьсот спускали Сашу Воронова.

Они смотрели на нас с откровенной завистью, когда мы с рюкзаками и ледорубами выходили на этот маршрут. Визбор злился на доктора за то, что тот не пускал его выше пика Космонавтов... А Олег... Он, кажется, вообще не вышел из палатки. Тогда я хорошо понимал его — второй сезон неудача. «Пик Коммунизма не принимает его», - говорили в лагере. Было время, когда Олега снимали с высоты 7200 метров - заболел, не дотянув до вершины 245 метров... На этот раз ему удалось побывать только на разведке юго-западного ребра, по которому мы хотели сперва идти к вершине. Когда возвращались обратно, он прыгнул через трещину - простенькую, элементарную - и растянул себе ногу. И это Олег! Который даже на фоне мастеров скалолазания мог выглядеть как акробат-виртуоз...

Так что на маршрут выходили мы вчетвером. Это не первопрохождение - мы идем по пути Евгения Тамма. И если не считать ледника Бивачный, где пришлось прыгать через крупные трещины и блуждать среди леса сераксов - причудливых ледяных столбов, - поначалу все шло довольно гладко.

Часам к пяти, судя по моему альтиметру, перевалили за шесть тысяч. Но до темноты времени хватало, и мы решили сделать еще рывок, чтобы дотянуть до плато пика Правды. Здесь, на высоте 6200 метров, отрыли уютную пещерку для ночевки - копали в охотку, старательно, любовно и весело. Сил хватало! Казалось, так оно и будет до самой вершины.

Во время ужина Кавуненко, сосредоточенно глядя в кружку с чаем, сказал Воронову:

- Хочешь, я отгадаю, что у тебя в левой руке? Воронов помолчал и угрюмо кинул:

- Что ж, мне теперь носовой платок из кармана нельзя достать?..

- Злишься?.. В горах не новичок, знаешь, чем такие вещи кончаются. Лучше сейчас скажи, пока не поздно. Завтра с утра и спустим.

- В горах не новичок, знаю и говорю - идти могу!

- Ну-ну... можешь так можешь.

Утром вышли в том же составе. Мы с Кавуненко оторвались от второй связки и намного ушли вперед. На 6600 решили подождать Пискулова и Воронова. Пискулов вскоре пришел. А Саши Воронова нет и нет... Через некоторое время он появился, еле волоча ноги... Я спросил его молча — глазами. Он кивнул головой...

Тогда мы раскидали Сашины вещи по своим рюкзакам, повернулись и пошли обратно к нашей пещере на 6200.

Наверху болезням вольготно... Высота - их стихия. Странно: здесь путь человека лучше; всего измеряется временем, а течение болезни - пространством. Между легким першением в горле на старте и удушьем на финише - интервал, который правильной мерить рулеткой. Чем больше метров над уровнем моря, тем скоротечней болезни. Каждый метр умножает их силу. Насморк на восьмой тысяче может оказаться смертельным. И пока мы карабкаемся, набирая свои сантиметры, болезни бегут семимильными шагами...

...На биваке 6200 была у нас удачная встреча - с пика Правды спускалась группа. Мы попросили этих ребят помочь Воронову дойти до базового лагеря, а сами на другой день с утра пораньше тронулись в обратный путь. Мы оставляли Сашу угрюмым и мрачным. Я

ему сочувствовал... Смешно - я сочувствовал ему! Теперь я понимаю, что это он бы мог нам сочувствовать. Так я думаю теперь. А тогда... Тогда, огорчаясь за Сашу, я радовался, что это случилось не со мной. «Тогда» было десять часов назад. Десять часов назад меня раздражали те, кто не понимал моей страсти. Теперь наоборот все. Что осталось от вчерашнего Шатаева? Желания, чувства, вкусы, характер - те, что были десять часов назад? Ничего, кроме сухой, не связанной с эмоциями памяти фактов...

- Ты как? - слышу я над собой хриплый, деланно-веселый голос Кавуненко. - Выползай бы надо. Хватайся за чуб и тяни себя, как Мюнхгаузен. Он человек правдивый... Только правда его не для каждого. У тебя получится... Мы с тобой не первый год в одной связке...

Я молчу. Меня злит фальшь бодрячка. Смешит эта придуманная жизнь, игра в романтику, вера в ложные идеалы борьбы, мечту, цели. Игра?! Игра... С серьезной миной на лице... С головоломными умозрительными теориями оправдания...

Кавуненко уходит. И вместе с Пискуловым выгребает снег из углубления, которое они отрыли для ночевки. Работают молча - не слышно ни слова. Зато слышно дыхание... Двигаются они медленно и после каждых двух-трех лопат отдыхают.

Теперь ко мне подошел Пискулов.

- Можешь?

Я сперва промолчал, потом спросил:

- А ты?

Он не ответил. Я приподнимаюсь на локтях и, глядя ему в глаза, спрашиваю:

- Объясни, для чего? Смысл?! Чтобы в карточку записали «пик Коммунизма»?

Объяснишь - встану... Не четвереньках буду карабкаться, пока ноги не протяну...

- Чего объяснять? Нынче утром спроси тебя так, ты бы сказал: - это, мол, философия старости! С такой нельзя жить - можно только доживать...

- То утром, а то теперь... от того Шатаева духу не осталось!

- Чушь! — Это опять Кавуненко. Он подошел и не сел, а буквально упал на «пятую точку». — Пусть полежит еще минут пятнадцать. Не сможет, пойдем вниз... Только учти: это не ты, а гипоксия в тебе говорит... Ты ведь по медицине спец. Небось в лагере новичкам говорил: горная болезнь, дескать, сопровождается апатией, потерей аппетита... Мол, не только к еде, но и к жизни... Пошли, Юра, - обратился он к Пискулову. - Пусть полежит еще. Он выскочит - я его знаю.

«Философия старости... Доживать, а не жить» - умозрения чудаков. Но в одном они правы - вчера я действительно сказал бы что-то похожее... Это я помню... Так когда же я болен - вчера или сегодня? Стоит человеку трезво заговорить, как чудаки эти тут же приписывают все болезни...

У меня ничего не болит, только чувствую немощь, похожую на ту, что во сне не дает человеку двигаться - убежать, догонять, защищать и защищаться... Чувствую какую-то меланхолическую и приятную жалость к себе. И еще: странное ощущение вялого, ленивого движения крови...

Я и без Кавуненко знаю, что это гипоксия. Но только смутной, точно чужой логикой, без малейшей внутренней веры понимаю связь между болезнью и образом мысли... Я подумал, что живем по русской поговорке - верим до конца только в то, что можно пощупать.

А здоровье лежит у подножия. Ибо горная болезнь убывает с каждым метром вниз так же, как и нарастает с высотой. Только... не все ли равно?

Володя и Юра копошатся в пещере. По очереди они выползают из нее, волоча за собой штормовку, груженную снегом. Ко мне они не подходят - неужели так долго длятся пятнадцать минут? Каждый раз я с опаской смотрю на выход - появятся вместе, значит, ко

мне... Я должен ответить им: вверх или вниз. А мне не хочется ни туда, ни сюда. Только лежать - неподвижно, спокойно...

Прав тот, кто видит счастье в покое... Если б не эти двое! Почему всегда получается так, что мы не можем быть счастливы до конца? Что-то всегда омрачает... Кто-то всегда омрачает. Нет кого-то, чего-то - есть пугающие перспективы. Или возможность пугающих перспектив... Словно меда без дегтя и быть не может в природе...

Сейчас я должен сказать: вверх или вниз - одно из двух. Третье желанно, как счастье, и близко, как локоть... Но третьего не надо... Сами обессиленные, измотанные, они не дадут мне покоя. Разве они поверят, что для меня хорошо то, что считается плохо? Они скажут - это философия старости...

... «Философия старости»! - бред легковверных младенцев... Остаться бы одному и лежать... Лежать, и больше ничего. Думать? Теперь и думать не хочется... Только лежать. Слово «хочется» теряет смысл. Я перестаю его понимать, как насытившийся чувство голода. Меня покидают желания... Когда и лежать не захочется, что тогда? Что может еще остаться? Что?! «...Доживать, а не жить...»

Я вдруг подумал: умирают как засыпают — емкое сознание становится плоским, потом линейным, после переходит в редящийся все больше и больше пунктир... И пустота... я ощутил ее в себе - крутящую, тошнотворную, взрывчатую, все перевернувшую пустоту... ..Внезапная и мгновенная сила словно всосала все мои внутренности, подтянула их к горлу, и опустевшая грудная клетка заполнилась густым, распирающим страхом...

Страх тогда отвратителен, когда он сочится тоненькой, хилой струйкой, брызгами кислоты разъедает душу, парализующим ядом проникает в кровь... Мощный взрывчатый страх, тот, что приходит не всегда и не к каждому, поит человека небывалой силой, дает ему ясность мысли, реакцию и точность мангусты, вызывает чувство внезапной омоложенности и потому порою оставляет у человека пожизненные впечатления полнокровно прожитых минут. Кто испытал такой страх, знает, что это так. Страх - это жизнь! Бывает, что он похож на радость. Я понимаю это теперь. Понимаю, что он-то и вывел меня из состояния отрешенности, безразличия, вернул волю к сопротивлению.

Я крикнул, наверное, слишком громко и слишком истерично - ко мне торопливо и испуганно двигались Кавуненко и Пискулов. В руках у Юры была пила, которой он, видимо, только что резал фирн.

Я стоял на коленях. Как и когда успел это сделать - не заметил, но почувствовал, что могу встать на ноги в рост. Однако подниматься не стал - сообразил, что делать этого не следует: слишком большая нагрузка сразу, можно потерять сознание.

Меня слегка покачивало, и Пискулов, заметив это, сказал:

- Ложись, ложись... Сейчас «упакуем» в спальный мешок и пойдем вниз...

- Погоди... - перебил его Володя. - Что, решил?! - Он показал пальцем на вершину. И, не дожидаясь моего ответа, хлопнул по плечу Пискулова. - Я же говорил - выскочит...

- Надо спускаться, Володя...

Володя смотрел на меня весело, не обращая внимания на слова Юры. Пискулов не учел: мы с Кавуненко не первый сезон в одной связке...

Я потянулся к пиле. Пискулов растерянно убрал ее за спину.

- Пилу дай... - сказал я.

- Зачем?!

- Дай пилу, тебе говорят! - гаркнул на него Кавуненко.

«...Двигаться, двигаться! - думал я. - Это все говорят: и теоретики - доктора и практики - альпинисты. Только одно лекарство, одно спасение. Что-то как-то делать - сидя, лежа, ползком...»

Я медленно, осторожно поднялся на ноги. Горы вдруг сдвинулись с места и наклонились вместе с горизонтом, словно я выглянул в иллюминатор заложившего вираж

самолета, и, точно балансируя, заходили то вверх, то вниз. Кавуненко подхватил меня сзади и сказал:

- Придется идти вниз...

- Не придется...

Я снова встал на колени и на четвереньках потащился к находившемуся метрах в десяти от меня небольшому снежному уступу.

На стенке полуметровой ступени, как на срезе дёрева, четко виднелись грязно-серые, плотно слежавшиеся слои. Снег хорошо пилится. И дело приятное, если здоров, - столько же успокаивает, сколько и оживляет. Выпилить снежный кубик со стороны сантиметров в тридцать - минута, не больше. Я его резал вечность.

Пила казалась тяжелой, не подчинялась, зигзагами, крошила ребро. Я положил ее, решив отдохнуть, а когда взял снова, почувствовал, что она стала намного легче... И тогда я увидел, что небо надо мной теплое, а горы веселые и вполне сговорчивые. Я подумал: все, что со мной здесь случилось, все хорошо и правильно.

Первый снежный брусок я еще волочил по снегу. Положил его у входа в пещеру, решив построить здесь стенку на случай сильного ветра. Обратный шел во весь рост! От пещеры до моего карьера не более семи-восьми метров. Только на полпути пришлось отдыхать... Снежные опилки летели во все стороны, брызгали мне в лицо и приятно кололись острыми прохладными иголками. Я подставлял лицо ближе.

Каждый раз после отдыха рука моя становилась тверже и уверенней. Но уставал быстро. Очень скоро наступал момент, когда, изнеможенный, терял способность управлять ею. И тогда она двигалась будто сама — под действием одного лишь настырного, оступело-бездумного желания. Пила в таких случаях не резала - она вяло елозила вхолостую где-то внутри распила, не касаясь зубьями снега.

Когда выдохся окончательно, подумал: «Почему правая? Можно и левой, хоть и труднее... Это хорошо, что труднее! Надо левой...» Пила идет вкривь и вкось. Ребро получается ломаное, кривое. Но разве я пилую? Я не пилую - я качаю кровь, даю ей разгон... Трудное дело - гонять по жилам собственную кровь! Силы уходят... рука немеет, почти не двигается... Мне только кажется, что она двигается. Мне только хочется, чтобы она двигалась.

Бросаю пилу и, растянувшись на спине, отдыхаю. Может, не стоит? Нет. Стоит! Ведь выскочил из самого тяжелого, самого трудного... Стоит! Еще час-полтора умной работы! Умной! Без перебора, без переоценки возможностей, понемногу прибавляя время и сокращая отдых, прислушиваясь к себе, как настройщик рояля к инструменту. Я хватаюсь за пилу, и снова лицо мое осыпают снежные брызги.

Стенка получалась корявая. Ребята, сидя в пещере, следили за мной сквозь проем и смеялись... если смехом можно назвать вялый перекосяк измученных, задубевших от мороза и ветра лиц.

Я вдруг заметил, что защита от ветра и впрямь курам на смех — ветер дул с другой стороны.

- Самый ценный труд - мартышкин, - сказал Кавуненко. - Это он сделал мартышку человеком.

Правдивая шутка. Стенка окончательно привела меня в чувство. Приступ гипоксии длился часа полтора, а пережитых чувств, ощущений и всяких подробностей хватило бы на год.

- Правдивая шутка, - сказал я вслух. - Не забудь о ней, когда пойдем дальше к вершине...

- Он никак на вершину собрался? - усмехнулся Кавуненко. - Семь пятниц на неделе... - Неожиданно добавил: - Тогда ужин готовь.

При слове «ужин» Пискулов брезгливо поморщился и молча стал разбирать спальный

мешок. Кавуненко вытянул ногу и как бы нечаянно положил ее на спальник. Юра пытался сбросить, но тот упирался, равнодушно глядя куда-то в свод пещеры.

- Еще один... - сказал он мне, кивнув, в сторону Пискулова. - Перешла икота на Федота. Веселая ночь у нас нынче будет. - И, резко повернувшись к Пискулову, зло кинул: - Брось валять дурака! Сначала ужинать, потом спать... Чуть горняшка зацепила, и с ходу в мешок - помирать!

Юра сразу обмяк, дыхание стало откровенно тяжелым и частым. Рукавом штормовки отер вспотевшее лицо и сидел неподвижно, уронив руки на колени. Ему и до этого было худо, но он бодрился, скрываясь от Кавуненко. Теперь, когда понял, что Кавуненко все равно знает, прятаться не имело смысла, и он отпустил себя. Я протянул ему облатку с таблетками аскорбинки, но он не шевельнулся.

- Ну что? Рот ножом разжимать? - Володя сказал это кисло, без обычной твердости, словно выбился из сил. Юра удивленно посмотрел на него, положил на язык пару таблеток и задвигал челюстями механически, выполняя нужное, но неприятное дело.

Мы с Кавуненко вылезли из пещеры. Температура быстро падала. Пар от дыхания мгновенно кристаллизовался и оседал на лице и вороте одежды, припудривая их изморозью.

Я сказал Володе, что он зря расставил точки над «и» — желание скрыть недомогание давало Пискулову силы бороться с собой.

- Хоть на этом держался бы...

Кавуненко притулился к снежному брустверу и долго молчал. Мне показалось, что он засыпает. Я тронул его за плечо.

- Ну что? Что?! - вздрогнул он. Думаю я, думаю... Ерунда это все. На этом не продержишься. Через полчаса решил бы стать честным: нельзя, мол, скрывать от ребят... Люди слишком благодушны к себе, даже когда ведут войну против себя же. Тут грубость нужна. Мордовать себя надо. А лучше, когда другие мордуют. Обозлить бы его...

- Человек должен сам справиться...

- «Должен»! Все у вас «должен»... Моралисты... Ты час назад ничего не был должен. Альпинизм называл глупостью. Может, и прав был...

Я понял не сразу. Ждал, что последняя фраза обернется, как всегда, очередной едкой шуткой. Но он смотрел в сторону, боясь заглянуть мне в глаза. Помолчав, он вяло опустил на снег и добавил:

- Пошутил я. Не волнуйся...

Я сделал вид, что поверил. Но в душе все же заподозрил... «Воюет не столько с Пискуловым, сколько с собой», - подумал я.

А до вершины оставался один переход... Всего лишь полкилометра... Полкилометра? Пятьсот метров вверх! Сто шестьдесят пятый этаж! Только не по готовым ступенькам... Но лучше об этом не думать. Лучше думать, что позади семь «кило» вертикали, год подготовки... Нет, не год - шесть лет! Или больше?..

Я тогда так и не понял, что было с Кавуненко: прихватила ли и его горная болезнь, или это реакция сильного утомления? Только видел, что он без конца глотал витамины и после ужина несколько раз тянулся к фляге с лимонным напитком. Если это была гипоксия, то справился он с ней отлично...

С северо-запада, закрывая оранжевый край закатного неба, быстро ползла на нас блекло-синяя туча, тугая, выпуклая, словно брюхо огромного животного. Ветер дул резкими порывами и с каждым разом становился все крепче. Кавуненко вдруг встал и сказал:

- А стенку все же надо поставить на место. Гони сюда Юру - мы с ним займемся. Может, успеем, пока пурга не нагрянула?

Пискулов спал, сидя на рюкзаке все в той же позе Черты его заострились, лицо

вытянулось и приобрело какой-то странный синеватый оттенок. И если бы не тяжелый с присвистом сап, можно было подумать... Просыпаться он не хотел - ошалело взглянул на меня и снова закрыл глаза. Но я растолкал его. Он оказался молодцом и доставил хлопот куда меньше, чем я ожидал. С минуту посидел, набираясь сил, и, одолев себя, выполз из пещеры.

Я почему-то подумал, что парень этот ни при каких обстоятельствах не теряет своей интеллигентности, и вспомнил альпинистский фильм, который видел еще в Москве перед отъездом на Памир. Меня тогда покорила подчеркнутая, умышленно выпяченная духовная простота героя - дескать, они-то, «простые парни», только и способны на истинное мужество. После часто всматривался в лица собратьев - искал подобие, искал лица, умиротворенные жевательной резинкой, с интеллектом, ушедшим в скобяные подбородки. Увы!

Я сейчас думаю, откуда это принятое стереотипное отождествление примитива с мужеством? Не от ранних ли мальчишеских впечатлений, когда авторитет добывается кулаком? Откуда взялось мнение, что ресурс мужества скудеет там, где есть природный ум и интеллект?

Говорят, чем у человека выше интеллект, тем сильнее в нем реакция страха. Думаю, так и есть. Гейне сказал об этом емко и точно: «Ничто не страшно только дураку». Если оно и существует, бесстрашие, то лишь от непонимания, недооценки опасности. Выражение «презирать опасность» могут употреблять только люди, знакомые с ней все больше по переходу через проезжую часть.

Нет, не на том стоит мужество... Мужество - это способность проходить дистанцию, где сплошными барьерами стоят страх, бессилие, неверие в себя, отказ от борьбы, так я думаю...

Те, кто готовит себя для штурма вершин, не упускают возможности лишний раз «перескочить через пропасть». Они тренируют в себе силу духа не попутно - «заодно», а специально и продуманно, как балерина добывается пластики, канатоходец - чувства равновесия. Работа, прямо скажем, не для ленивого и ограниченного ума. Такой не приемлет ее, поскольку при всей своей лености немедленно узрит в ней смехотворные и чужие привычки - те, что пренебрежительно назовет «самокопанием», но что, однако, носит уважительное имя «самопознание». Он познает себя все больше на трамвайной горизонтали и признает лишь вертикаль, по которой движется лифт. Не получив вещественного ответа на вопрос: «Зачем ходить в горы?», он тут же скажет: «Умный в гору не пойдет!» И решит это для себя раз и навсегда, хотя бы из неистребимой тяги к стопроцентной конкретности, к делению всего существующего на «плохое» и «хорошее».

По статистике около восьмидесяти процентов альпинистов имеют высшее образование. Среди них кандидаты, доктора наук, писатели, журналисты, рабочие. Широко известны в альпинизме имена академиков Александрова, Виноградова, Летавета, Хохлова, Тамма. Интеллигентность человека, конечно, не доказывается дипломом вуза. Так же, как далеко не всегда можно мотивировать ее служебным положением или родом занятий. Если, скажем, за интеллигентность принять умение творчески воспринимать жизнь, обостренное чувство этики и страсть к познанию, если слово «интеллигент» считать противопоставлением слову «обыватель», то у станков можно встретить немало интеллигентных людей, а у конструкторских кульманов, к примеру, наоборот, неинтеллигентных.

Нет, диплом - это далеко не признак. Когда он один. Но гора дипломов — дело совсем иное. Здесь количество дает новое качество. И если высшее образование еще не повод, чтобы назвать спортсмена интеллигентом, то подавляющее большинство высших образований в альпинизме дает ему право называться спортом интеллигенции...

Примус заиндевел и пока что обжигал пальцы морозом. Здесь, на высоте, альпинист

каждый раз достает его из мешка опасно и тревожно. Эта «бабушкина» техника, ставшая ныне символом всего примитивного, устаревшего, решает судьбу восхождений, решает судьбу восходителей. Лучше лишиться пищи, чем остаться без примуса. Он согревает нас изнутри и снаружи. А кипяток на высоте ценней и «питательней» лососевой икры.

Только примус - штука предательски ненадежная. Вероятность его разгорания имеет лотерейный характер. Порою он не горит оттого, что откровенно ломается, а порою не работает, потому что вдруг не работает. Целые группы альпинистов-высотников, глядя, как кто-то из них разжигает примус, ждут своего приговора...

Я заправил его бензином и нажал на поршень подкачки. Поршень прошел до отказа, зацепился за что-то и обратно не сдвинулся с места... Вот и приговор! Переохлажденные, ослабленные гипоксией организмы не выдержат. Дай бог, чтобы до утра в группе не началось пневмонии, ангины или еще какой-либо страшной для этой высоты хвори. Оставалось одно: лезть в спальные мешки и обогреться собственным теплом. Утром, если будет, погода, спускаться вниз...

Черта с два! Я схватил примус и стал его трясти. Попробовал поршень - ни с места!.. С минуты на минуту начнется буран, с минуты на минуту вползут ребята с надеждой согреться.

Спичку зажег на авось. Пламя вдруг взметнулось, лихорадочно и шумливо полыхнуло несколько раз и исчезло, упорхнув в свод пещеры. Поболтал бензин в баке и сделал вторую попытку. Горелка вспыхнула синим напористым пламенем. Примус надсадно завыл, и так угрожающе, что, казалось, вот-вот разлетится на части.

Ненастье словно обрушилось. С ходу набрало силу и завьюжило, закрутило... Все вокруг перевернулось вверх дном. Пискулов и Кавуненко ввалились запорошенные, задыхающиеся, с исколотыми снежной крупой лицами. Кавуненко отдышался и сказал:

- Говорят, рая нет? А это что? - повел он рукой и, коснувшись примуса, добавил: - А это что?! Ну, расшуровал. Уйми пламя-то - расплавимся.

- Уйми попробуй...

В «раю» в это время градусник показывал минус восемнадцать. Хотя под действием примуса ртутный столбик уже погрелся и поднимался довольно быстро. Снег В, бачке распустился и стал теплой водичкой. Юра Пискулов вертел кружку в руках, жадно смотрел на воду, но зачерпнуть не решался, боясь, как говорят, получить «по рукам». Я снял бачок с примуса и налил ему с полкружки. Он заглотнул все одним махом и облегченно вздохнул.

Кавуненко глядел, как запрокидывается Юрина кружка, словно игрок в теннис на пущенный мяч. После без всякого расчета на успех, больше для юмора, сказал:

- А мне? Сизифа мучает жажда.

- А ты потерпишь...

- Да, греческие боги были изобретательны - подкинули работенку Сизифу! Так что? Вопрос о смысле нашего труда остается открытым? Молчите, девочки?! Стыдно?... - Кавуненко вытянул свои длинные ноги, притулился головой к рюкзаку и, подложив руки под голову, чем-то очень довольный, заговорил, обращаясь к самому себе: - Нет, братцы. Сизифов труд не так уж бессмыслен... В душе он верит, что когда-нибудь вкатит свой камень и получит прощение - иначе никакая сила, даже божественная, не заставила бы его это делать... Он его вкатит... По теории вероятностей когда-нибудь случается самое невероятное... По этой теории в некий час заклинание богов не сработает... Обязательно! И Сизиф вкатит свой камень на самый верх! Обязательно! Иначе грош цена теории вероятностей... Иначе грош цена вообще диалектике... Труд не бывает бессмысленным. Когда-нибудь всем станет ясно, зачем мы катим свой «камень» к вершине... Слушай, Шатаев, дай водички... Сизиф хочет пить. Пойми, нигде не сказано, сколько весил

сизифов камень. Зато всем известно, что семитысячников в Греции нет. Ведь я два пуда... не вкатил - на горбу припер к началу восьмой тысячи...

Всех нас мучила жажда. В условиях кислородного голода, давления в два с лишним раза ниже нормального, когда язык на плече, а сердце на предельном режиме, организм выделяет непривычно большое количество влаги. Оттого и теряем мы каждый раз по пять-семь килограммов веса.

Но в высотном походе весь расчет на выносливость сердца. Мы старались не перегружать себя жидкостью. Стало быть, если и пить воду, то пить ее, так сказать, в оптимальном виде. Сейчас нужно было не только утолить жажду, но и согреться и получить витаминную дозу. Сейчас нужен был чай с настоем шиповника — горячий и в меру крепкий.

Кавуненко решил, что «черный день», на который оставляли мы самые ценные и лакомые продукты, наступил, и скомандовал выдать их «на-гора».

- Не такой уж он черный, - сказал вдруг Юра. - Бывали и хуже...

- Н-ну, Юра!.. - захлебнулся от восторга Кавуненко. - Просто слов нет... Теперь за тобой следи в оба... Слышишь, Шатаев, следи за ним в оба - не то схватит ледоруб и побежит на вершину!

Юра и сам удивился. Облегчение, как часто бывает, пришло к нему сразу. Будто развязался узел, который сдавливал горло, стягивал сосуды, и теперь по жилам легко и свободно растекалась кровь.

- Это от запаха маринованных грибов, - балагурил Кавуненко. - Погоди еще, что будет, когда Шатаев подаст разноцветную икру, кильку вскроет...

- Век бы ее не было, твоей икры... - сказал Пискулов. - Внизу, когда в охотку, зажимали, а теперь...

- Видишь ли, Юра, так уж устроено: чем ближе к небу, тем этот продукт доступней... И аппетит у тебя не по правилам. В медицинских справочниках сказано: с высотой избирательность вкусов сужается - ничего не хочется, кроме кислого, соленого, острого...

- Ты прав. — Юра схватил лимон и, откусив, как от яблока, сжевал, не моргнув глазом...

* * *

Счастье наше и впрямь было тревожным. Тем больше, чем больше неистовствовала погода. Казалось, что нарастание этого бешенства имеет близкий предел, что после него произойдет нечто страшное - катаклизм, который снесет горы, сровняет рельеф. Надрывный вой повышался все больше и больше, переходил в свист и то и дело перекрывался раскатистым гулом сходящих лавин...

Мне долго не удавалось заснуть. А под утро спились кошмары - бесформенные, расплывчатые. Что-то тяжелое, стонущее, кричащее нажимало на грудь. И почему-то ясно слышался крик Пискулова: «Стой! Кто идет?» Я открыл глаза. Непроницаемый мрак. Вокруг глухая ватная тишина. Что-то словно вцепилось в горло, прерывая дыхание. Мне вдруг показалось, что я в могиле. Забыв, что спеленат спальным мешком, я попытался поднять руки и испугался еще сильнее. Рядом раздался стон и чье-то, словно прорвавшееся, частое, всхлипывающее дыхание. Вспомнил, что рядом лежит Пискулов. В памяти сразу же восстановились подробности нашего положения, и вдруг ошарашила мысль: нас накрыла лавина!

Расстегнув мешок, достал из кармана спички, чтобы зажечь свечу. Головка занялась было жухлым тускнеющим пламенем и погасла. Я извел чуть ли не полкоробка, прежде чем сообразил, что огню, как и человеку, нужен кислород. Где-то рядом должен стоять рюкзак. На ночь, перед тем как залезть в спальник, я положил на него фонарь. На ощупь разыскал его и, осветив пещеру, направил луч на входное отверстие - если - лавина, то у

входа должен быть снежный завал. Но здесь было чисто - ни комочка. В проем вдавался полукруглый выступ сугроба - пурга замуровала нас, и мы оказались запертыми внутри снежной полости.

С души отлегло. Раскопать сугроб легче, чем пробить многометровую толщу лавины. Задохнулись бы прежде, чем выбрались на поверхность.

Пискулова будить не стал. Растолкал Кавуненко, и мы взяли за лопаты. Через несколько минут снег над нами обвалился.

Сквозь дыру прорвался сноп света и свежий морозный воздух.

Нестерпимая, беспощадная белизна шибанула в глаза, заставив зажмуриться. Мы невольно потянулись к защитным очкам. Но я все же не утерпел и, прежде чем надеть их, посмотрел на вершину.

Склон, на котором мы находились, был в тени, но контуры оделись в ослепительно огненную окантовку с уходившими на запад и таявшими в бесконечности золотыми ножами. На самом верху, сверкая солнечными бликами, обманчиво-миролюбиво маячили белые снежные флаги. В панораме приземистых вершин и островерхих пиков уходящих вдаль хребтов чувствовалась утренняя стылость, тихая неподвижность. Мое «созерцание» длилось не более полуминуты. Зная, что вся эта призывная красота опасна, я заставил себя надеть очки.

...Час спустя мы продолжили восхождение. А в 16 часов 10 минут Кавуненко, Пискулов и я, стоя на вершине, обозревали Памир.

Меня вдруг кольнула мысль о нелепости нашего положения: идем в горы, на волю, но каждый шаг ограничен, каждое действие сковано – именно здесь, как нигде. Даже природой доступно любоваться только сквозь темные очки. Но почему же идем? Никто ведь не гонит - сами тянемся... скажи сейчас Кавуненко, что на сезон лишается выхода в горы, - с ледорубом пойдет на обидчика... Почему факты не вяжутся с логикой?

Но я тут же понял: это та логика, которая учитывает только издержки. Что второстепенность принял за главное. А главное вовсе не в этом. Оно в том, что каждый метр – борьба и победа. Сколько метров – столько побед!

Кавуненко задрал голову и смотрел в высоту, но, как показалось мне, не на самую вершину. Очки закрывали глаза, и я не мог проследить за его взглядом. Но по тревожному пасмурному лицу я догадался, чего он ищет, ибо чувствовал, что и ему запала мысль – может, теперь, а может, раньше, - которая давно уже не оставляет меня.

Где-то метрах в двухстах над нами есть место, ничем не отличающееся от тех, что метрами выше, метрами ниже, - место, которое оказалось непреодолимым для альпиниста куда более сильного, чем мы, - мастера спорта Олега Абалакова, Абалакова-младшего. Я и по сей день преклоняюсь перед альпинистским его талантом, уважаю и люблю этого человека.

Я говорил себе много раз, что это его личный, индивидуальный «порог», что при всей его восходительской хваткости, могучем здоровье особенности его организма не стыкуются с высотой. Другие восходители проходили это место, не замечая, не запоминая его, и поднимались к вершине. Ибо никакой объективной точки преодоления нет, хотя считается, что существует некий диапазон критической высоты – от 6500 до 7200 метров. И там у каждого своя критическая отметка. Если так, то свою, судя по всему, я прошел...

Всё это говорил я себе, убеждал себя в этом, но тщетно – пример Абалакова-младшего вызывал тревожное чувство.

Я пришел в альпинизм, когда Олег Абалаков был уже в известности и почете. О нем говорили как о восходящей звезде и считали, что он перекроет отца. Отвесные стены, отрицательные углы, каминны он проходил виртуозно. С мастерской точностью, красиво, вдохновенно и даже лихо. Его хваткость, чутье, экономность, скупость средств, которыми пользовался, достигала не просто признания, но и вызывали откровенный восторг.

Тактика его лазания увлекала, как остросюжетная книжка. Кажется, что есть только один возможный способ пройти эти два-три метра скалы – справа вполне надежный уступ для ноги, сверху зацепка и тут же, под руку, судьба тебе посылает отличную трещину для лепесткового крюка. А крюк вошел – считай, дело сделано. И только так – другого здесь не дано... Но Олег не выносит поверхностные варианты. Редкое альпинистское зрение помогает ему отыскать то, что не находят другие. Нежданно-негаданно он проделывает ошеломляющую вещь. Подается вправо, используя тот выступ, и маятником перелетает к мелкому карнизу, который никто не принимал в расчет из-за большой отдаленности.

Он удивлял нас не только как альпинист. Олег из тех, многосторонне одаренных людей, которые в любое дело, что называется, въезжают на белом коне, которым все дается легко, без натуги и быстро. Как-то он взял гитару – прежде никогда в руках не держал, - пощупал струны, тут же подобрал мелодию, нашел в ней гармонию и через полчаса заиграл, словно играл на ней всю жизнь.

Некоторые обвиняли его в нескромности. Я никогда не соглашался с ними, хотя внешне основания к тому вроде и были. Веди он себя по-другому, я бы первый упрекнул его в неискренности. Впрочем, его не заботило ни то, ни другое. Мне это нравится в нем. Смешно предъявлять претензии к умному, талантливому человеку с сильным мужским характером за то, что он хорошо знает себе цену и при необходимости не считает нужным это скрывать ради ханжеской, лживой позы скромника. Он хорошо знает, что может сделать то, чего не могут многие другие, что имеет право взять на себя то, чего другим не потянуть. Без надобности никогда этого не выпячивал, а при таковой не стеснялся говорить об этом открыто.

Он отличный товарищ, и этика альпинизма дается ему так же легко, как и все остальное. Я не задумываюсь пошел бы с ним в одной связке. Однако...

Я говорю это теперь, спустя несколько лет после восхождения, о котором идет речь: если б однажды мне сообщили, что Олег бросил альпинизм, я бы от души за него порадовался. Почему?

В натуре этого человека, в его психике нет той скрупулезности, настороженности, которая порою в излишестве присутствует у людей более ординарных, с опытом мозолистой, труднодающейся жизни. Он для этого, как говорят, мало бит. Он не знает, что значит «дуть на горячее». Излишества этого качества альпинизм не приемлет.

Но в некоторой мере в характере горовосходителя должно быть такое свойство. Тогда в стрессовых условиях штурма оно вырастает до нужных размеров. Здесь происходит «раздвоение» личности», одна из которых дотошный, нудный, придирчивый контролер.

Она анализирует каждый шаг, каждое движение, каждое действие. Она заставляет человека прислушиваться к себе, как мнительный больной.

Боюсь, что Олег в отличие от отца, Виталия Абалакова, у которого это свойство принято за эталон, лишен его вовсе. И при всем том, что мастерски владеет техникой страховки, умом понимает ее решающую суть и обладает достаточной волей, чтобы заставить себя страховаться, он недостаточно осторожен. Это единственный изъян в его альпинистском таланте, но его хватает, чтобы альпиниста назвать фаталистом.

В тот раз, когда снимали его отсюда, с высоты 7200, он заболел ангиной. (На высоте это болезнь «номер один» - если не следить за собой, захвораешь непременно). Теперь подвернул себе ногу во время прыжка. Случайность?

На равнине подобные приключения можно было бы смело назвать случайностью. На равнине человек не должен, не может и не имеет оснований думать о каждом движении ноги. Ибо это в горах передвижение – цель, а на равнине – только средство. Но именно потому, что в горах такие случайности подстерегают на каждом метре, идеал нашего мастерства, высочайший его критерий заключается в том, чтобы пройти маршрут, избежав десятки тысяч этих случайностей. И все-таки произойти такое может с каждым из нас... как раз потому, что все мы далеки от альпинистского идеала и лишь немногие приближаются к тому реальному эталону, каковым стал для нас Абалаков-старший, альпинист номер один страны, первопроходец пика Победы и многих других вершин.

Все это я знал, понимал. И все же сомневался, что пройду там, где Олегу не удалось.

Кавуненко смотрел на меня в упор и ехидно ухмылялся. Потом отвел глаза в сторону, сморщил лицо, изображая напряженную мину, будто решает важный вопрос, и сказал:

- Надо б его вообще закрыть...

- Кого закрыть?

- Его... - он кивнул головой в сторону вершины, - Пик... Раз Олег не прошел, стало быть, другим здесь и вовсе делать нечего!

- Телепат!.. Мысли читаешь... Небось и сам так думаешь...

Но он заговорил вдруг серьезно и откровенно:

- Ну думаю. И злюсь. Ведем себя как ученики... Мастера спорта! Телеса спортивные, характеры дистрофичные! Сами ни шагу! Все прецеденты ищем да на соседа смотрим. Ладно... - он показал вверх, - там увидим...

- Все верно. Только не там – здесь. «Соседа» здесь из головы нужно выкинуть. Там будет поздно. В тридцать третьем на Эвересте Смит тоже думал о Мэллори...

Ветер, мороз, высота, рельеф... - но это не все, с чем вступает в борьбу альпинист. Бывают преграды более тяжкие, хоть и расположились не где-нибудь, а всего лишь в собственной голове.

Край Земли

Смит думал о Мэллори. Что именно – он и сам бы после не мог сказать. Однако было о чем подумать. Почему Мэллори избрал себе в спутники не первоклассного восходителя Оделла, который здесь, в лагере 4, на высоте 6985, был в отличной форме, а молодого, неопытного – по сути дела, новичка в альпинизме – Эндью Эрвайна? Мэллори! Едва ли не лучший восходитель Лондонского альпийского клуба! Он штурмовал Джомолунгму второй раз и больше чем кто-либо знал, что для этого надо. Два года назад на ее склоне он впервые в истории перешагнул магическую черту 8 тысяч.

Что побудило его взять с собой Эрвайна? Личные интересы, отношения? Вряд ли... Вся эта штука остается внизу. С каждым метром вверх психика альпиниста все больше и больше очищается от дел земных. Остается одно – цель, желание, смысл – вершина!

Восходители знают – по мере подъема тематический круг их разговоров, рассказов, историй сужается, словно гора, по которой идут. Под вершиной альпинизм – то единственное, о чем говорят и думают.

Тогда почему же Эрвайн? Может быть, именно потому, что он новичок. И, как новичок, на подъеме он станет слепо верить в авторитет Мэллори. Он будет ведомым, а не ведущим не только по факту, но и своей психологией. Для Эрвайна на восхождении будет существовать только спина Мэллори, за которой нужно следовать строго и неуклонно. И покуда Мэллори будет верить в возможность покорить вершину, верить в это будет и Эрвайн. Его не будет отягачать комплекс недоступности, который обычно складывается у бывалых восходителей под впечатлением, что перед ним потерпел поражение сильный альпинист на том же маршруте. А основания для подобного «комплекса» у Мэллори и Эрвайна были...

Дело в том, что 5 июня 1924 года, накануне того, как из лагеря 4 вышла связка Мэллори – Эрвайн, сюда после попытки штурмовать вершину спустились Нортон и Сомервелл. Нортон рассказал им подробности сегодняшнего штурма.

Вдвоем они достигли высоты 8540 метров и подошли к большому кулуару, отделявшему северо-восточный гребень от вершинной пирамиды. Здесь Сомервелл почувствовал себя плохо. У него начался высотный кашель, и он повернул назад. Нортон решил продолжать штурм в одиночку. Оставаясь по эту сторону кулуара, он за час одолел всего лишь 30 метров вертикали, пройдя по пологому склону 270 метров. С Сомервелом они шли в два раза быстрее.

Конечно, Нортон теперь шел осторожней. Конечно, топтать след на глубоком снегу, чередуясь с напарником, легче, чем делать это все время одному. Кроме того, на пути ему встретились два контрфорса, и их пришлось обогнуть. Но было, видимо, и другое.

Человек остался один, без всякой поддержки, без всякой надежды на помощь, в мире неизвестного, непонятого и беспощадного, с каждым шагом вперед укорачивая надежду

на возвращение. Ко всему он увидел перед собой слишком много препятствий и в глубине души перестал верить, что сумеет взойти на вершину.

Он двигался по велению совести альпиниста, который чувствует, что не исчерпал до конца свои силы и не имеет морального права повернуть. Нортон заставил себя ступить в опасный кулуар. Дно этого огромного желоба покрыто глубоким рыхлым снегом. Однако ему все же удалось перейти на западную сторону.

От вершины Нортон отделяло 300 метров по вертикали. Сзади многокилометровый путь, который шаг за шагом перегонялся в усталость. Впереди загадочный взлет к вершине. Он еще чувствовал силы. Но на какой точке этого взлета лежит их предел? Знать бы «коэффициент» - отношение оставшихся сил к тремстам метрам преодоления.

Усталость, кислородный голод дали сигнал – появилась резь в глазах, нарушение фокуса. Нортон почувствовал, что начинает слепнуть. Он повернул...

Эдвард Нортон достиг рекордной высоты – 8572 - без кислородного аппарата. И это был подвиг!

Возможно, Мэллори заметил, что рассказ Нортон произвел на Оделла гораздо большее впечатление, чем на Эрвайна. Оделл, как альпинист с большим стажем, не раз переживший трудности высоты, должен был более глубоко понять смысл этой истории. Отметка Нортон наверняка запала ему в голову, как запала она и самому Мэллори. Во время подъема, на огромной высоте, где психические проявления обостряются, где сила всякого рода самовнушений умножается, мысль эта прорастает живучим побегом неуверенности. Все это приведет к переосмысливанию самой задачи, цели – не до вершины, перекрыть бы рекорд высоты. По факту все восхождения, которые до сих пор были здесь, на Эвересте, сводились именно к этому.

Мэллори, видимо, хорошо понимал, что на пути к вершине лежат не только климатические, физические, организационные препятствия, но и психологические.

Для Эрвайна, молодого сноровистого здоровяка, хорошо переносившего высоту, вся эта сторона дела не имела значения. Он так или иначе пойдет за ведущим. И Мэллори взял его...

Многие считают, что в этом была его роковая ошибка. Впрочем, подробности этой трагедии никто, никогда не узнает...

Шестого июня Мэллори и Эрвайн вышли из лагеря 4 и седьмого прибыли в лагерь 6. Через день, предварительно отправив вниз носильщиков-шерпов, связка вышла на штурм вершины.

Оделл, как было сказано, чувствовал себя превосходно – настолько, насколько подобное вообще возможно на такой высоте. Остаться на биваке он не захотел и на другой день после выхода Мэллори и Эрвайна в одиночку отправился в лагерь 5 (7710 метров). Здесь он заночевал и 8 июня быстро и без труда достиг высоты 8145, где

находился лагерь 6. По дороге он даже умудрился провести несколько геологических исследований.

Еще на маршруте меж лагерями 5 и 6 сквозь ненадолго появившийся просвет в облаках, закрывавших склон, Оделл заметил две черные точки, которые двигались под одной из ступеней северо-восточного гребня. Но облака вскоре сдвинулись, и он не успел рассмотреть, где именно находились Мэллори и Эрвайн.

В лагерь 6 Оделл пришел вовремя – сразу же начался обильный снегопад. Когда погода улучшилась, Оделл поднялся несколько выше и стал подавать сигналы. Ответа, однако, не было... Позднее облака рассеялись, солнце осветило вершинный склон, но он был идеально чист...

После экспедиции 1924 года девять лет Джомолунгму не беспокоили. В силу ряда политических затруднений эта территория находилась, что называется, под замком. А в 1933 году альпинисты английской экспедиции Хьюга Роттледжа Харрис и Уэджер, разведывая путь по северо-восточному гребню вверх от лагеря 6, обнаружили на высоте 8450 метров предмет, вмерзший в снежный наст. Это был валлийский ледоруб, принадлежавший связке Мэллори – Эрвайн...

31 мая 1933 года Харрис и Уэджер после неудачной попытки взойти по северо-восточному гребню спустились вниз, решив двигаться к вершине по маршруту Эдварда Нортон. Лагерь 6, от которого начался их путь, был теперь поднят на двести метров и находился на отметке 8350. Судя по всему, оба они хорошо переносили высоту, поскольку шли очень быстро. Однако маршрут их уперся все в тот же невидимый тупик, заколдованную точку, которой достиг Нортон. Именно здесь, на 8572, они почувствовали усталость и повернули назад. К четырем часам дня того же 31 мая они снова были в лагере 6. В это время здесь уже готовилась к выходу вторая штурмовая группа – Франк Смит и Эрик Шиптон.

Был довольно сильный ветер, падал снег. Переждав непогоду, связка Смит – Шиптон вышла на штурм. Вдвоем они шли недолго. Внезапно Шиптон почувствовал боли в желудке и вынужден был вернуться. Дальше Смит пошел один...

...Смит думал о Мэллори. Крутизна склона, где он теперь шел, усилилась, а под ногами стелились гладкие черепицеобразные известковые плиты, опасно прикрытые пушистым снегом. Каждый шаг был чреват последствиями и стоил ему большого напряжения. Неожиданно ему пришло в голову, что он напрасно так осторожничает – ведь он не один... В связке с ним еще альпинист. В случае срыва тот непременно удержит.

Смит чувствовал его в нескольких метрах от себя. Он слышал его шаги, дыхание... В голове вдруг возникло ясное, четкое знание этого человека, и присутствие его не вызывало ни малейшего удивления. У Смита просто не возникло вопроса: «Откуда он взялся?»

Теперь он шел спокойно, без той усиленной настороженности, которая обычно сопровождает восходителя-одиночку.

«На него можно рассчитывать больше, чем на себя, - думал Смит. – У него отличная реакция, редкое чутье. Он вовремя заметит, найдется, удержит. Кто-то пустил слух, что он погиб... Сплетня... Вот он, рядом со мной... Молчаливый за все время ни слова. Он умеет беречь силы. Он придает этому большое значение. Он всему придает значение. С ним спокойно – он удержит... В 1922 году здесь же, на Эвересте, когда при спуске Маршед поскользнулся и потянул за собой еще двоих, он спас всех. Один удержал все связку».

Потом Смит увидел, что Мэллори идеи впереди. Он любовался, как искусно и ловко тот прокладывал след, видел слегка расплывшиеся очертания его чуть согнутой фигуры и двигался точно за ним. После они опять поменялись. И Смит снова шел впереди. И когда он взглянул на анероид, тот показывал «8572»... Высота Нортон! Внезапно Смит почувствовал сильную усталость. Он присел, достал из кармана печенье, разломил его и половину протянул «ему». Но печенье осталось в руке... Смит оглянулся и увидел, что вокруг никого нет...

Он долго смотрел вверх. Склон трехсотметровой вершинной пирамиды был свободен от облаков. Стрелки показывали десять часов утра. Вершина совсем близко. Но ему теперь показалось, что она находится от него дальше чем когда-либо раньше. Сейчас он думал об одном: хватит ли сил на спуск?

На обратном пути ему изредка все еще мерещился этот таинственный спутник. Хотя галлюцинации теперь имели, как говорят врачи, более стертую форму. Только вблизи лагеря 6 связь эта окончательно порвалась, и Смит почувствовал, что он совсем один в этом бескрайнем мире нагромождений...

В 13.00 он пришел в лагерь 6 и встретился здесь с Шиптоном. У них еще было много времени, чтобы спуститься не только в лагерь 5, но и дальше, к Северному седлу.

Когда Шиптон спросил у Смита, способен ли он продолжать спуск, тот шутливо ответил, что мог бы не только вниз, но и еще раз вверх, однако не выше точки Нортон. Тем не менее от спуска отказался. Он решил остаться, чтобы продлить ощущение одиночества, чувства, которое он не мог бы объяснить, но с которым расставаться не хотелось.

Шиптон ушел вниз один.

Все время, что находился Смит в лагере 6, переживал от приключения этого дня. Он думал, что и без того трудноодолимый путь к вершине Эвереста теперь еще больше осложнен альпинистами. И что, может быть, самая серьезная преграда – это та, которая возникает в психике восходителя. Теперь она может расти раз от раза. И каждая неудача предыдущей штурмовой группы будет отяжелять работу последующей. Смит также думал, что если Мэллори и в самом деле избрал Эрвайна, исходя из таких рассуждений, то он был прав...

Эпоха покорения Джомолунгмы длилась 33 года (1921-1953 годы). Правда, на период второй мировой войны осада ее склонов была временно прекращена. Но и тогда гора эта по-прежнему интриговала альпинистский мир.

За 32 года альпинисты разных стран сделали пятнадцать попыток открыть «третий полюс». Эверест штурмовали крупные дорогостоящие экспедиции и более мелкие, скудно оснащенные. Его пытались взять и авантюристы-одиночки, одержимые бредовыми надеждами, жаждущие сенсационной славы. Из пятнадцати «замахов» на Джомолунгму три принадлежали одиночкам. Датчанин Клаус Бэкер-Ларсен, скажем, решил начать свою Альпинистскую карьеру прямо с Джомолунгмы. Отправился налегке, чочтя, что даже примус излишен. Штурм, естественно, закончился ниже Северного седла. Ему, однако, повезло - остался жив.

Завидное свойство – уж что-что, а чужой авторитет на них не давил. И никаких «комплексов», никаких психологических барьеров – одна лишь вера в знак зодиака над собственной головой. Их не смущало то обстоятельство, что в схватке с Эверестом потерпели мощные экспедиции с лучшими горвосходителями мира. Видимо, это естественное проявление дилетантизма. К сожалению, сочетание опыта с такой поразительной раскованностью – явление исключительно редкое. Первопрохождение всегда трудно. Но еще труднее идти по маршруту, который перед этим кому-то не удался...

Тибетский вариант Джомолунгмы в том период так и не был решен. Предвершинный участок северного склона остался девственным...

В 1950 году альпинистский мир переориентировался. И стал смотреть на Сагарматху с более теплой стороны – с южной, на ту ее часть, которая лежит на территории Непала. Появился так называемый непальский вариант. Он-то и привел к победе.

З три года (с 50-го по 52-й) по непальским склонам Эвереста прошли четыре крупные экспедиции. Американская, английская и две швейцарские. Но вершина осталась непокоренной.

Английская, руководимая Эриком Шиптоном, привезла домой сенсационную весть, которая облетела весь мир: на западной стороне перевала Менлунгла, на высоте 5900 метров Эрик Шиптон обнаружил и сфотографировал свежие следы снежного человека (по местному – «Йети»). Тремя днями позже два других альпиниста этой группы, Мэррей и Бурдиллон, сопровождаемые шерпами, тоже видели следы этого существа и шли по ним три километра. Эта находка привела потом к созданию специальной гималайской экспедиции, снаряженной лондонской газетой «Дейли мейл». Экспедиция, руководимая корреспондентом этой газеты Ралфом Иззардом, проработала в Гималаях весь летний сезон 1954 года, не раз нападала на свежие следы снежного человека, но самого йети так и не встретила.

Пятнадцать попыток! Пятнадцать дерзаний, превративших коварные склоны Джомолунгмы в мемориалы, не принесли людям успеха. Наступил год шестнадцатой атаки «третьего полюса».

10 марта 1953 года британская экспедиция под руководством полковника генерального штаба Джона Ханта вышла из столицы Непала Катманду. Это была отлично экипированная группа, в оснащение которой входила даже такая вещь, как легкий миномет для обстрела лавин. Альпинистов обеспечили новым типом дыхательных приборов – более надежными и значительно облегченными. Экспедиционный груз был настолько велик, что в базовый лагерь его транспортировали триста носильщиков. Вся тридцатидвухлетняя битва за Джомолунгму была изучена до мельчайших подробностей, обобщена, и этот опыт родил новую тактику штурма.

Во-первых, ни одна из предыдущих экспедиций не начинала свою работу так рано. (В 1938 году экспедиция Г. Тилмена была здесь примерно в то же время, но из-за плохой подготовки альпинистов потеряла много времени). В июне сюда приходят муссоны и свирепствуют все лето. Так что гималайское лето для альпинистов – сезон бездействия. «Во-первых» дало «во-вторых» - позволило провести длительную и надежную акклиматизацию.

В-третьих, последний лагерь придвинули к самой вершине. Он значился под номером «9» - девять промежуточных лагерей! – и находился на высоте 8500 метров.

Мало того, лагерь 4 был разбит на высоте 6400 метров и оборудован как передовой базовый лагерь. Альпинисты, акклиматизировавшись на этой отметке, выходили отсюда, словно из дому, и, стало быть, практически сокращали свой путь к вершине чуть ли не вдвое.

Когда отличной физиологической акклиматизации, Ханту удалось добиться еще и другой «акклиматизации» - социально-нравственной» - европейцы и шерпы жили и трудились на равных.

Когда несколько носильщиков заболели, переносом грузов из лагеря 8 (Южное седло – 7986 метров), несмотря на свой сорокалетний возраст, занялся сам полковник Хант. Он поднял на высоту 8300 метров двадцать килограммов груза. Дыхательным аппаратом он не пользовался, ибо кислород нужно было экономить, беречь для тех, кому предстояло сказать последнее слово.

26 мая первая штурмовая связка, куда вошли альпинисты Тои Бурдиллон и Чарлз Эванс, отправилась из лагеря 8 и через шесть часов поднялись на южную вершину Эвереста – 8760 метров. За это время они одолели перепад высоты в 774 метра, то есть каждый час покрывали вертикаль в 130 метров! Назад к Южному седлу они спускались в два раза быстрее.

Поистине личное этих людей растворилось в общественном. Вся группа превратилась в единую живую машину, которая напористо и неуклонно шла вверх. Для них теперь не имело значения, кто именно окажется на высшей точке, - успех общий, один на всех.

Поэтому перед спуском Эванс и Бурдиллон сняли с себя только что замененные и едва начатые кислородные баллоны и, умножая собственный риск, оставили их под вершиной – на случай, если они понадобятся тем, кто пойдет на последний штурм.

Теперь оставалось главное – северная вершина. К выходу готовились новозеландец Эдмунд Хиллари и руководитель проводников (сардар) шерп Тенцинг Норгей. Сейчас это была самая сильная связка.

Однако выходить на последний штурм из лагеря 8 было опасно и неразумно. Слишком большой перепад! Вспомним, что лагерь 8 находился на Южном седле – 7986. И хотя на точке 8300 Хант создал материальный склад, место это, во-первых, не было готово для бивака, во-вторых, рискованно далеко отстояло от главной вершины. Поэтому решено было создать лагерь 9.

К тому времени работоспособным оказался только один шерп, Ньима, и альпинисты Лоу и Грегори обязанности носильщиков взяли на себя. Лоу, Грегори, Ньима и штурмовая связка Хиллари-Тенцинг с грузом в 27 килограммов каждый поднялись на 8500 метров, отыскивали там удобную площадку и установили палатку. Дыхательным устройством они не пользовались – кислорода оставалось мало, его берегли для главной цели.

Первая тройка тут-же, ни секунды не медля, спустилась вниз. А Хиллари и Тенцинг остались с ночевкой. Было холодно – 27 градусов мороза, и ночь прошла практически без сна. А рано утром связка вышла на штурм.

Неподалеку от южной вершины в неглубокой мульде они заметили два небольших продолговатых предмета. Это были баллоны, оставленные для них Эвансом и Бурдиллоном. И тогда путь их стал легче, ибо в душе появилась вера, что несколько часов они будут стоять на высшей точке Земли.

В 9 часов утра 29 мая 1953 года Тенцинг и Хиллари смотрели на панораму гор с южной вершины Джомолунгмы. Дальше шел спуск на пермычку, а за ней начинался главный подъем... Около десяти они оказались перед двенадцатиметровыми скальным взлетом – крутым и труднопроходимым. Первым его одолел Хиллари и принял Тенцинга. Дальше карнизы, крутизна...

Хиллари рубил ступени. Когда выдохся, вперед вышел Тенцинг. Он шел медленно, отдыхая после каждого шага. И вдруг – конец... Край земли! Скалы оборвались... Перед ними прозрачный воздух и голубое небо. Все остальное внизу – гребень, словно обрезанный ножницами, и сбегаящий в глубину крутой склон...

В 11 часов 30 минут новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей стояли на высочайшей вершине мира. «Третий полюс» открыт...

Его открыли и оставили... разумеется, не настезь ворота. Скорее узкий, едва проходимый лаз. И может быть, именно с той стороны, где пролегает, что называется, психологическая тропа альпиниста. Удивительно: лишь после шестнадцатой атаки пала

Сагарматха (Джомолунгма, Эверест). Но первая же после этого попытка швейцарской экспедиции Альберта Эглера, предпринятая в 1956 году, увенчалась невиданным успехом – на вершину поднялись дважды. С тех пор и до наших дней флаги над Эверестом взвивались не раз. Думаю без натяжки можно сказать: половину успеха следует отнести за счет появившейся уверенности восходителей, за счет сознания, что гора эта доступна, что к вершине ее поднимались люди.

P.S. По статистике (данные на апрель 2015) из 7001 восходителей только 193 поднялись на вершину без кислорода, то есть 2,7 процента. 282 человека погибли, 102 из них пытались подняться без кислорода.

«Порог» Олега Абалакова

Ночью ветер дул, что называется, на нашу мельницу. Склон, по которому двигались, был свободен от рыхлого снега. Под ногами лежал ровный, словно асфальт, плотно спрессованный наст. «Кошки» отлично держали, и клюв ледоруба бездействовал – от 7000 и до самой вершины не сделали мы и десятка ступеней. Кое-где еще попадались мелкие мурды, припорошенные сыпучим снегом, да над камнями чуть дыбились крученые гребешки сугробов.

Физически вышло нам послабление. Но внимание напряглось вдвойне – путь то и дело пересекали трещины. Шли осторожно – даже по нашим, альпинистским понятиям – со страховкой на ледоруб; перекинув через древко веревку, вколачивали его по самый клюв.

И все таки двигались быстро – меняли первого через каждые две-три сорокаметровые веревки и набирали в час примерно сто – сто двадцать метров высоты.

...Она возникла передо мной внезапно, словно только образовалась, - светлая змеевидная полоса осевшего снега. Долевая, напоминавшая латинское «эс», тянулась метров на сорок вверх и имела в поперечнике около метра. Я ткнул ледорубом. Он проскочил до самой головки. Кавуненко и Пискулов остановились каждый на своем месте и ко мне не подходили – таков закон страховки.

Кавуненко перекинул веревку через ледоруб и несколькими сильными ударами вколотил его в фирн. Я не оглядывался, не смотрел, как он это делал, только слышал звук ударов молотка. За надежность страховки я был спокоен. Кавуненко из тех, для кого это дело никогда не становится надоевшей, монотонной, формальной обязанностью. Он вбивает страховочный крюк или вяжет узел, никогда не теряя свежести понимания, что это есть крюк или узел, на котором держится жизнь.

Я прыгаю через трещину и принимаю Кавуненко и Пискулова. Трещина вовсе несложная. Но дело не в этом – как случилось, что я заметил ее в последний момент? Почему не увидел до этого? Правда, минутой раньше из-за грани вершины вывалился край солнца и не так ослепил, как отвлек. Но это не оправдание. После бы говорили: «неудача, случайность...». Внизу на «Бивачном» трещин было побольше –

непредвиденных, замаскированных. Только там ничего подобного не случилось. Там они виделись все до одной, ибо там был спокоен, уверен, что этого и не может случиться.

Вот он, «порог» Олега Абалакова! Закономерность высоты, где легион случайностей воспринимается утомленным мозгом как нераздельная толчея, где возрастает количество ошибок и где ясность понимания, что каждая из них может стать роковой и высокой стадии протиборства. Теперь мои интуитивные догадки обрели логику. Я понял, в чем состоит сила одоления этого порога. Когда ее осознаешь в себе, то осознаешь и способность достигнуть вершины. Простая особенность – прыгать, как Брумель, выше головы. Стать над собой и сверху руководить собственной психикой.

Смогу ли я это сделать и как, в чем должно это выразиться? В какой конкретности? Мне известен только один способ: загнать себя на верхний предел психического напряжения. Следить за каждым шагом: как ставишь ногу, как вдыхаешь, что под ногами в двух метрах от тебя, в пяти и даже в двадцати пяти... Я должен был видеть все прежде, чем сделать шаг.

Сороконожка, которая, задумавшись, в каком порядке переставляет ноги, какая за какой следует, не смогла дальше двигаться. Это сороконожка. У меня только две ноги, и я все таки двигался, хотя продолжал осмысливать каждый сантиметр движения.

Из-за меня снизился темп группы. Никто ничего не сказал, может, и не подумал, но было неловко. Зато стало ясно, что высота эта требует именно такого режима внимания и нужно отрабатывать именно такой стиль восхождения, а темп понемногу ускорится.

Час спустя склон стал выполаживаться, тянулся отлогим метров на сорок вперед и дальше переходил в резкую крутизну. Здесь мы остановились. Я видел вершину совсем близко, но считал, что это лишь кажется. «Порог» Олега по-прежнему угнетал меня – почему-то был убежден, что все еще находимся в пределах этих двух сотен метров. Взглянуть на альтиметр не решился, но у Кавуненко спросил:

- Откуда его снимали?

Володя улыбнулся, хитро прищурил глаз, не спеша стянул рукавицу, почесал затылок сквозь капюшон и вдруг, подняв ледоруб, резко и патетично, как капельмейстер военного оркестра, дернул им в сторону. Штычок ледоруба смотрел вниз... А я все же спросил:

- Прошли?

- Давны-ы-ым-давно.

Я посмотрел на вершину и понял, что она совсем рядом. В 16 часов 10 минут Кавуненко, Пискулов и я, стоя на вершине, обозревали Памир...

...Здесь все, что вокруг нас, все под нами... Под нами земля, ощетинившаяся сотнями пиков... Странная раздвоенность сознания вызывает странный вопрос: кто мы такие? Чужие самим себе! Сейчас мы те великаны, у кого шаблонная мысль: «Человек — хозяин мира» — становится чувством, кому кажется, что переступить с вершины на вершину и

зашагать по планете — пустячное дело, и те подслеповатые, с бесконечно малым жизненным обзором, кто путается в нитях микроскопически сотканной жизни...

Мы начали спуск, и горы снова стали над нами расти. И с каждым шагом вниз все больше и больше ощущали себя мелкими, легкоуязвимыми существами. С каждым шагом возвращалось к нам все наше субъективное человеческое — страх, сомнения, осторожность, раздражительность, эгоизм, подозрительность, расчет на кого-то... Хотя, возможно, в другой, много меньшей мере, чем накопили мы все это на равнине.

С потерей высоты самочувствие улучшалось, но вместе с тем спадало напряжение, необходимое, жизненно важное, что блокировало накопившуюся усталость. Бессонные ночи. Переохлаждение, недоедание...

Меня до остервенения раздражала веревка. Казалось, болтается она сейчас больше обычного. Я вынимал и прощелкивал ее заново, поправляя карабин, сквозь который она тянулась, передвигал на себе пояс. Но она по-прежнему провисала — как и положено ей! — и цеплялась за снежные поверхности. Я готов был вовсе избавиться от нее, но вспомнил, что нахожусь на спуске. Сделать такое все равно, что выйти на трассу с плотным движением и шагать по ней несколько километров.

В пещере на 6600 метров встретились мы с разведывательной четверкой украинских альпинистов. Среди них оказались знакомые: Борис Сивцов из Донецка и Вадим Свириденко из Одессы. Ребята поздравили нас восхождением и угостили чаем. Оказалось, что где-то внизу за ними идет крупная украинская экспедиция под руководством Владимира Моногарова. Засиживаться долго не стали и через полчаса продолжили спуск, решив заночевать на биваке 6200.

Не успели отойти от пещеры, как повстречали еще одну группу: тройку киевлян-спартаковцев. Остановились с ними на несколько слов и разошлись в разные стороны — мы вниз, они вверх. Один из них кинул нам вдогонку, что на 6200 осталась Ася Клокова. Меня ждала приятная встреча — Ася подруга моей жены Эльвиры.

Приближаясь к плато пика Правды, мы увидели маленькую фигурку в голубой анораке с откинутым капюшоном. Она стояла у входа в пещеру и махала нам рукой. Кавуненко заторопился. У него редкое чутье, и он сказал:

- Если поспешим, как раз к обеду поспеем.
- Ты хоть не нахальничай... - забеспокоился деликатный Юра.
- Ладно-ладно, не буду...

В пещере было тепло. Бушевал примус. Подрагивала крышка кастрюли, испуская дурман, от которого кружилась голова....

Володя расширил ноздри, потянул воздух и блаженно закрыл глаза...

- Суп!.. Югославский... - сказал он слабеющим голосом.

- Ты ведь только отобедал?! На 6600?! – пытался поправить положение Пискулов.

- Нет, Юра... Это вы с Володей обедали. А ты съел и мою порцию, потому что я отказался и пил только чай, - жеманно ответил Кавуненко. Мы не выдержали и засмеялись.

- Это для вас, - сказала Клокова. - Я давно вас заметила. Догадалась, что это именно вы... вернее, подсчитала по времени.

Я спросил: почему она осталась здесь? Не заболела ли? Ася криво усмехнулась и ответила не сразу:

- Женщин на военный корабль не берут - дурной талисман. И меня не взяли с собой, чтобы несчастья не принесла.

На плато пика Правды они поднялись вчетвером - трое мужчин и женщина. Клокова не напрашивалась. Группа в этом составе сложилась еще задолго до выезда в горы, и ни у кого из ее членов возражений против участия именно этой женщины не было. И понятно: Клокова - сильнейшая восходительница и по праву может считаться лидером украинских альпинисток. Весь год она усиленно готовилась к этому восхождению, ибо должна была стать первой женщиной, поднявшейся на пик Коммунизма.

По дороге к плато пика Правды Ася почувствовала, что за ее спиной ведутся разговоры, обсуждения... Наконец здесь, на самом плато, ей предложено было остаться. Никаких объяснений на этот счет не давали, просто объявили как решение группы. Объяснений не было, потому что и объяснить было нечего.

Я видел ее на восхождениях и знаю: она не отстанет, не подведет со страховкой и подчеркнута будет идти на равных с мужчинами, не допуская в отношении себя каких-либо скидок и послаблений. Я знаю принципы спортсменок этого сорта. Ничто не заставит их идти по следам предыдущей группы, даже угроза жизни. Они будут ждать, пока следы заметет. Мы, мужчины-альпинисты, посмеивались над такой щепетильностью. Они отвечали на это: мужчине, дескать, не понять того, что женщина всю жизнь стоит перед необходимостью доказывать свое истинное равноправие. В душе, мол, у женщины постоянно желание убедить, что женская жизнеспособность не уступает мужской. И в альпинизме женщины не нахлебницы, а равноправные восходители.

Они были бы правы во всем, будь они правы в главном - в равенстве женской и мужской жизнестойкости. Думаю, что многое в современной жизни было бы куда совершеннее, если бы правильно толковалось слово «эмансипация». Если бы слово это иногда не влекло за собой искаженных взглядов на реальность, смещения расставленных самой жизнью акцентов и притятия желаемого за действительное. К сожалению, альпинизм - удобная штука для женской «игры в мужчин».

Оговорю, однако, - я вовсе не выступаю против того, чтобы женщины ходили в горы. Я только сделал вывод на основании опыта, что нужно реалистично смотреть на соотношение сил, на женские возможности в этом виде спорта.

Понять этих ребят отчасти можно. Клокова - первая женщина, которая вышла на пик Коммунизма. Как она поведет себя? Каков предел ее возможностей, даже если она

сильнейшая из лучших? Кроме того, женщина в такой маленькой группе, где каждому нужно вытоптать четверть маршрута, поднять четверть веса общего снаряжения, усложнит дело то ли физически, то ли морально, поскольку перед группой стоит выбор: или разделить между тремя обязанности четвертого (хотя бы часть их), тем самым усилив и без того тяжкую нагрузку, или позволить женщине работать на равных — тогда всю дорогу будет гнестись чувство мужского стыда. (Впрочем, я только предполагаю мотивы, побудившие группу к такому поступку. Подлинные причины мне неизвестны.)

...После обеда мы вышли из пещеры и вдруг услышали голоса, доносившиеся снизу, из-за перегиба, где отлогость переходит в крутизну. Потом на плато стала выходить связка за связкой. Это украинская экспедиция.

Их было очень много - человек тридцать пять. Они шли торжественно, устремив взгляды вперед, не замечая нас. В голове колонны шли сильнейшие... с развернутыми знаменами.

Я подумал, что знамена лучше бы развернуть на вершине, а по склону двигаться не церемониальным, а альпинистским шагом и экономить силы, чтобы дойти до нее.

Клокова схватила меня за рукав и кивнула в сторону приближавшейся двойки. Я всмотрелся и понял, что это женщины. Они прошли мимо, не поздоровавшись, может быть, не заметили...

Ася вдруг наклонилась, будто поправляла завязку шекльтона, потом резко повернулась и ушла в пещеру. Возможно, она решила, что одна из главных целей этой экспедиции — поднять женщин на вершину пика Коммунизма.

Мы вернулись в пещеру. Ася, увидав нас, украдкой спрятала платок. Но глаза, влажные, покрасневшие, не скроешь. Кавуненко, умевший разрядить обстановку, не умалчивая, не обходя болезненную тему, сказал громко, без тени сомнения, что поступает правильно:

- А где сила характера? Вся в платочек ушла? Тогда отожем - прольем силушку наземь...

- Тебя бы в женскую шкуру... Может, тогда бы понял...

- Женщину понимаю. Я тоже честолюбец, но на трон непальского короля не претендую.

- Факты вас не убеждают. Вы их в упор не видите...

- Точно. Расскажи нам про Жанну д'Арк и Софью Ковалевскую. Только заруби себе на носу: история допустила случай, когда дамочка стала полководцем, но не было еще так, чтобы она была кузнецом.

- Посмотрим, что ты скажешь через пару дней, когда эти двое спустятся с вершины!

- Эти двое?! - Он подчеркнуто расхохотался. - Им до вершины и на чужих руках не добраться. Хочешь, я тебя успокою? Тогда слушай: ты поднимешься на пик Коммунизма.

Ты... Рожальская, Шатаева... и еще два-три имени. В составе сильных мужских групп, при хорошей погоде и особой подготовке, но отсюда не вывод, что ваше восхождение откроет женщинам дорогу к этой вершине. Потому как оно не более чем вымученный всем скопом рекорд. Плохо, что после этого любая значкистка сочтет его нормой и станет выпархивать из себя, чтобы допорхнуть до семи с половиной тысяч. Очень стараетесь вы во всем становиться на равную ногу с мужчиной. А эмансипация - равенство прав, но не возможностей.

- Ладно, Володя, спасибо за «орден», только, я думаю, нас не пяток, а легион...

- Знаю я твой «легион». Каждая внизу очень современна. С эйнштейновской дерзостью ставит под сомнение старые истины: кто, дескать, сказал, что мужчина сильнее меня? Дело, мол, вовсе не в мышцах - я зато терпеливей и духом крепче. Это внизу. А наверху, как высота да непогода прижмет, немедленно вспомнит: ах! Я всего лишь слабая женщина, у меня нет сил бороться, я останусь здесь...

- А я знаю мужчин, которые на высоте вели себя так же...

- Бывает... Только вы же первые говорите про таких: не мужчина, а баба. А про женщин наоборот: что, мол, поделаешь - женщина!

Спору этому не было бы конца, и я прервал его предложением: сходить на пик Правды, имея в виду «прогулять» Асю. Со мной согласились. Чтобы пройти эту небольшую, трехсотметровую вершину, нам понадобилось несколько часов. Полубовавшись видами, быстро спустились вниз.

Не успели мы подойти к пещере, как на плато снова появилась экспедиция с Украины. Только двигались они теперь не так торжественно и без знамен.

- Рановато, - удивился Кавуненко. - Даже раньше, чем думал. Небось и до семи тысяч не дотянули... На этот раз они остановились. Многие подошли к нам, в том числе и руководитель. Верный себе Кавуненко сказал ему:

- Ты мне напоминаешь Наполеона... - И добавил: - После русского похода.

- Куда с такой машиной на семь с половиной тысяч?!

- Не в том дело. Просто вы перепутали склон пика Коммунизма с мостовой Крещатика. Парад на вершине проводили только боги. Да и то на Олимпе. Так разве это вершина? Пупырь!

В альпинизме, как и во всяком деле, есть свои дефициты, «узкие места», проблемные узлы. Часто сюда приходят люди, которые смотрят на него слишком приземленно, ожидая получить некую вещественную пользу. Они порождают в нашем деле много неприятных явлений. К счастью, чем выше класс альпинизма, тем больше очищается он от этих явлений, хотя сложность отношений между восходителями, так сказать, соревновательный накал порою, наоборот, увеличивается. В большом альпинизме накал достаточно велик, но от него и духу не остается на самих восхождениях: чем искусней мастер, тем больше отработана в нем готовность к жертве ради товарища в трудных

условиях маршрута. Если и случается по-другому, то это вовсе не правило. Позднее я все же коснусь таких случаев, хотя бы для того, чтобы подтвердить правило исключениями.

Горная болезнь «разрядомания»

Спортом начал я заниматься поздно и неожиданно. До десятого класса относился к нему с подчеркнутым равнодушием. Урок физкультуры не любил, по возможности избегал, случалось, что и убегал с него. Примерно так же относились к нему ребята, которые буквально бредили спортом, - добрая половина класса занималась в секциях: боксом, борьбой, фехтованием, гимнастикой... Непонятная вещь: общеизвестно – спорт увлекает подростков, но, став школьной дисциплиной, действует почему-то навыворот...

Нам предлагали упражнения, к которым я – как и многие другие – не был готов. Несколько раз, беспомощно зависая на снарядах, я веселил класс и с тех пор глубоко уверовал в свою неспортивность.

«Нет, и не надо, а я и не хочу!» - дорожка, по которой повело меня самолюбие и привело к убеждению, что увлекательней, интересней развивать интеллект, а не телеса. Словом, обычное юношеское «или – или». Но на деле все выглядело по-другому. «Не охваченный» секцией, зимой с удовольствием бегал на лыжах, а летом не вылезал из воды и плавал неплохо, играли также в футбол во дворе дотемна.

Как-то в начале десятого класса школа проводила соревнование по бегу. Наш класс выставял команду. Когда обсуждали кандидатуры кто-то в шутку сказал: «Шатаев!». Дружный, откровенный смех задел меня за живое... Не помню как, но добился своего и вошел в команду.

На другой день в беге на 800 метров занял второе место. Может, самолюбие и есть главный спортивный талант? После были районные соревнования школьников. И там вошел в первую тройку. А потом поступил в секцию легкой атлетики ДСО «Спартак». Занимался шесть лет (55-60е годы) и несколько раз добивался призовых мест на всесоюзных чемпионатах. Кроме того, за это время получил второй разряд по лыжам и второй же по стрельбе и велосипеду.

Я умышленно опустил «деталь» биографии, которая привела меня в альпинизм, чтобы сказать о ней подробнее.

У матери нас было трое – еще старший брат и старшая сестра. Отец погиб на фронте. При отце мать была домашней хозяйкой и, не имея специальности, теперь пошла в дворники. Другого выхода не было, да и преимущество: дети на виду.

Жили в центре Москвы, подсобного хозяйства не имели и потому жили очень трудно. Чтобы облегчить положение семьи, мать принимала приглашение тетки и ежегодно на летние каникулы отправляла меня в Кисловодск. Впервые увидел горы, когда мне было двенадцать лет. Впечатление осталось в памяти и по сей день. Скажу только, что в ту, первую ночь в полузабытии я вскакивал с постели, словно лунатик, вылезал сквозь окошко в сад и зачарованно смотрел на черные стены с лилейным, утратившим контуры, растворившимся в лунном свете верхом.

Местные ребята моих восторгов не разделяли: «Камни и камни... а наверху снег» - естественно для людей, привыкших к горным пейзажам с рождения. Но после я убедился, что они равнодушны

только к намозолившему глаз виду. Попадая в горы, они смотрели на окружающую их природу так же эмоционально.

Мне удалось увлечь новых товарищей походами в горы. И хотя дом их отпускали не очень охотно, за пять летних сезонов обшарили мы чуть ли не половину окрестностей Кисловодска.

Ходили не бесцельно = «за делом». Дело заключалось в поисках редких сланцев, причудливых камней, минералов, ракушек в известковых породах. Занимались фотосъемками горных пейзажей и, не стесняясь гласных восторгов, любовались природой.

Куда бы мы не пошли, глаза неотвратимо упирались в заснеженную громаду, казавшуюся Гулливером даже на фоне кавказских колоссов. Вечером раздвоенная голова Эльбруса голубела и... голубела моя мечта увидеть Эльбрус под ногами.

Став повзрослее, счел это дело реальным, доступным. В последние каникулы – перед десятым классом – решил попытаться счастье.

О восхождении я не имел ни малейшего понятия. Но этого-то и не понимал, считая себя в горах своим человеком. Единственно, на что у меня, как говорят, хватило ума, - не ходить в одиночку. Значит, надо искать попутчика.

В семнадцать лет прозаики так же редки, как романтики в пятьдесят. Семнадцать лет – возраст парадоксов: когда суждения слишком конкретны, а мечты, цели слишком необыкновенным, а пока что живешь и действуешь слишком стандартно, когда слишком скор в желаниях и слишком медлителен на руку. В семнадцать лет все делаешь и чувствуешь слишком...

Среди моих кисловодских друзей прозаиков не было. По крайней мере, со стороны они так не смотрелись. Все, кого посвящал я в свою идею, не только понимали, уважали ее, но даже и загорались ею. «Пожар» пламенел, пока идея не обретала конкретные сроки: дескать, неделя на подготовку, такого-то, во столько-то выступаем. Тогда возникал вопрос: идет ли Иван? «Ежели Иван, то и я». А Иван, как водится, кивал на Петра... Словом, подобрать «экспедицию» оказалось делом нелегким. Сочувствующих много, желающих, увы... Может быть, оттого, что для этого мало быть просто романтиком – нужно хоть немного безрассудства...

Попутчик все же сыскался. Эрик тоже москвич. Как и я, каждое лето приезжал в Кисловодск к родственникам. Сдержанный, даже замкнутый, он все больше держался поодаль и многим нашим затеям предпочитал книгу. Мое предложение он неожиданно принял.

Мы пустились в путь при чахлах рюкзаках и снаряжении, с которым даже турист не отважится на групповой поход в Подмоскovie. Ни горной обуви, ни удобной одежды, не говоря о веревках карабинах, ледорубе, у нас, понятно, не имелось. Даже спички умудрились забыть. Когда спохватились, город был позади. Хорошо, попался нам старичок горец – выручил, пожертвовав два коробка. Старик сказал, что в окрестностях водятся волки, медведи, а главное случаются еще опасные встречи с людьми.

Мы не то чтобы испугались, но беспечность сняло как рукой. Выломав по дубине, шли теперь настороженнее и не так резво.

...Теперь я знаю, что Приэльбрусье сложнее, непроходимей, чем сама гора – технически простая вершина. На Эльбрусе почти все маршруты не выше второй категории трудности.

(Альпинистские маршруты делятся на шесть категорий трудности, каждая из которых, кроме 1-й, разбита на подкатегории «а» и «б». Простейшая – «1Б». Последняя – высшая, 6Б).

Эльбрус коварен для тех, кто незнаком с действием высоты вообще. Или для «корифеев», что высоту 5642 метра не принимают всерьез, считая, что ее можно взять с разбега, без акклиматизации. Но грамотному восходителю гора эта нетрудна.

Тогда мы не понимали, что самая сложная часть работы – подойти к подножию. И именно этим маршрутом. Ведь мы изо всех сил старались не отклоняться от визуальной прямой. Идти кружным путем душа не терпела. Срезая дорогу, взбирались по крутым, заросшим кустарником склонам отрогов, спускались в ущелья, пробивались сквозь густые высокие травы. Вспугнутая крылатая живность увивалась назойливо, неотступно и жалила, кусала, щекотала. Наконец, искусанные оводами, слепнями, осами, исцарапанные колючками, вышли на берег реки Малки. Малка ярилась, пенилась и ревела так гневно и агрессивно, что боязно было даже подумать о переправе. Страшно! Но еще страшнее признаться в этом друг другу.

Эрик, чумазый, в пятнах налипшей паутины, серый от усталости и страха, пытался мне что-то сказать, но голос его потонул в грохоте. Видно только, как шевелятся губы – звука не слышно, как ни кричи.

Позади около семидесяти километров пути. Душа в пятках, но не идти же теперь назад? Все-таки мы не до конца понимали опасность, иначе бы не пошли.

Теперь меня поражает даже не то, что решились на этот шаг. Понятно: мальчишеский страх выглядеть трусом оказался сильнее. Я удивляюсь везению. Одолеть эту стихию без страховки, без знания способов переправы – выигрыш одного шанса из десяти!

Мы перешли Малку дважды (туда и обратно). Отыскали место поспокойней и по гряде валунов, шатких и не всегда удобных для прыжков, достигли цели без происшествий. Когда подошли наконец к подножию, романтический туман в наших мозгах рассеялся. Но восходительские страсти не размагнитились. Мы готовы были идти к вершине, только смотрели теперь на дело по взрослому: без снаряжения, без запаса продуктов и необходимых сил, растраченных теперь на пройденный путь, до вершины нам не добраться. Обсудили ситуацию, чистосердечно и решили: подойти к леднику тоже немало.

Это нам удалось. Ни шага больше, ни шага меньше – ледника коснулись руками. .. Отороченный моренной россыпью, он уходил вдаль и исчезал за поворотом в скалах. И вся эта серовато-дымчатая унылость неудержимо тянула к себе...

Глядя на язык ледника, мы дали клятву, что в ближайшие пять-шесть лет, как только ступим в самостоятельную жизнь, поднимемся на Эльбрус.

Возвращались домой с чувством, что это и есть победа. Большого сделать нельзя, когда на плечах шуба «на рыбьем меху», а за плечами нулевой опыт и полупустые рюкзаки. Единственно, чего опасались, что в Кисловодске товарищи нас не поймут и сочтут удачу за поражение...

Прошло пять лет Все эти годы занимался я легкой атлетикой. И прожил их так, словно и в самом деле ни на секунду не сходил с беговой дорожки. День ото дня проводил с нарастающим напряжением бегуна, с непроходящим увлечением, которое не давало возможности и не допускало желания задержаться хотя бы на миг, чтобы перевести дыхание. Я жил безоглядно, ни на секунду не останавливаясь, чтобы осмотреться, отвлечься от тактики и подумать о стратегии

собственной жизни. Дни проходили от тренировки к соревнованию, от соревнования к тренировке. И так неделя за неделей, месяц за месяцем. В перерывах, переходах, переездах я думал о неудаче в сегодняшнем забеге или наоборот и что в связи с этим должен сделать на завтрашних занятиях. За все время не найдется и часа уравновешенного, спокойного состояния. Я всегда что-нибудь переживал – то ли успех, то ли неудачу. Говорят, так же живут люди искусства. Наверное... Но жизнь большинства спортсменов проходит именно в этом ритме. Помню, что в канун 58-го нового года, 31 декабря лег спать пораньше, часов в девять, чтобы лучше выспаться и утром прибыть на тренировку свежим и бодрым.

Не знаю, был ли то диалектический конец растянувшегося на многие годы кросса или я сошел с дистанции, но мой личный финиш оказался возле одного объявления, которое прочел как-то в ДСО «Спартак». В нем говорилось, что секция альпинизма продает путевки в альплагерь «Шхельда» (Кавказ). Вот тут я и остановился и осмотрелся... Задумался о своих легкоатлетических возможностях и почувствовал, что предел их близок, что они на исходе и пророчества тренеров, суливших мне лавры на беговых дорожках, не оправдались. Похвалюсь только тем, что никогда не заблуждался на этот счет и довольно быстро понял, на что способен. Многие мои спортивные товарищи тренировались меньше, а добивались больше. В самооценке я трезв, и меня не могли обмануть ни заблуждения тренеров, ни комплименты друзей. Знал, что врожденные ресурсы вряд ли пустят меня дальше первого разряда. Но на рабочее настроение это никак не влияло – занимался с полной отдачей, потому что любил спорт и увлекался им.

Я решил сходить по объявлению. Вспомнил и клятву, данную у ледника. Она показалась мне наивной. Но я подумал: если клятвы не выполняются, то зачастую оттого, что люди считают себя сегодня умнее, чем были вчера, что вспоминая о данном слове, думают: «Как я был наивен!».

Стоимость путевки оказалась невелика и, поскольку человек я теперь самостоятельный – работал и зарабатывал, - доступна.

* * *

В вестибюле здания, куда я прибыл по объявлению, двое мужчин рассматривали альбом с фотографиями. Я спросил, как найти альпинистов. Один из них, невысокий человек с желтыми, чуть волнистыми волосами, весело посмотрел на меня и сказал:

- Альпинисты? Я думаю, на самом верху... Как ты думаешь? – обратился он к собеседнику. Тот поджал губы, сдерживая смех. Я поблагодарил и пошел было дальше, но желтоволосый остановил меня: дескать, погоди – поищем вместе. Мы подошли к какой-то комнате. Он открыл дверь, подтолкнул меня вперед и, стоя за спиной, спросил у сидевших за столами: «Как пройти к Эвересту?»

К Эвересту я до сих пор дороги не выяснил, но с помощью этого человека в альпинизм ушел с головой.

Тогда я не мог оценить свое везение – откуда мне знать, что судьба с ходу столкнула меня с одним из отцов советского альпинизма, с известным восходителем Михаилом Ивановичем Ануфриковым?

Когда говорят: «Ануфриков», любители альпинизма вспоминают восхождения на кавказские вершины Чанчахи (Цейский район), Уллутаучана, знаменитые Мазарские высоты на Памире – траверс Музджилга – Сандак – один из первых траверсов легендарной Ушбы и многие другие.

Знатоки истории альпинизма скажут по этому поводу: «вклад», «вехи», «события», «явления» и еще немало, возможно, изношенных, но точных по смыслу и правде слов.

Педагогический талант Ануфрикова, мне кажется, связан с главной чертой его характера, если и вовсе не вытекает из нее, - он добр. Не той добротой, за которую принимают иногда бесхарактерность, а той жесткой, возможно, порою даже жестокой, что идет от точного знания человеческой природы, от равнодушия к людям, от беспокойства за них.

Он был суров в оценках моего альпинистского роста. К успехам относился сдержанно и не искал слов, чтобы отрезвить, если они кружили голову. Когда через пять лет я выполнил ному мастера спорта, он сказал:

- Это верно... Статистический срок от значкиста до мастера одиннадцать лет. Но если остальные шесть лет ты будешь скакать от восторга, то от мастера перескочишь к значкисту.

Ануфриков виртуоз альпинизма. Но виртуоз виртуозу рознь. Одни, дойдя до профессиональных высот, интуитивно тонко ладят дело, нюхом чувствуют нюансы профессии. Но им и в голову не приходит так же тонко осмыслить свое умение, подумать, из чего оно складывается, отыскать в нем некую принципиальную линию, закономерность, систему. Они умеют, но объяснить: почему? – толком не могут. У них не возникает потребности отдать себе в этом отчет.

Есть другие - аналитики своего умения. Они исследуют свой опыт и находят главное - методы. Они не просто мастера - они методисты. Естественно, что их распирает желание дать ход методу, научить других.

Он учил меня, что умный альпинист восходит к вершине трижды. Первый раз глазами – глядя на подробную карту маршрута, вызубривая его описание, рассматривая сквозь оптику натуру, прогнозируя и воображая возможные трудности. Только после этого можно предпринимать, так сказать, натуральное восхождение. Вернувшись домой, нужно еще раз подняться к вершине – сидя в кресле, пережить весь маршрут заново, шаг за шагом, со всеми подробностями.

Я убедился в правоте его слов – без этого останется номинальный счет пройденным вершинам и опыт с большим недобором, потому как на высоте мысли обужены, предельно конкретны, обобщения, выводы, даже самые простые, приходят в голову далеко не всегда. Если ошибка сошла тебе с рук, то ее иногда и не заметишь. Поэтому, несмотря на то что все предпринятые подъемы до сих пор приводили меня к вершинам, - как говорят, не сглазить бы! – я записал на свой счет не одно поражение. В «кресле», задним числом меня не раз прошибал холодный пот, когда вспоминал некоторые особо «лихие» моменты. На склоне они оставались то ли непонятными, то ли незамеченными. А здесь, когда обдумывал шаг за шагом, вдруг доходило: если бы не случайность, остаться мне навеки в горах...

Однажды кто-то посоветовал Ануфрикову осмотрительней выдавать путевки новичкам, особенно женщинам, - приезжают, мол, в лагерь, чтобы мужа найти. «Дай бог им счастья! – ответил он. – Молодцы – замужество добывают мужеством!»

В походе Ануфриков всегда с кинокамерой. Снимает порою в самых тяжелых, невозможных условиях. Друзья шутят: упаси боже, в пропасть полетит – дорогу непременно отснимет. Для нас его ленты – учебное пособие. Фильм о памирском траверсе Музджилга – Сандал стал

хрестоматийным для тех, кто осваивает опыт, часто прокручиваю иные из них перед выездом в горы.

Не раз замечал, что многих этот вид спорта отпугивает своей видимой недоступностью. Людям кажется, что и для первого шага нужно быть человеком особо сноровистым. Но это не так.

Значок и даже третий разряд может получить всякий, у кого есть основания рассчитывать на медицинскую справку с записью: «Практически здоров».

Я тоже начинал с опаской в душе, хотя все оказалось проще. Обучение началось с нуля.. С вещей, которым, как мне казалось тогда, вообще не надо учить: скажем, одеваться, обуваться, есть... Навыки отработывались постепенно, последовательно. В Москве задолго до отъезда на Кавказ тренировался вбивать крючья, вязать узлы, топтать след, ставить палатку, рыть пещеру, укладывать рюкзак, пользоваться примусом, знакомился с медициной, картографией, с приемами прохождения скал, льда, снега, со способами спуска, переправы рек, с альпинистской терминологией.

Словом, приехав в альплагерь, я уже кое-что знал, кое-что умел.

Мне понравилось здесь с первого дня и не наскучило до последнего. Не только потому, что к услугам спортивный сервис: бассейн, теннисный корт, волейбольная и баскетбольная площадки... И не только потому, что кино и танцы. Вволю здесь другое и самое главное – общение, юмор, смех. Лагерь чудодейственно сбрасывает возраст. Сорокалетние ведут себя так же шкодно и озорно, как семнадцатилетние.

В первое же утро, проснувшись, по привычке бросил ноги в тапочки, но на месте, где оставил их на ночь, стояли «кошки». Соседи торопили меня серьезно и озабоченно: одевайся, мол, а то опоздаем. Потом тридцатисемилетний автор шутки Владимир Поволяев удивился и сказал: «Настоящий альпинист! Продрал глаза, накиннул «кошки» на босу ногу и бегом на вершину... совмещать приятное с необходимым».

Может, эта-то обстановка и есть та маленькая частичка бесконечно длинного и все же не до конца ясного ответа на извечные вопросы: на чем стоит альпинизм? В чем его суть? Отчего лезут в горы?

Я много раз задавал эти вопросы и себе, и своим коллегам и пришел к выводу: мнения их можно коллекционировать, как марки или монеты.

«За здоровьем», - говорят одни. «Из эстетической потребности, чтобы насладиться красотами природы...» - объясняют другие. «Из врожденной страсти к авантюризму...» - шутят третьи. «Самопроверка, самоутверждение...» - отвечают четвертые. И все во многом правы.

Но все это, мне кажется, не объясняет безнадежного, неизлечимого «алкоголизма», которым страдают те, кому горы однажды пришлись по душе и по плечу. Люди эти иной раз попадают в тяжелые переделки. И при всем своем атеизме, как язычники, молят всех богов, чтобы помогли им выбраться, обещают больше никогда не ходить сюда... Но стоит лишь стихнуть февральским ветрам и выкатиться сигнальному мартовскому солнцу, как горы делаются главным героем их многосерийных сновидений. И тогда нет им приятней занятия, чем наблюдать, как тает отрывной календарь.

И никто из них не может сказать: что за сила тянет их сюда? В чем ее суть? Чего не хватает им на асфальте и отчего возникает «разность потенциалов», от которой их словно ветром сдувает с асфальта и уносит в горы?

«Идем потому, что «тянет». Но почему тянет? В чем смысл этой подсознательности?

Мне не раз приходило в голову: почему это – чем выше цивилизация, тем больше развивается альпинизм, тем более массовым становится он?

Вообще-то истоки его уходят в далекую историю. Однако ведь отдельные и крайне редкие восхождения, буквально единицами разбросанные по векам, нельзя принимать за явление. Альпинизм с его методикой, системой, традициями, массовостью философией, по сути дела, - принадлежность нашего века и особенно последних четырех-пяти десятилетий. И вовсе не потому, что с цивилизацией появились какие-то новые технические возможности для его развития. Крюк, веревка и ледоруб и ныне основная техника горвосходителя. Они, так сказать, главное условие игры.

Мало того, массовая тяга к этому виду спорта больше всего растет в наиболее развитых странах: скажем у нас, в Союзе, где сотни тысяч людей увлечены горвосхождением, в государствах Европы, в США Японии... В Японии, например, альпинистский клуб насчитывает более полумиллиона человек. Объяснить это рельефом Японских островов было бы неверно. Известно, что меньше всех подвержены альпинистским страстям местные жители горных районов.

Так почему же? Однозначно на этот вопрос не ответишь.

Дело и в той общеизвестной причине, которая помогла науке пополнить словарь емким словом «гиподинамия», а фантастам «сконструировать» образ потомка с мощной головой и хлипким телом. Житель цивилизованного мира и впрямь засиделся. И добывает себе хлеб насущный не с помощью молота и наковальни или бурлацкой лямки, а все больше кнопкой да тумблером. Единственно, чем рельефен асфальт, - это благами цивилизации (которые не всегда, кстати, идут во благо человеку). Физическая недогрузка личности во многих странах становится чуть ли не национальной проблемой.

И в той жажде острых ощущений, которой действительно грешны многие из нас. И тем больше, чем больше жизнь становится защищенной, безопасно ровной, а для кого-то даже угнетающе пресной. Может, и вправду в них начинает искать выход некая наследственность... От пещерных предков. Тех, что ходили с камнем на мамонта и даже во сне держали один глаз открытым на случай опасности.

Дело и в том, что в горах человек как бы короче знакомится с самим собой – узнает о себе то, что, как правило, не удается узнать в условиях тепла, сытости и надежной крыши над головой. Известно – чем выше культура в человеке, тем больше он склонен к самоанализу. Горы – хороший плацдарм для пробы сил. Достигая вершины, люди радуются не оттого, что спорили с камнем и победили его, а оттого, что спорили с собой и победили себя. Получать это право на самоуважение и подтверждать его – штука соблазнительная.

Но все это, разумеется, далеко не исчерпывающие объяснения. Хочу надеяться, что книга эта станет хоть в какой-то мере ответом на эти вопросы...

... «Кошки», что подсунули вместо тапочек, были чужими. В тот же день после зарядки, линейки я получил свои. А кроме них, рюкзак, ледоруб, карабины, горные ботинки....

Этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать себя восходителем. А после понадобилось еще два года, чтобы понять как далеко мне до настоящего альпиниста.

...Дней пять мы выходили на скалы, упражнялись на травянистых склонах и осыпях. Вечером, в канун настоящего выхода в горы – теперь для меня они начинались там, где начинался ледник, - тщательно смазал ботинки глетчерной мазью, подготовил рюкзак и улегся. Было еще рано, но заснул не скоро и спал спокойно. В десять часов утра мы шагали в сторону реки Адылсу. За плечами ноша килограммов в двадцать пять – по теперешним моим понятиям, не так уж много.

Альпинисты называют рюкзак главным другом и врагом. Тогда я отнесся к нему односторонне, оценив лишь враждебность. Воздуха на этой высоте хватает, но дыхание в полную грудь отпускалось нам только на десятиминутных привалах. Еще один вывод: нужно научиться дышать и с рюкзаком.

Наконец, перейдя мостом Адылсу, оказались в густом, по-южному теплом хвойном лесу, из которого – странное дело! – уходил в горы ледник. Источенный, изрытый канавками, желобками он лениво сочился, подтекал хилыми струями. Поставили палатки, разбились на двойки и с ходу отправились на занятия.

В связке со мной Костя Смирнов (назову его так) – давний мой знакомый по Москве. Пуд соли нами, кажется, съеден, но это не помогло – выяснилось, что плохо знали друг друга.

Рубим ступени, вбиваем крючья, ориентируемся на маршруте... Костя почему-то сразу же взял на себя роль вожака и был инициативен настолько, что Владимир Поволяев подошел к нему и сказал:

- Костя, побереги себя... Ведь так и инфаркт недолго схватить.

Я с трудом двигался по его ступеням – бесформенным, плохо зачищенным ямкам – ногу ставишь, но опоры не чувствуешь: Костя с ходу ревизовал классический способ и рубил их на собственный лад – вместо того, чтобы сперва подсесть лед горизонтальными ударами ледоруба, он сразу скалывал его сверху. Если рядом случался инструктор, тут же брался меня учить ходьбе.

Мы шли в обход поля сераков, по маркированному флажками маршруту. Смирнов, понятно впереди. Не советуясь со мной, он решил срезать, идти по возможности напрямую, изменил «курс» и завел меня в ледяную чашобу так, что едва выбрались.

Инструктор, завидев нас, сделал ему замечание: «Слушай, парень, в альпинизме от таких... «привычек» гибнут!

К сожалению, Костя продолжал себе нравиться. Я не выдержал и сказал помягче, стараясь не обидеть его: мол не стоит делать лишнего. «Тебе-то что до этого?! – ответил он.

В самом деле: есть мне до этого дело или нет?

У альпинистов свое аргю, свой специфичный юмор и даже устная «энциклопедия». В ней сказано: « Я см. «МЫ» Если я прощелкнул веревку связки на свой карабин, это значит, что «я» и «мы» одно и то же понятие. Дальше следует говорить: «Мы поднялись на вершину» или «Мы сорвались», «Мы погибаем»... Ради гладкости письма приходится подменять слова «альпинист» и «восходитель». Но это не одно и то же. Восходитель тогда становится альпинистом, когда в нем накапливается некое нравственное качество, которое рефлекторно срабатывает, стоит ему войти в

строй связки. Смысл его понятен, объяснять не стоит – обычно его называют чувством локтя. Это, пожалуй, самое сложное из всего, чему должен научиться альпинист.

... Над головой сплошь грязноватая, точно посеревшая, сбившаяся от сырости вата, которая нескончаемо сочится полусформированной взвешенной влагой, и не поймешь – то ли дождь, то ли снег. Ветер порывистый, промозглый, не столько холодит, сколько достает до души и порти настроение. Но все это стерпится, главное другое...

А пути к нашей вершине. Уже несколько часов длится мой альпинистский дебют. Хочется подогнать групп – длинную вереницу навьюченных полусогнутых людей, идущих неспешно и молчаливо.

Иногда кто-нибудь все чаще девушки, - не дождавшись привала, выходит из строя и валится в мокрый снег, чтобы выгадать две-три минуты отдыха, пока не поравняется хвост колонны...

Инструкторы спрашивают: есть ли такие, кто не может идти дальше? Все молчат...

Вершина Гумачи уже хорошо заметна даже при нынешней видимости. Но нужен еще один переход, чтобы выйти на перемышку. Последние пятьдесят метров склон становится круче, и строй рассыпается... Крутизна бесстрастно, безжалостно, как фильтр, сортирует людей – кто послабее идут «вторым эшеломом». Но на перемышку выходят все!

На небольшой ровной площадке толкуются сорок пять новичков, в жизни еще не испытывших хмельного чувства взятой вершины, но заинтригованно предвкушая его...

Инструкторы стоят в стороне и о чем-то тихо беседуют. Потом один из них направляется к нам. Он поднимает руку, ожидая внимания, и объявляет:

- На этом ваше восхождение закончено. На вершине вам делать нечего...

И точка – больше ни слова, ни объяснений, ни оправданий. Несколько парней, державшихся обособленной стайкой и выглядевших так, будто только что вышли из деревенской бани, открыто порадовались сообщению. Я тогда понял, что обывательское нутро – штука несокрушимая и возмутить равнодушие неподвластно даже горам. Оба инструктора поднялись на вершину и оставили там записку.

Казалось бы, альпинизм – область с прирожденным иммунитетом против делячества. Но и ему не удается избежать этой коррозии. Я думаю, это оттого, что в любую и самую заповедную деятельность все-таки попадают люди, начисто лишённые какого-либо зародыша призвания. Когда тебе чужда и непонятна суть избранного дела, когда не дано проникнуть в его глубь, ищешь другие, вершущие способы самоутверждения.

Словом альпинизм к сожалению, не избавлен от делячества, профанации, разномастной, разноликой.

Вот два инструктора схалтурили не безвредно и не бесследно: заронили скепсис в души начинающих альпинистов. О чем после этого подумал новичок? О чем можно подумать, если внизу твои наставники распинаются о восходительской страсти, о необъяснимой таинственной тяге, а наверху к этой страсти относятся с таким откровенным неуважением?!

Впечатление месяцев тягостных испытаний может полностью перекрыть минутное переживание победного результата. Но здесь были одни испытания – понятно, что многих из этой группы в альпинизм теперь не заманишь никакими калачами.

А вот на Западе объявился восходитель, взявший с собой в путь вместо альпинистского молотка некий портативный механизм. Механизм сверлил отверстия и вбивал крючья. Гладкие плиты, где обычно на каждый шлямбурный крюк уходит около ста пятидесяти ударов молотка, человек этот проходил без забот.

Одну из проблемных андийских стен он одолел в одиночку и, что называется, не вспотел. Маршрут после него потерял свою девственную красоту и приобрел прямо-таки индустриальный вид – ловкач так вошел во вкус, что каждые полтора-два метра, где надо и не надо, «лепил» крючья.

Конечно, это его личное дело – никто не может ему запретить. Возможно, он и не претендует на то, чтобы называть себя альпинистом – просто захотелось ползать в горах, постоять на вершине (если закрыть глаза на то, что к вершине полез не как-нибудь, а по проблемной стене!). Но я пользуюсь случаем, чтобы сказать: подобная самодеятельность, начни она разрастаться, со временем может повлиять на главные условия и принципы альпинизма, то есть в спорт наш, хочешь не хочешь, станет проникать это упрощенчество от самодеятельности.

Современность и так уж дала альпинистам немалые послабления. В базовые лагеря нас все чаще доставляют вертолеты. Они же иногда забрасывают продукты и на промежуточные биваки. Это простительно, поскольку все-таки не выходит за рамки восходительского принципа. Но если начать автоматизировать сам процесс восхождений, то от альпинизма останется одно название. Не подниматься ли нам на автоматических пожарных лестницах или, того пуще, на подъемниках?

Человек этот не таился – применял свой механизм откровенно, открыто. Но ведь найдутся и те, кто станет пользоваться таким способом тайно, претендуя потом на спортивные достижения и признание. Словом, в альпинизме может открыться немалая брешь для шарлатанства, наподобие той, что видели мы в случае с инструкторами. Об этом стоит поговорить.

К сожалению, встречаются и среди нас те, кого увлекают не горные вершины, а вершины спортивной карьеры.

Некоторые альпинисты, особенно среди западных, считают: дескать, у нас эта альпинистская» нелояльность» вытекает из того, что альпинизму дан статус спорта. Что к этому располагает система спортивных разрядов: Верно в росте альпиниста есть срединный момент, когда его увлекает лазание по иерархической лестнице не меньше, чем лазание по горам. Понятно и естественно – живой человек стремиться к самоутверждению. Но одно не мешает другому: истинный спортсмен, выходя на маршрут, забывает о практических выгодах. Достигнуть вершины – его цель, желание, смысл жизни. Хотя, конечно, случается, что иной, скажем третьеразрядник видит в каждом отвоеванном метре на склоне не более чем еще один шаг ко второму разряду. Но в этом виноваты вовсе не разряды. На Западе альпинизм не считают спортом, а квалификация восходителей не делится на разряды (хотя говорят же они: «сильнейший», «сильный», «посредственный», «новичок»... - куда от этого денешься?!). Но если там нет разрядомании, то есть рекордомания. А это еще хуже...

Еще раз скажу известную истину: человеку свойственно стремиться к самоутверждению. И спортсмен не может оставаться равнодушным к славе, престижу. Но речь идет о случаях, когда спортивная карьера становится самоцелью и приводит к моральной нечистоплотности.

К счастью, у альпинизма есть сильное самозащитное свойство. Людям с подобными нравственными изъянами редко удастся пробиться дальше второго разряда. Объясняется это просто - на восхождении трудно себя утаить. Здесь человек раскрывается до конца, если не с первого, то со второго, третьего раза... Даже если в группе отнеслись снисходительно к непорядочности по той причине, что она на этот раз не ущемила интересы товарищей. Характер есть характер – обязательно и скоро проявится такое, отчего пострадает группа. Тогда она скажет громко и категорично: «Мы с этим человеком к вершине больше не пойдем!». И добавит: «Другим тоже не советуем...»

«Броккеново явление»

Ночью шел снег. Оседал на прогретую примусом и нашим, живым теплом палатку. Никто не догадался обогнуть ее отводной канавой, и талая вода, скатываясь вниз, уходила под нас. Вещи хоть выжимай.

Ночь прошла почти без сна, хотя нужда в нем была большая – канун был трудный, изнурительный... Хлопоты начались с утра. Сперва мы «выбивали» у начальника лагеря Шакира Тенишева это восхождение – траверс пиков Вуллея и Кавказа. Оно было сверх нормы, и тот долго упрямился. Затем нас тщательно изучал выпускающий – начальник спасательной службы. Он проверял снаряжение, спрашивал знание маршрута и делал это придирчиво, дотошно настолько, что я не выдержал и сказал: «После такой проверки в дом отдыха ехать нужно ехать». Начспас ответил, что я ему польстил.

Потом мы шли по морене. Усеянная огромными валунами, обломками скал, она довольно круто тянулась к леднику и здорово измотала, заставляя нас прыгать с тяжелыми рюкзаками по камням. Под конец предпочли двигаться по сыпучей, брызгавшей из-под ног мелочи, но обходить глыбы. Ледник закрыт снегом. Это его самое опасное состояние. Но мы обрадовались, будто прибежали на лужайку – лучше экономный, расчетливый и ритмичный альпинистский шаг по коварному леднику, чем хаотичное движение по невинной морене.

И вот посреди ночи, которая кончалась для нас в два часа, приводим в порядок свои спальные места.

Погода сорвала нам выход, намеченный накануне на три утра. Снег, мелкий настолько, что кажется густой вихрящейся пылью, будто не оседает, а держится в воздухе. Видимость не больше пятнадцати метров. И ветер непонятный, изменчивый, словно и вовсе без направления дует без передышки. К восьми слегка прояснилось. Медлить не стали, впряглись в рюкзаки и отправились дальше, взяв влево, на подъем по крутой осыпи.

Массив с частоколом вершущек встал перед нами ребусом. Какая из них пик Вуллея? Этого не знал никто, и даже наш инструктор Шалико Маргиани. Он что-то гадал, загибал пальцы, вычислял... Потом решил идти по первому попавшемуся кулуару – там, мол, наверху разберемся.

Шли крадучись, боясь собственного шага, словно забрались в чужой сад: кулуар – самое камнепадное место в горах. Но Шалико знал, что в такую погоду он опасен не больше, чем любой другой горный рельеф. Смерзшиеся камни прочно лежали на своих местах.

Выход на верхний горизонт ничего не прояснил, Этикеты, как известно, на вершинах не вешают, и потому в поисках тура пришлось траверсировать с пяток верхушек. Мы посоветовались и решили, что двое должны пойти на разведку. Шалико и Лева Успенский сбросили рюкзаки и ушли вперед.

Погода портилась. Снежная пыль забивала глаза, нос, затрудняла дыхание. Я хотел подоткнуть выбившуюся из-под шерстяного подшлемника прядь, но, прикоснувшись, в испуге отбросил руку – собственные мои волосы загудели, как провода в сырую погоду. Ничего подобного я не ждал и больше удивился, чем испугался. Мы со Степановым поспешили откинуть в сторону ледорубы и рюкзаки – все, что содержит в себе металл, - и спрятались в находившейся поблизости впадине.

Горя, казалось, вздрагивали от оглушительного треска грома. Нам чудилось, что молнии все кучнее и кучнее ложатся вокруг нас, словно пристреливают цель. Стасик насчитал с пяток тех, которые, как он уверял, легли совсем рядом.

Мы беспокоились за ребят и, когда немного утихло, решили идти на розыски, но в этот момент они появились сами. Тура они не нашли, но на двух соседних вышках оставили записки. По мнению Маргиани, одна из них была пиком Вуллея.

- _Теперь, - сказал Шалико, - спустимся к Шхельдинскому перевалу и оттуда пойдем на пик Кавказ.

- Мы со Степановым еще на Вуллее не были, - обозлился я. У меня было чувство, что какая-то нечистоплотная, дешевая ложь пропитала и отравила дело, о котором я столько мечтал и которого так добивался. Второй раз иду и второй раз терплю поражение. Я понимал, что если и сейчас позволю себе сфальшивить, то вынесу приговор: альпиниста из меня не вышло...

Но мне повезло. Погода угомонилась сразу, будто кто-то отключил мощные вентиляторы, вихрившие воздух и снег, развиднелось, стало теплее. Теперь хорошо просматривались склоны, отроги, очертания хребта, увенчанного множеством вершин, и ни одна из них не была похожа на другую, каждая имела свое «лицо».

Шалико посмотрел вверх и вдруг сказал: «Вот он!». Оказалось, башня возле которой мы прятались, и была пиком Вуллея.

Подняться на него не составило труда. Нашелся и тур. Мы вытащили консервную банку, изъяли записку, оставленную предыдущими восходителями, и взамен положили свою...

На пик Кавказ поднимались без рюкзака - спрятали их в удобном месте ниже Шхельдинского перевала. Крутой подъем вывел нас на ребро. И тут произошла моя первая самопроверка...

Ребро, обледенелое и острое настолько, что две ступни, плотно прижатые друг к другу, едва умещались, тянулось в таком виде метров на двести. От одного взгляда к горлу подступила тошнота, ноги не слушались. Идти или не идти? В сорок лет это вопрос: ради чего рисковать жизнью? Смысл риска? В двадцать лет он звучит по-гамлетовски – «быть или не быть».

Все мы, кроме Маргиани, который смотрел на нас с хитрой улыбкой, наперед зная исход наших колебаний, переживали одно и то же.

Мы шли двумя связками и, обрабатывая, обивая ледорубом каждый метр «ножа», ежесекундно помнили наказ Шалико: если один из связки сорвется влево, другой мгновенно должен броситься вправо – это единственный шанс на спасение.

Вдоль ребра тянулась пропасть, дна которой мы не видели. На наше счастье, ущелье, словно огромное корыто, переполненное густой, мыльной пеной, клубилось белоснежными облаками. Они спасали нас от ощущения глубины, необратимости срыва в бездну. Впереди ребро переходило в скалы с пугающей крутизной, миновать которые не было никакой возможности, и этот выход из огня да в полымя вызывал еще большую тревогу. Однако скалы казались легче, чем выглядели с расстояния. Тщательно страхуясь – вот уж где страховку не считали мы пустым делом, - одолели их без особого труда. Наконец зубчатая, как пила, верхушка вывела нас на высшую точку пика Кавказа – 4030 метров.

Шалико раскидал камни тура и достал продырявленную в нескольких местах банку из-под лосося. Большинство дырок с ровными, без зазубрин, но поржавевшими от времени краями имели форму почти правильной окружности. Но обвод одной из них отливал синевой совсем свежего опала. Шалико, уставился на нее, несколько секунд покачивал головой, а потом сказал:

- Что ни делается, все к лучшему. Русские зря не уважают хорошее слово «кабы». Мне оно нравится. Кабы нашли мы вовремя пик Вуллея, кабы пришли пораньше на пик Кавказ, было бы дело дрянь...

Мы не понимали ни значения этих отверстий, ни слов Маргиани. Лева спросил:

- Зачем пробрили?

- Так... Баловались...

- Кто?

- Молнии...

- А чем тебе так «кабы» понравилось? – поинтересовался Степанов.

- Хорошее слово! «Кабы» - это значит: намотай себе на ус! Знаешь, почему молнии в банку попали?

- Железная... сила притяжения...

- «Сила» У тебя тоже сила. Иди-ка потяни на себя вагон. Банка только подправляла попадания, а притягивала сама вершина. Значит, в породе ее содержится руда. И КАБЫ не этот случай, не знали бы мы, что ходить сюда можно только в хорошую погоду. Глянь на дырочку. Свежая...

Часа два-три назад ее не было. Приди мы пораньше, неизвестно, чем бы это кончилось. В банке была обгоревшая по краям записка английских восходителей, помеченная 53-м годом. Значит, шесть лет назад сюда никто не ходил!

Спускались спортивным способом. Шалико долго выбирал выступ понадежнее. Потом, отыскав массивный каменный рог, напоминавший причальную тумбу, обил молотком острые

края, чтобы при натяжении не рвала нити нейлона, накинул петлю из репшура и пропустил сквозь нее веревку. Дальше один ее конец крепится на поясе, а другой, для большего трения перекинутый винтом через руку, дает возможность удерживать самих себя. Понемногу отпуская, восходитель получает возможность съезжать вниз. Ноги при этом, словно шагая, отталкиваются от склона.

Инструктор наш не забыл лишний раз напомнить, что спуск наиболее опасная часть восхождения.

Опасен он не технически. Подводит восходителя психика. Даже у опытных мастеров после восхождения снижается чувство готовности, острота альпинистского видения. В этом виновата и усталость, и опьяненность победой, и отношение к этой работе, как к делу физически наиболее легкому. Статистика говорит, что больше всего аварий случается именно на спуске.

Спускались медленно, и Шалико злился, глядя на наши неуклюжие действия. Особенно раздражал его Степанов, которому никак не давался такт движения: выдать веревку – спуститься, выдать – спуститься... Он или намертво вцеплялся в нее, не снижая себя ни на сантиметр, или, наоборот, выпускал настолько, что начинал набирать опасную инерцию, и тогда со страху снова впивался в нейлоновый канат, долго не решаясь на следующий перехват.

Было совсем поздно, когда пройдя пять полных веревок, мы оказались на снежном ребре. Здесь обнаружили свои старые, плохо заметные следы и по ним быстро подошли к палаткам. Небо окончательно очистилось, и на звездно-лунном фоне четко вырисовывались голубые с зеленоватым отливом шапки Эльбруса.

Сон сморил в ту же секунду и так глубоко, что в четыре часа утра, я проснулся с чувством, будто только закрыл глаза. Но голова свежая, ясная. Захотелось немедленно выскочить из спального мешка, распрямиться.

Я вышел из палатки. Но, не сделав и двух шагов, откинулся назад, точно напоролся на фонарный столб... Прямо передо мной в треугольном лоскуте неба, ограниченном двумя соседними пиками, стояла – именно стояла – огромная, четкая до выпуклости, обрамленная розоватым светящимся кантом тень великана. Великан повторил мои движения и исчез, когда я скрылся и сказал:

- Ай-я-яй, Шатаев! Испугался собственной тени!.. Это называют «броккеновым явлением». В Германии в горном массиве Герц есть небольшая вершинка Броккен – 1142 метра. Здесь впервые заметили это явление... Видишь, плотный туман. И тень на него ложится как на стенку... Скоро он придет сюда.

...Мы были готовы к выходу, оставалось только свернуть палатки, когда скалы вокруг нас стали опоясывать тягучие водянисто-молочные языки. В воздухе запахло озерной свежестью, смешанной с настоем хвои. Облако заполнило впадину перевала и...

Я увидел рождение снежинки. Пустота неожиданно, волшебным образом становилась материей. Словно «ничто» превращалось в «нечто». Я увидел диалектический скачок – на моих глазах философская абстракция материализована, конкретно воплощалась в жизнь. Мне выпало счастье наблюдать одну из тайн жизни. В альпинизме стоило пойти ради одного этого...

С перевала вниз мы шли с Шалико водной связке. Он щедро хвалил меня и несколько раз выпускал вперед. На похвалы я скромно отшучивался, но в душе был польщен.

- Одни становятся альпинистами чуть ли не на первом же восхождении, - сказал он мне, - другие ходят-ходят и дальше второй категории трудности не уходят. Я говорю не для лести – чтобы поверил в себя.

Я поверил – больше, чем надо, почувствовал себя чуть ли не на равных с ним, хотя Маргиани был мастером спорта. Он шел, как говорят играючи. Шаг его был раскован, точен автоматичен. Техника запрессовки следа, видимо, давно уже перестала для него быть предметом забот, как для балерины хождение на пальцах.

Мы двигались по сильно заснеженному склону, укрытому, должно быть, совсем недавним снегопадом. Теперь же лучи солнца подквашивали покров. Мокрый снег налипал на подошвы, забивая трикони, съедая драгоценное трение.

Оказавшись впереди, я старался идти так же лихо, как Шалико. Но следы получались небрежные, и Маргиани при всем своем опыте подправлял их с трудом – легкий мороз быстро затягивал коркой.

Окрыленный похвалой я ушел в мечты, воображая, как приеду в Кисловодск и предстану перед друзьями альпинистом. Я уже видел себя покорителем Эльбруса, гордился тем, что на ветер слов не бросаю, и смаковал возможность сказать им об этом... Мне грезилась встреча с Эльвирой, девушкой, о которой в то время только мечтал, восхищение в ее глазах и сцена, где заявляю ей: «Я умею добиться своего. Добьюсь и тебя». (Позднее выяснилось, что давно уже пользуюсь взаимностью и без альпинистских подвигов).

Пока душа пела эти самообольстительные песни, пока галлюцинировалась мужская неотразимость, пока собственная тень, искаженная «брокеновым явлением», казалась тенью истинного великана, на ботинках все больше наращивалась снежная подушка и, тронутая морозцем, леденела.

Внизу были видны лагерь и наблюдатели, которые рассматривали нас в бинокль. Я оглянулся на крик Шалико. Он показывал ледорубом на ботинки. «Хочет меня сменить», - подумал я, отмахнулся и пошел дальше.

Но не сделал и пяти шагов, когда правая нога, коснувшись опоры, вдруг резко скользнула вниз. Лево́й хотел удержаться, но только ухудшил положение – развернулся циркулем и упал на спину, головой к подножию. Склон начал уходить куда-то ввысь. Рюкзак за спиной заскользил санками и весом помогал набирать скорость. Я инстинктивно цеплялся свободной рукой за поверхность, набивая кулак снегом.

Шалико в это время, обозленный моим неподчинением, решил ускорить шаг, чтобы поравняться и выдать мне нагоняй. Но сперва остановился проверить собственную обувь, поправить рюкзак и, что называется, потереть ладоши. Он увидел меня в тот момент, когда я набирал уже скорость. Тут же с размаху вонзил ледоруб, перекинул через него веревку и, налегая на головку всем телом, стал ждать рывка.

Я в это время был уже близок к той роковой инерции, когда самозадержка почти невозможна. Несколько раз взмахивал ледорубом, пытаюсь притормозить, но клюв его свободно рассекал рыхлый снег...

Трудно сказать, осознанно или это сработал инстинкт самосохранения – я вдруг поджал ноги, бросил их к голове и, сделав кувырок, на какое-то мгновение ощутил опору под ступнями. Но тут

же инерция с силой рванула меня назад, повалила на спину и двинула дальше. Снова почувствовал скольжение, но теперь уже не такое быстрое. Тогда я сделал еще один кувырок и погасил скорость настолько, что сумел устоять на ногах. Проехал на них метра два и подперся ледорубом...

Оказавшись лицом к подъему, я сразу же увидел Маргиани. Он буквально лежал на своем ледорубе и ждал рывка. Но рывка не было. Он оглянулся, посмотрел на меня и обвисло сел в снег...

Подошла вторая связка, и все трое спустились ко мне. Нужно было глядеть им в глаза, и это было трудно... Но Лева и Стасик, испуганные, растерянные, подхватили меня за руки и, не находя слов, принялись горячо их трясти. Они не поняли моей вины... Не поняли, хотя по дороге Маргиани им все объяснил. Им казалось, что подобные мелочи невозможно учесть. Мало того, они, как и я минуты назад, убежденно считали: дескать, держать в памяти всю эту мешанину пустячных подробностей поведения, постоянно думать о них – дело не только недоступное человеческой голове, но и вредное, поскольку это, мол, не восхождение, а сплошные оглядки. Новичок убежден, что любая авария в горах – случайность, которая не зависит от восходителя. В душе он не верит, что многолетняя безаварийность опытных мастеров объясняется скрупулезным самоконтролем. Чтобы понять, что «сплошные оглядки» и есть признак высокого восходительского класса, нужно быть зрелым альпинистом.

Шалико стоял в стороне, повернувшись ко мне спиной. Я не решался с ним заговаривать, чувствую, что слова извинения сейчас прозвучат как истерика после пережитого страха и обозлят его еще больше.

В лагере, когда утих его кавказский гнев, он подошел ко мне сам и спросил: почему на предложение остановиться и очистить трикони ледорубом я отправился дальше?

- Не понял... - ответил я. – Думал, хочешь меня сменить...

- Если и так, - сказал он, - почему не послушался?

Я молчал.

- «Снежным барсом» себя почувствовал?! Моя вина... Расслюнявился с новичком. Все вы до одного «броккеново явление». Собственное воображение делает вас великанами...

Я не заметил, как к нам подошел Ануфриков. Из-за спины вдруг услышал голос:

- Правильно он тебе говорит, Володя. Я считал тебя дисциплинированным человеком. А ты... Представь себе: человек хочет схватиться за провод, а он под током. Ему кричат: «Стой!» А он, видишь ли, шибко важный и любит, чтобы его убедили, чтобы сперва объяснили природу электричества. Но объяснять не только некогда, но и не всегда нужно... Запомни: в альпинизме что ни шаг, то провод под током...

Время было предобеденное. Лагерная братия, ожидая сигнала, бесцельно расхаживала по линейкам. Заметив Ануфрикова, несколько альпинистов подошли к нам, предвкушая интересный, веселый разговор.

- Правильно я говорю, Сережа? – спросил Михаил Иванович, обращаясь к долговязому брюнету-второразряднику. Вопрос был формальный, без расчета на возражение. Но Сережа сам был любителем рассуждений и обобщений и не желал поддакивать просто так. - О чем речь?

- Да я вот ему говорю, что у альпиниста должно быть обостренное чувство дисциплины. У него на команду должна быть мгновенная реакция... Даже рефлекс... У него должна быть, так сказать, рефлекторная дисциплина... Правильно или нет?

Я думаю, не совсем, Михаил Иванович.

- Как это так?! Ты что против дисциплины?

- Тоже не совсем. Я против идеализации дисциплины... Когда в институте учился, был у нас такой случай.

Во время практики послали нашу группу на лесозаготовки. Пилили лес. Ну и грузили, возили, конечно, тоже. Однажды вышло так, что бревна оказались длиннее, чем позволяла машина с прицепом. Закатили одну сосенку, а она свесилась, чуть земли не касается. Шофер, Володя Степанов, сперва не хотел везти, но поартачился и согласился. Нарастил прицепную штангу толстой проволокой, отодвинул прицеп, и бревна легли нормально. Погрузили так, чтобы между комлями и передним бортом остался метр пустого пространства.

Шестеро уселись на бревна. Седьмой, бригадир, сел рядом с шофером. Ехать на бревнах, особенно лесом, по грунтовой дороге невесело – трясет, подкидывает. И боязно – того и гляди выбросит на дорогу. Студент, что сидел поближе к кабине, не устоял от соблазна – взял да и спрыгнул в тот метровый промежуток, что между бортом и бревнами. И тут дорога пошла на спуск... Бревна, оказавшись в наклонном положении, не встречая достаточно прочного препятствия – всего лишь проволока связывала машину с прицепом, – сминая веревочную петлю, со скрипом тронулись с места и сперва не спеша, а потом все быстрее и быстрее устремились к переднему борту, где находился тот самый студент...

Он стоял лицом к кабине, опершись о ее крышу. «Стой!» - заорали мы в ужасе.

У водителя на это слово реакция острая и... дисциплины хватает. На слово «стой!» у него рефлекс – нога мгновенно жмет на педаль тормоза. Сейчас именно его-то, тормоза, как раз и не хватало, чтобы ускорить убийство.

К счастью, с этой вашей «рефлекторной» дисциплиной у Степанова как раз было неважно. Зато голова у него на месте. На наше «сто!» он сбросил ногу с педали тормоза и до отказа выжал акселератор. Машина рванула вперед – бревна ушли назад.

Вот вам, Михаил Иванович, и дисциплина!

- Ну и что? Нет, здесь не только противоречия, но и аналогия. Внешняя схожесть. Шофер знал, что вы профаны и не имеете права на совет, тем более на команду. Он не обратил внимания на ваш крик, как не обращает внимания футболист на крик болельщиков. То, что все вы невежды и ваще «сто!» не более чем междометие, – другой разговор... Командовать и советовать могут только профессионалы, при этом втянутые в ситуацию.

- Ладно. Представьте, что на бревнах сидела компания шоферов. Но и они обязательно закричали бы «стой!». Ведь вы правы – это и в самом деле не больше чем междометие ужаса. Как ни смешно, но крик относился к бревнам, которые на наших глазах надвигались на человека и должны были его раздавить...

- Отсюда, ты хочешь сказать, вывод: всегда ли и везде, мол, хороша дисциплина? Отвечу – всегда и везде. Если в ней сомневаться и соблюдать дисциплину на выбор, то практически это значит вообще отвергнуть ее как метод коллективной деятельности людей. Если метод не до конца совершенен, если он оправдывает себя на девяносто процентов, а не на все сто, то из этого не следует, что нужно его перечеркивать вовсе. Перечеркивать за то, что не идеален! Иногда так случается...

- Все перечеркивать не надо, - сказал Сергей. Частично.

- Нет милый! Повторяю: дисциплина – такое понятие, что, усомнившись частично, развалишь полностью.

- А я думаю, Михаил Иванович, радикалы плохи, но и ортодоксы не мед. Я думаю, если запросить какую-нибудь «сверхЭВМ»: что нужно для идеальной жизни – она ответит: чтобы в человеке на девять кусочков бога был хотя бы один кусочек черта. В жизни все правы лишь отчасти... Вы вот из доброты к людям ратуете за идеальную дисциплину. А я – тоже из доброты к ним – желаю немного недисциплинированности. Как раз на те десять процентов, на тот один из десяти случаев, где не срабатывает ваш метод. И вместе мы с вами полезно взаимодействуем, составляем коллектив... И вообще, в будущем человечество перестанет идеализировать чистые понятия, стремиться к ним. Оно откажется от мнения, что чем умней, тем лучше, чем честней, тем лучше, чем дисциплинированней, тем лучше...

Люди будут говорить и спорить только о пропорциях. Один, скажем, будет уверять, что философу на восемь долей ума нужно две доли глупости, а другой ответит: ничего подобного? Лучшая смесь – шесть на четыре.

Маршрут к голубой мечте

Два «кульбита» на склоне подправили мою альпинистскую психику в самую лучшую сторону. Школа, что прошел в те несколько секунд, дала вечные знания. В следующий сезон скупой на похвалы Михаил Иванович не уставал отмечать мою восходительскую дисциплину.

...Лето стояло снежное (звучит нелепо но факт). Даже обычно зеленые склоны сверкали белизной. В горах то и дело сходили лавины. Простые маршруты становились сложными, а сложные порою непроходимыми. На участках, где прежде путников ждала передышка, приходилось топтать следы.

Работы хватало. Но, видимо, сказались зимние тренировки в Москве и дозревший за это время опыт прошлого сезона. Даже на пиковых отрезках маршрута особо не надрывался. Проходил их довольно уверенно, чувству запас прочности. Словом, той неспособности усталости, что делает даже любимое занятие безрадостным, мучительным, испытать не пришлось.

На Ирикчат западный - 1Б категории трудности – я был назначен руководителем. Отсюда начались неприятности, которых меньше всего ожидал.

Смирнов после моего назначения повел себя так, словно я увел у него любимую девушку. На маршруте был идеально послушен, но не спускал с меня критического глаза, отмечая каждый мой промах. На привалах не упускал случая в деликатной форме напомнить о них. Я чувствовал этот взгляд, сковывался и, как мне казалось, делал ошибок больше, чем мог бы.

В душе он справедливо считал, что не уступает мне ни в физической, ни в моральной силе. Скорее всего искренне был убежден в обратном. У него и в самом деле отличные альпинистские качества – он хорошо это знал. Но, как человек самовлюбленный, судил о людях поверхностно и видел их такими, какими должно им быть, чтобы сам он имел возможность сделать выгодное для себя сравнение. Мое нежелание заводить с ним споры он принимал за интеллектуальное бессилие. А мне было скучно вступать в казуистические баталии, к которым Костя склонен особенно.

Он был речист, напорист и обладал, что называется, большой полемической энергией. Он охотно брался доказывать, что мышь сильнее слона и что лучше быть кроликом, чем удавом. Добивался последнего слова, считая, что одержал победу, и после этого в душе презирал противника и восторгался собой.

В наших отношениях он чувствовал себя лидером, уверенный в том, что умнее, сильнее. Поэтому и принял мое назначение как обидную несправедливость.

... Восхождение прошло успешно, Кроме того, я выполнил норму третьего разряда, и вниз спустился разрядником. Но радость была неполной – мое лагерное время подходило к концу, а на Эльбрусе я так и не был.

Как и в прошлом году, группа ребят, в том числе Успенский, смиренной и я решили добиться того срока. На этот раз ходатайствовать взялся Ануфриков.

Начальником лагеря был все тот же Тенишев. Он не посмел отказать «отцу» (так называли Михаила Ивановича) открыто, но поставил два условия. Во-первых, путевки – за полную стоимость.

- Во-вторых, - сказал он, - хотят остаться? Пожалуйста! Пусть пройдут заново скалы, лед, осыпи.

- Зачем?! – спросил ошарашенный Ануфриков. – Все это пройдено лишь двадцать дней назад?!

- Затем, что слишком поспешно одолевают альпинистскую науку, Шатаев ваш за год получил значкиста, третий разряд и с ходу принялся за второй...

- Так это что? Плохо? Отчего так недоброжелательно?!

Тенишев отвернулся к окошку и смотрел в него, словно там можно было узнать ответ. Вместо него ответил сидевший до сих пор молча инструктор Бушин. Он вдруг вскочил и сбивчиво, бестолково затараторил:

- «Плохо», «Недоброжелательно!». Ишь, скороспелок разводят. С ходу им в мастера захотелось! Я вон шесть лет второго разряда добиваюсь... А он, видите ли, пришел, увидел, победил!

- Ах, вон оно что! «Успех товарища – пятно на моем мундире». Понятно..

На наше счастье в лагере в тот момент находился уполномоченный по альпинизму Зак. Когда Ануфриков рассказал ему об условии Тенишева, он тоже спросил:

- Зачем?!

- Пойди спроси у него, - ответил «отец». Молодежи боится... Пугается ее роста...

- Пусть выбирают маршрут и идут себе на здоровье. А насчет путевок... Поговорим на секции. Путевки раздобыть можно. Ведь им ни к чему торчать здесь все двадцать дней. Хвати одной на двоих...

Всесоюзная секция – Абалаков, Аркин, Боровиков, Ануфриков – решили выдать нам дробленые путевки. Тем не менее на моем заявлении начальник лагеря наложил резолюцию: «Оплатить стоимость пребывания в лагере в течение двадцати дней...». Михаил Иванович правда, собрался затеять «дело об ограблении», но я упрямил его оставить все как есть.

Но на этом мои мытарства не кончились.

Перед самым спуском в лагерь, где-то на последних участках траверса. Костя Смирнов сменил наконец гнев на милость и смотрел на меня теперь более душевно. Внизу, на разборе, он не сказал в мой адрес ни одного плохого слова. За два-три дня – пока решался вопрос о путевках – в отношениях наших появилась прежняя дружеская теплота. Но как только стало известно, что нас оставляют, он снова вернулся к своей одиночной позиции. Теперь он доказывал всем, что меня вообще не нужно включать в группу, беседуя на эту тему с каждым в отдельности, с глазу на глаз. Шатаев, дескать, только помешает нам, поскольку, «развращенный» опытом руководства, будет лезть во все дела и подменять руководителя. Оказалось, ребята, уже говорили на эту тему с «отцом», и он согласился.

Когда беседа наша закончилась, Костя куда-то исчез. Часа полтора его не было. Потом он пришел, а вслед за ним в палатке у нас появился Ануфриков. Вид у него был хмурый, даже угрюмый.

- Ну вот что, хваленый коллектив! Абалаков и Буданов считают, что вас нужно отметить за «высокий коллективизм и сложность действий в трудных метеоусловиях»... Однако не так у вас хорошо, как кажется. Только что был у меня Смирнов. Он наотрез отказался идти под руководством Шатаева... Из принципа. Считает, что Шатаеву создаются здесь специальные условия. Что скажете вы – не спрашиваю. Некогда разговорами заниматься. – знаю, что это особое мнение Смирнова. Однако можно считаться и с особым мнением, потому как на восхождении должны быть мир и согласие... между всеми. Мне пришлось искать руководителя на стороне. Инструктор Миша Хергиани согласен...

Через час к нам подошел Хергиани и сказал, что Тенишев в этом составе группу не выпускает. Группа, где большинство значкистов, ходить без инструктора не имеет права. Поскольку Миш идет как руководитель, то нужен еще и инструктор.

- Вот уж крючоктвор так крючоктвор... - В сердцах выпалил «отец» и бросился искать инструктора. Но все они были почему-то заняты срочными делами.

Два дня из десяти уже прожиты «за просто так». И третий, видно, пройдет не лучше.

- Похоже, нужно собирать шмотки и топать на вокзал, - сказал мне Чистофоров. – Уж ежели начальство чего не захотело, то дело гиблое!

- Отец что-нибудь придумает...

- Что он тебе, господь бог?!

Ануфриков оказался, если не господом богом. То уж не меньше, чем царем Соломоном. Он нашел идеальный выход. Пришел к начспасу и, как бы невзначай, спросил: дескать, а что нынче в горах? Как состояние снега? Тот сходу понял, о чем идет речь, поскольку, как и большинство в лагере, был в курсе наших дел. Разыгралась забавная сцена. Они стояли в позе петухов. Обоих душил смех. Уставившись друг другу в глаза и почти на раскрывая ртов, чтобы не прорвало, цедили:

- Это плохо..Ты ведь начспас – должен знать!
- Это плохо... Я начспас мне положено...
- Ты бы сходил, узнал... Может, и вовсе снега-то нет?
- Я бы сходил. Только не с кем. Группы уж который день не выходят. Инструкторы заняты – циркуляры в ста экземплярах пишут. .. Что ж мне одиночкой в горы шагать?
- Это плохо...- покачал головой начспас.
- Шатаев, спроси у ребят – им в горы не надо? Собирались, говоришь? Видишь, они собирались... А у тебя диплом инструктора есть?
- Есть... Только потертый.
- Отчего так?
- Тенишеву на проверку носил.
- Часто?
- Да нет... Три раза – в завтрак, обед и ужин.

Наконец-то мы легли спать спокойно, уверенные в завтрашнем дне – впервые за последние несколько суток.

Утром построились на линейке, с нетерпением ожидая приказа о выходе, но... приказа не было. Тенишев потребовал, чтобы группу утверждала маршрутная комиссия. Формально такой порядок в то время еще существовал. Но практически в альплагерях уже много лет выпуском – проверкой снаряжения, знанием маршрута – занимался кто-то один из руководства – «выпускающий». Вскоре практика эта была узаконена.

Из всех палок в колеса, что ставил нам начальник лагеря, это наиболее откровенная. Никто толком не знал: кто же входит в комиссию? Один из альпинистов, помогая нам в розысках, неожиданно выяснил, что он и сам состоит в ее членах.

Когда проверка закончилась, от Тенишева поступило новое указание: выход можно разрешить только после того, как будут написаны приказы. Это было тут же, на линейке. Буданов подошел к нему с таким видом, что Ануфриков на всякий случай бросился между ними. Но тот лишь процедил сквозь зубы, по слогам:

- Приказы напишем после!

Тенишев хотел что-то ответить, но не решился.

Но Эльбрус был потом. Сначала – Джантуган. Восхождение на эту вершину заняло у нас всего один день. Джантуган – мой первый классический маршрут. С трудным льдом, заросшим сераками, с отвесными стенами, острым снежным гребнем, двигаться по которому приходилось верхом. Классифицируют эту вершину по 3А категории трудности. Мы сняли записку Анатолия Кустовского, помеченную августом 1959 года, и за тридцать минут, кое-где съезжая на «пятой точке», спустились.

И вот наконец... На машине нас подкинули к селению Терскол, и отсюда 28 июня начался мой подъем к вершине. Эльбрус, перетянутый сероватым серпантинном дороги, спирально уходящей за три тысячи вверх, был тих и неподвижен. Только здесь внизу, сквозил слабый юго-западный ветерок, проникал под рюкзак и приятной свежестью обволакивал не закрытую подшлемником шею.

Мы шли к Приюту одиннадцати. Шли быстро, словно боялись, что лагерное начальство бежит вдогонку. И чем дальше уходили от лагеря, тем спокойней становилось на душе, тем больше верилось, что наконец-то и в самом деле идем на Эльбрус.

Не доходя ледовой базы – у пикета 105 – остановились минут на десять отдохнуть и встретились с группой туристов. Их «вершина» - высшая точка, к которой стремились, - Приют одиннадцати. Здесь же они проводили длительный отдых с ночевкой. Они смотрели на нас с почтением, принимая за матерых восходителей, - еще бы: на Приют одиннадцати единым рывком!. Где им знать, что мы едва оперились в третий разряд? Разочаровывать, конечно, не стали – очень приятно ловить на себе восхищенные взгляды. Мы новички и пока еще падки на подобное поклонение. Но втайне душу корбило это признание не по заслугам.

Если не считать, что на Приюте одиннадцати Миша Хергиани не нашел в своих карманах маршрутного листа (забыл в лагере), без которого начальник приюта Кудинов не имел права нас выпустить, и хлопоты, выпавшие на долю Кудинова – пришлось запрашивать лагерь по рации, - все остальное шло гладко. Времени зря не теряли и, пока выясняли законность нашей группы, вышли на акклиматизацию. Полтора часа неспешного подъема, и мы у скал Пастухова. Здесь следы военного кочевья – вросшие в снег ломаные штативы, метеоприборы с битыми циферблатами, облупленные, изъеденные коррозией, ржой. Подобные следы на Кавказе встречаются часто. Говорили, что в прозрачной глубине ледника, словно в застекленной витрине музея, долгое время «экспонировались» итоги горных походов дивизии «Эдельвейс» - трупы фашистов. Миша сказал, что это «открытое» кладбище можно было видеть еще совсем недавно. Но пару лет назад его уничтожили взрывами. Как тут не вспомнить скептиков, что обстреливают альпинизм бездумными восклицаниями: «Кому это надо?!».

Я подумал, что государство, для которого гарантия безопасности – одна из главнейших проблем, просто обязано делать все, чтобы альпинизм стал самым массовым видом спорта.

Это был трудный выход. Высота уже здесь давала себя знать – головокружение, тошнота... Как назло, стала портиться погода – снизилась температура, усилился ветер. Попрытались за камни и, хотя переносить эту стужу невтерпеж, оставались здесь часа два, чтобы принять наибольшую дозу акклиматизации.

Спустились вниз и вошли в гостиницу приюта, нас поразила цивилизация землян с ее сказочным сервисом – раскладушкой, ситцевыми занавесками на окнах и рисовым супом с укропом... Это дало настроение, нужное, чтобы наперво сесть за стол с доминошниками, а после отправиться в

клуб на танцы с туристками, которые еще больше, чем мы, переживали счастливые минуты, поскольку достигли нынче своей «Джомолунгмы» - Приюта одиннадцати.

На следующий день второй акклиматизационный выход. Туда же и по собственным следам. На этот раз поднялись метров на триста выше. Я прошел вчерашнюю крайнюю точку, не заметив, не веря, что еще накануне высота эта вызывала желание немедленно спускаться вниз. Только Коля Смоленский у скал Пастухова пожаловался на боль в голове и желудке. Думали, кризис минует, но чем дальше, тем хуже.

- Надо спускаться... - решил Хергиани и приказал мне сопровождать Смоленского вниз. Жаль! Хотелось идти дальше, но ничего не поделаешь... Сели на полиэтиленовую пленку и быстро спустились к Приюту.

...Час ночи. Надеваю на себя три пары шерстяных носков. Два свитера, двое шаровар. Штормовка поверх идет туговато, но проходит. Ботинки смазаны, трикони в порядке. Все. Можно идти.

За стенами гостиницы пятнадцать градусов ниже нуля. Что же там наверху?

Ночь черна. Лишь на юге сквозь пелену облаков пробиваются звезды, что покрупней. Идеи тремя двойками. Я в связке с Успенским. Пока что мороз работает на нас – взбадривает, понуждает к темпу. Лишь Коля Смоленский плетется в хвосте, без конца тянет руку в карман, торопливо жует чернослив. Парень он волевой, но высота, видно, не для него. Хергиани взял его на себя – они в одной связке. Я иду и думаю: «Миша хороший парень!». Другой бы оставил его в гостинице, и дело с концом. Миша предпочел идти последним, связать себя как говорят, по рукам и ногам, но не лишать товарища надежды.

Мы с Успенским идеи впереди, стараясь отыскать, насколько это возможно в темноте, наши вчерашние следы. Бесполезно – может, их замело? К трем часам, когда посветлело, в пятидесяти метрах левее заметили наконец пунктирную борозду, слегка припорошенную свежим снегом. Но теперь отклоняться нет смысла – мы у скал Пастухова.

Перед выходом Хергиани предупредил: следовать строго двойками! Потом метров через сто остановил и снова сказал: «Следовать строго двойками!». Говорил всем, но смотрел на Смирнова...

У скал Пастухова традиционный отдых. Но больше пяти минут не выдерживаем – в бездействии мерзнут пальцы ног. Миша еще раз сказал свое: «Следовать строго двойками», и мы тронулись дальше.

Я и Успенский идем впереди. Под ногами певуче поскрипывает снег. Упругость, ядреность во всем: в воздухе, в снегу, в собственном теле. Следы получаются и топчутся легко.

Я остановился поправить лямки рюкзака, когда меня окликнул Успенский. Он с усмешкой мотнул головой через плечо: дескать, взгляни... Двойка, шедшая сзади – Костя Смирнов и Валерий Чистофоров, - расползлась. Смирнов торопливо приближался к нам. За несколько метров было слышно его тяжелое дыхание, но на лице радостная улыбка: наконец, мол, догнал.

- Что-нибудь случилось? – спросил Лёва.

- Ничего. Вот догнал вас...

- Но приказ был идти двойками?!

Костя «не расслышал» и молча двинулся вперед. Снизу донесся крик. Хергиани махал руками, грозил кулаком.

- Миша, кажется, требует, чтобы ты дождался Чистофорова, - говорит Успенский Смирнову.

- Я не в армии... Много таких сержантов найдется... Почему я должен плестись, если могу ходить быстро?!

Хергиани жестами явно дает понять, чтобы кто-то из нас спустился. А до него не менее трехсот метров. Смирнов шел не оглядываясь. Мне захотелось догнать его и ткнуть физиономией в снег, остудить этот честолюбивый пыл. Лева догадался, о чем я думаю, и с надеждой смотрел на меня: дескать, давай научи человека раз и навсегда. Но я тут же опомнился – не хватало еще на восхождении драки. Пришлось отправляться вниз.

Хергиани, относя возмущение к Косте, в сердцах зашумел на меня.

- Если этот выскочка не уймется, - кричал он, - заверну всю группу назад!

Снова вверх. Догоняю с трудом – идут, как цирковые лошадки на манеже. Мое сообщение Костя выслушал с искаженным от злости лицом. Он метнул в меня яростный взгляд, закусил губу и, не сказав ни слова, остался ждать. Нам с Левой разрешено двигаться до самой седловины. Но петля, которую мне пришлось сделать, к тому же только что не бегом, даром не прошла...

Приближаясь к перемычке, я вдруг почувствовал тошноту, в глазах потемнело, склон пошел кругом... Успел вогнать ледоруб и буквально упал на него грудью. Закрыл глаза. Вот и точка... Неужели пять тысяч – мой предел?! Альпинист, которому непосильна даже кавказская высота... Мечты рухнули враз, при первом же испытании. Вот он, спортивный мой потолок... и жизненный тоже. Мой удел копошиться внизу... Вставать по будильнику, уходить домой со звонком, читать «Советский спорт» и спорить с трамвайными пассажирами о достоинствах футбольной команды, вечерами смотреть телевизор, по субботам ходить в кино и

с полочки «соображать на троих»... Вот и самопроверка... Зато теперь точно знаю, на что способен...

Нет! Самопроверка только начинается.

Несколько секунд я оплакивал себя, хотя в глубине души хорошо знал, что сейчас распрямлюсь и пойду дальше, буду двигаться вверх, и остановка будет только в том случае, если потеряю сознание.

Дождавшись, когда внутри отлегло, вытащил ледоруб и сделал три медленных шага. .. Еще остановка, отдых... И так пятьдесят метров. Отпустило сразу, неожиданно – я все таки преодолел себя!

Нас догнала вторая двойка. Смирнов неожиданно проявил участие, говорил что-то доброе, дружеское. Помню, он сказал, что дальше без меня не пойдет, и дал в этом слово, горячо и решительно. Но уговоры его излишни, хотя бы уж потому, что к этому времени я чувствовал себя много лучше.

И вот наконец седловина. Снизу чудилось, будто сядешь и свесишь ноги по разные стороны, как на спине двугорбого верблюда. А оказалось, что в поперечнике станет состав да еще маневрировать сможет. Снизу мерещилось: если с нее половчее подпрыгнуть, уцепишься за верхнюю кромку восточной башни. А оказалось отношение муравья к верблюжьему горбу, пожалуй, поменьше. Только на верблюжий горб муравей взберется в тысячу раз быстрее и легче, чем мы на восточную башню Эльбруса. Но стоит лишь глянуть вниз, как сразу становится ясно: и это пустяк по сравнению с пройденным. Нет, труды муравья не идут ни в какое сравнение с трудами людей...

Мы сбросили рюкзаки и сели ждать связку Хергиани – Смоленского. Вскоре они подошли. Коля выглядел плохо. Глаза огромные, немигающие, не способные улыбаться, обвислые щеки. ...Осталось немного, хочется верить, что он справится. Второй день этот парень ломает себя с мужеством, перед которым каждому из нас не зазорно, что называется, преклонить колени.

До цели один этап – восточная башня. Мы траверсируем ее склон, огибая слева, и за поворотом вдруг видим ... хижину!

Обитая войлоком, убранная снегом кое-где под самую крышу, гляделась она чужеродно, негладким сказочным чудом врезаюсь в привычную однотонность. Лишенный переплета оконный проем наполовину зарос снегом. Заглянуть внутрь почему-то боязно. Есть в ней что-то мистическое, хотя и нечистой силе здесь было бы неуютно.

Внизу я слышал про эту хижину. И не раз. Легендами она обросла еще больше, чем снегом, - Братья альпинисты на этот счет большие умельцы. Говорили, что несколько лет назад какая-то группа подверглась здесь странному нападению. Ночью в дверь, заложенную ледорубами, кто-то рвался, колотил кулаками... После забрался на крышу, пытался ее проломить и в ярости оглашал горы нечеловеческим ревом. Утром, когда все успокоились, увидели тянувшиеся вверх следы босых ног... Другие при этом добавляют: и удаляющуюся фигурку человека. Третьи идут еще дальше и водружают ему на голову нимб. Все три группы скептически относятся к своим пересказам, но единодушно говорят: что-то было, мол, неспроста! Вслед за этим, как правило, возникают разговоры о снежном человеке - безотносительно этого случая, а так... вообще.

Через окошко проникли внутрь, и вся мистика мигом исчезла: на полу валяются примус, веревки, бутылки, гильзы ракет...

Минут через двадцать подошли Смоленский и Хергиани. Теперь начинаем верить, что Коля все же сумеет пойти на штурм. Глаза у него веселее. Лицо, хоть и утомленное, но лишено ставшей привычной серой, как известка, бескровности. Я думаю, что никто из нас так не заслуживает победы, как он.

Миша Хергиани решил закрепить Колин выигрыш. Мы должны выходить немедленно, но Смоленскому он дает полчаса отдыха. Кто останется с ним?

- Или Шатаев, или Смирнов... - говорит Хергиани. – но Шатаев вчера помогал спускаться Смоленскому. Значит, должен остаться Смирнов.

... Фирн, гладкий, плотный до окаменелости, искрится косым, почти параллельным склону солнцем. Трикони входят с трудом, так, что следов почти не видно. Непонятно, как вообще удастся вонзать их в эту фаянсовую твердь.

Близится вершина. Близится свершение моей мечты. И чем больше, тем быстрее, нетерпеливей иду я к ней... Последние пятьдесят метров... Лева чуть отстает, а меня не удержишь... И наконец все! Передо мной огромный, амфитеатром сбегающий конус кратера. Справа, по кайме его, метрах в двухстах броская, хорошо заметная тумба – это тур...

Записку пока не трогаю – жду Леву. Я подгоняю его, кричу, чтобы шел скорее, но он качает головой – быстрее не может... И вдруг...

Он появился из-за перегиба, который только что миновал Успенский. Шел прытко, упруго и ровно, не сбавляя темпа на усилениях крутизны, точно включал дополнительный «двигатель». Я вижу – это не Хергиани, не Чистофоров, хотя ожидать сейчас следует именно их. Черты на таком расстоянии не заметишь, но я узнал его по походке, по манере держаться.

Смирнов быстро обогнал Леву и приближался ко мне. Он был один... Он подошел и бросился в объятия. Но я остудил его пыл вопросом:

- Где Коля? С Хергиани?
- Нет... Он остался в хижине. Я не настаивал – ему все равно не дойти.
- Ты не настаивал... Ты настаивал на обратном!
- Ему все равно не дойти.
- Ты ему так и сказал?
- ...

...Мы собрались у тура, и радость наша была шербата, точно изъедена оспой. Судьба до крайности редко одаривает нас хотя бы секундным, но полноценным, идеальным счастьем... Вкус от эльбрусского похода то и дело перебивался полынной горечью... И все таки я достиг своей цели, сдержал свое слово...

Странные горы

Я робел перед ней. У нее дерзкий взгляд, острый язык и полная голова озорных фантазий. Она не терпела фальши, засекала ее, как ясновидец, ис юношеской прямоотой уничтожала издевкой, насмешками. Натура романтическая, она ценила в мужчине рыцарство, в глубине души сожалела, что женщина и лишена возможности проявлять это качество.

Она всегда была в центре круга, где бы ни находилась и как бы ни был интеллектуален этот круг – художники, ученые, писатели, что населяют альпинистские кулуары, как некогда одноклассники, а после коллеги по производству, говоря откровенно, попросту баловали ее своим вниманием. Известно: что человек, попадая в условия, так сказать, хорошее видимость, когда есть. Возможность подробно его рассмотреть, не нависая себе «баллов» авторитета ни лишней сотней прочитанных книг, ни владением даже сверхпрестижной профессией. Авторитет, я думаю, пропорционален независимости, разумной самостоятельности.

Эльвира была независимой в мыслях, поступках, суждениях, взглядах. Наверное, это и привлекало к ней. У нее был свой голос, и это делало ее запевалой. Только потом я узнал, что при всем этом она человек, далеко не всегда уверенный в себе, болезненно переживающий каждый свой промах, легкоранимый.

Это было потом... А сперва у нас было поверхностное, чисто производственное знакомство. Тогда я смел только думать о ней – для инициативы не хватало характера. Несколько лет спустя она сказала: ты часто и во многом недооценивал себя, поэтому получил от жизни немало приятных сюрпризов. Не знаю, так ли это или нет, но сама она явилась мне именно таким счастливым сюрпризом.

Наше знакомство на «вы» прервалось – она перешла на другую работу. Мы не виделись больше двух лет. Но однажды...

Это слишком отдает плохим детективом, чтобы выглядеть достоверным. Но так все-таки было. Как-то вечером, вернувшись домой после трудного дня, я сел ужинать, решив, что после этого сразу же лягу спать. Ко мне подошла мать и, щурясь на какой-то листок, сказала:

- Тут тебе девушка звонила...

- Какая девушка? – вяло спросил я, делая вид, что это меня не очень интересует. Людей этого возраста ничто так не интригует, как неожиданные звонки девушек, - я был не исключение.

- Назвалась Элей, сказала свой телефон... Я на память понадеялась – думаю, положу трубку и запишу. Пока нашла бумагу да карандаш, половину забыла. Вроде бы так. Посмотри.

Я тут же набрал номер. Никакой Эли там не знали. Мать перепутала цифры. Знать бы какие? Весь следующий вечер я крутил диск, меняя комбинации цифр. На другой тоже. Потом на третий... И так пять дней до опухли пальцев. За это время переговорил со многими Эльвирами, даже Эльвирами Сергеевнами... Но все они были не настоящие...

И вот, когда, ни на что не надеясь, только чтоб исключить еще один вариант, набрал очередной номер и назвал полностью «Ф.И.О.», в трубке услышал смешливое «Гм...», а дальше: «Эля, тебя какое-то официальное лицо спрашивает...». После прозвучал ее голос.

- Здравствуй, Эля. Это Володя Шатаев.

Сперва молчание, потом:

- Я уж решила, что ты не станешь звонить...

- Извини... Я твой телефон выяснял...

- Как же ты выяснял?

- Методом исключения.

- Четыре дня?!

- Пять...

Она засмеялась. Потом спросила:

- Ну как живешь?

- По телефону не стоит...Давай лучше встретимся, - осмелел я. – Когда я смогу тебя видеть?

- Ну...завтра.

- Нет, до завтра долго...Лучше сегодня.

- Сейчас поздно уже..., семь часов...

Сопrotивление было слабым, и я сказал:

- Пятнадцать минут тебе на сборы. В восемь у метро «Спортивная». И так уж пять дней...

- Не пять дней, а два года... - ответила она с обидой и положила трубку.

Она пришла. В черном скромном пальтишке...Голубоглазая девушка Дебюсси: «С волосами цвета льна». А взгляд ее вовсе не дерзкий – он доверчивый. Помню, в то время я завидовал ребятам, которые умели ловко, непринужденно «трепаться» с девушками. Пятикилометровая дистанция давалась мне значительно легче. Но сейчас я говорил много, безостановочно, не боясь глупостей, поскольку, что бы ни сказал, ей все нравилось. Нам было весело и все казалось смешным, и мы смеялись над всем, что увидели, о чем вспомнили, - не зло, просто смешно... И вдруг она спросила:

- ...Ты мог бы не ходить в свои горы?

Это мне в голову не пришло! Вспомнил женатых братьев-альпинистов – мрачных, угрюмых перед выездом в альплагеря – ежегодную пору семейных обострений. В дороге – поезде, самолете – они чертыхались, не в силах сдержать наболевшее, жаловались на ограниченных, эгоистичных жен, не способных и не желавших понять их страсти. Начинали за здоровье, а после, выговорившись, выстудив вскипевшее нутро, кончали за упокой – не дай бог оказаться на их месте! И так все каждый раз – единогласно, без исключений.

- Испугался, будто я тебя в пропасть хочу столкнуть! Я ведь просто спросила без всяких ультиматумов: смог или нет? Ладно, можешь не отвечать... Все поняла – сейчас ты поднатужишься и скажешь: «Смогу!» А потом все равно пойдешь.

- Ты, кажется, права...

И тогда я услышал еще один вопрос:

- А я смогу ходить с тобой в горы? Я ведь спортсменка – вторые разряды по конькам и велосипеду.

...Всю зиму 1962 года я тренировал ее на нашем альподроме в Царицыне. Под конец она довольно свободно лазала по стенам царицынского замка. Научилась неплохо обращаться с веревкой и карабином. Потом на Кавказе состоялся ее альпинистский дебют. В результате до самой весны 63-го года изо дня в день кляла альпинизм, Кавказ и особенно рюкзак. К тому же она надерзила командиру отряда, и та дала ей плохую характеристику. После всего этого Эльвира решила, что выше Воробьевых гор никогда не пойдет, и то если груз не превысит веса дамской сумочки...

Я был спокоен на сей счет – это один из вариантов классического начала заболевания горами. Весной она «засуетилась» и часто не к месту, невпопад, заявляла, что в горы не пойдет, хотя об этом я ее вовсе не спрашивал. Я делал вид, что уговариваю ее. Тогда она отвечала: «Не знаю, вряд ли...». Когда, с наступлением сезона, какой-то шибко усердный врач отыскал у нее порок сердца и запретил заниматься альпинизмом. Она рыдала у меня на груди, и я не знал, как ее утешить. Потом выяснилось, что диагноз неверен.

В 62-м году начался ее восходительский путь. Десять лет спустя, в 72-м году, мастер спорта Эльвира Шатаева и ее подруги: Галина Рожальская, Ильсияр Мухамедова, Антонина Сон – были награждены медалями «За выдающееся спортивное достижение СССР» за первое в мире женское восхождение на семитысячник (пик Евгении Корженевской).

В феврале 63-го Эльвира стала Шатаевой, а несколько месяцев спустя ей сообщили, что она... вдова.

...Откуда они взялись, эти горные птицы, похожие на кур? Улары, облепившие кромку скалы, гомонят напряженно, истерично, как на птицебойне. То и дело суматошно вспархивают, панически мечутся в воздухе и, приземлившись на мгновение, снова устремляются вверх, не находя себе места. Откуда взялись безумно кричащие галочки тучи? Я никогда не видел в горах столько птиц сразу...

Горы нынче странные — необычно шумно, гулко. Лавины идут с частотой проносящихся автомобилей на междугородном шоссе. Беспеременно падают камни- обвалами и по одному...

Ничего подобного не было, когда шли вверх. И на душе было спокойней, хотя к вершине нас вел маршрут категории трудности 5Б.

На Кавказе нет изнурительной высоты. Вместо нее, чтобы потянуть на 5Б, подъем нашпигован несусветными скалолазными сложностями. Вертикаль Домбай-Ульгена, где мы находимся, немногим более четырех тысяч, но, пока доберешься до вершины, оставишь половину себя на отрицательных скалах, камнях, внутренних углах, карнизах, гладких как стекло плитах.

Теперь, слава богу, в кармане у руководителя группы Саши Балашова снятая записка, а на вершине - наша. Мы - на спуске, в трехстах метрах от высшей точки. У нас отличный бивак - палатка в скальной нише. Казалось бы, все, что нужно для безмятежного отдыха. Но от всей этой непонятной, необычной кутерьмы в горах на душе неспокойно. Друг другу в этом не признаемся: нет видимых причин для тревоги - ниша спрятана от лавины, камни здесь вроде бы не предвидятся... Что еще может быть? Не рухнут же горы?!

Пока я так думаю, бульжник, по форме и величине похожий на говяжью печень, пробивает палатку и падает к нашим ногам. Внезапно проснулся Балашов, ошалело оглядел нас и сказал:

- Я сейчас летал!

Борис Матвеевич Уткин, по возрасту самый старший, ответил;

- С младенцами это бывает.

- Да нет, не то, - не поняв спросонья шутки, уверяет Балашов. - Что-то меня толкнуло и подбросило.

В семь часов вечера, когда обычно летнее солнце еще над землей, небо вдруг задернулось наглухо, стало темно. Горы затихли, и сумерки прорезала прямая, как копьё, молния. Стало понятно: то, что происходило в горах, не больше чем предгрозовая увертюра. Мы тогда не знали, что и сама гроза лишь фрагмент увертюры.

Молнии раскалывали тревожный, рокочущий мрак вдоль и поперек, ярко, напористо, безостановочно. Я считал от вспышки до раската: раз, два, три... Умножал на триста и определял близость удара. Иногда звук почти совпадал со вспышкой - значит, совсем рядом, меньше трехсот метров...

Гроза продолжалась около часа, потом утихла, и мы заснули.

Рано утром я вышел из палатки и был удивлен: теплынь небывалая! Воздух по-весеннему парной. На перегибах снежные пласты подтекают ручьями. Внизу посеревшие языки ползущих лавин. Кулуары, лавинные выносы - все в движении, спешном, суетливом, похожем на некое срочное переселение.

Откуда-то сверху из-за скал доносятся крики, переговоры... «Соседние группы уже в действии, а мы еще только встали», - думаю я.

Из палатки вышел Уткин и, осмотревшись, сказал:

- Фен! Теплый фронт. Должно быть, с моря пришел. Надо срочно спускаться.

Мы тут же собрались и продолжили спуск. Шли быстро, торопливо и за три часа сбросили около тысячи метров вертикали.

Отдохнув несколько минут, хотели было двинуться дальше, когда из-за облака, чуть правее места, где находился наш бивак, взметнулась красная ракета. За ней вторая. Сигнал бедствия!

Будто нарочно, под нами в тот момент стелилась пелена облаков, достаточно плотная, чтобы наглухо закрыть поляну и скрыть красные ракеты от глаз лагерных наблюдателей. Мы скорее всего единственные свидетели сигнала. Это соображение остановило наш первый порыв: немедленно двигаться на помощь. Еще важнее сообщить в лагерь, ибо по настоящему действенная помощь может прийти только оттуда. Однако не бежать же всем скопом? Нас четверо, и потому дело решается просто: двойка - вверх, двойка - вниз. Кинули жребий - нам с Уткиным спускаться на поляну.

- Справедливо, - сказал Коля Радимов. - Самый молодой и самый старый.

Оставляем за собой еще метров тридцать крутого склона - и вдруг... Растерянно смотрим по сторонам. Маршрута не узнать! Что случилось? Куда мы попали?

Я хорошо помню - здесь, над стеной, торчали лезвиеобразные скальные гребешки. Мне пришлось их обивать молотком, чтобы при нагрузке не порвали веревку. Куда они делись? Не сострогали же их за это время?! Та ли это стена - монолитная, гладкая, «черствая» настолько, что после каждого забитого крюка глаза, что называется, лезли на лоб?! Теперь она зализана застывшей, но сверху еще сыроватой глиной, словно кто-то оштукатурил ее. Зачем бы мы вгоняли сюда крюк, если вся она исполосована трещинами и каминами?! Но тогда не было ни трещин, ни каминов, и крюки - вот они, налицо.

Я ложусь, дотягиваюсь до ближайшего, и он остается у меня в руке. Что случилось?

Размышлять некогда. Вбиваю шлямбурный крюк. Цепляю веревку и под страховкой Уткина траверсирую стену метров на сорок. По дороге вонзаю клюв айсбайля в глину, как в лед. Нагружаю, правда, немного - только чтобы сохранить равновесие. Держит! Такого еще не было, по крайней мере со мной...

У края стены полка - небольшая, но достаточно просторная, чтобы обосноваться самому и принять партнера. Принимаю сюда Бориса Матвеевича. В глазах его... нет, это не настороженность, не беспокойство - это изумление. Старый, опытный альпинист, способный объяснить любую каверзу гор, лишь разводит руками.

Ледник, что под нами, кажется теперь землей обетованной. Там можно вздохнуть свободно - хоть и не очень прямая, но все же дорога к дому. От полки, где мы стоим, до желанного места перепад не больше длины веревки. Внизу отрицательные скалы, и спуск относительно прост - обычное движение вниз по канату, требующее не столько ловкости, сколько силы.

Выступ, что мы облюбовали в полуметре от кромки площадки, напоминал приземистую, сантиметров в сорок в поперечнике надолбу - монолитный отросток самой скалы. Надежнее некуда! Я сделал петлю из репшура и, накинув ее, пристегнул карабин. Оставалось прощелкнуть веревку... Нет! До сих пор мне не суждено было пострадать от собственной халатности. Психология страховки срабатывала безукоризненно и вовремя... По привычке опробовать любую опору, которой доверился жизнью, я пнул выступ, и он... отвалился...

Перед спуском хотел было снять рюкзак, с тем чтобы доставить его на веревке отдельно, но подумал: не ровен час, что угодно можно ожидать от этих взбесившихся гор, пусть лучше будет со мной. Борис Матвеевич меня поддержал.

Ледник. Вдох полной грудью. Кажется, пронесло. Теперь дома, уж отсюда как-нибудь доберемся.

Внизу, на морене, группа Володи Кавуненко наблюдает за нами в бинокль. Впрочем, я и без оптики их вижу неплохо: вон Кавуненко, рядом Володя Вербовой. Друзья на стреме, стало быть, жить можно спокойно.

Когда спадает напряжение, рюкзак тяжелеет и дает себя знать, особенно обостряется резь в плечах, спина горит, зудит, как от пролежней. Снова додумал: не снять ли хоть на несколько минут, пока Уткин на спуске? Но не стал - как пассажир, который всю дорогу стоял и уж не хочет садиться на освободившееся место, потому что осталось ехать одну остановку.

Сверху непрерывно идут камни: мелочь и крупные. Огромные «чемоданы», плавно поворачиваясь в воздухе, падают стремительно, с шипом и гудом и, влипнув в склон, как от взрыва, разбрызгиваются на мелкие части. Я нахожусь в безопасности, словно под козырьком, в нескольких метрах от подножия стены с отрицательным углом. Если сверху скинуть отвес, он упадет от меня на десяток шагов ниже. Траектория полета камней отклоняется от чистой вертикали еще метров на десять. Но видишь полет, видишь момент приземления, каждый раз знаешь, как это будет, и все-таки инстинктивно съеживаешься, вздрагиваешь, как от окрика.

Уткину этот обстрел и вовсе ни о чем - он на самой стене. Пока он готовится к спуску, я полулежу на льду, завалившись на рюкзак.

Воздух, насыщенный банной сыростью, так же сер, как и облысевший, точившийся водяной слизью лед. Из рантклюдта, что под стеной, метрах в пяти от меня струится парок. Его не видно — видна лишь «живая», шевелящаяся тень. Иногда камнепад на минуту затихает, горы становятся мирными, и от наступившей неподвижности тянет ко сну...

...Не было никакого предчувствия, никакого голоса интуиции, никаких внутренних «вещей» толчков... Уткин уже начал спуск и приближался к середине веревки... Грохот, треск, скрежет, словно столкнулись миры, расколочил пространство. Горы колыхнулись. Я подскочил и, кинув взгляд вверх, увидал...

...Метрах в пятистах надо мной неторопливо, поистине с каменным бесстрашием отваливалась скала — громада в полсотни шагов в поперечнике и столько же высотой, став на ребро, на мгновение задержалась, будто решала, куда податься - встать на место или рухнуть вниз? - потом, перевалив эту точку, с огромным ускорением ринулась на меня...

Удивительно: и теперь помню каждое свое движение, хотя в тот момент не помнил самого себя. Что происходило у меня в голове? Какая баталия сил страха, воли, самосохранения?

Шагах в пяти от меня рантклюдт — зазор между ледником и скалой. Лед, подогреваемый теплом горной породы, подтаивает и образует щель. Глубина ее может быть самая разная. Порою она доходит чуть ли не до ложа ледника.

О глубине рантклюдта я ничего не знал, поскольку спустился на лед с растроченным чувством любопытства. Приметил его исключительно по альпинистской 'привычке подмечать подробности рельефа. К концу восхождения все «эти горные чудеса приедаются настолько, что обращают на себя внимание не больше, чем собственная мебель в квартире.

Следовало предполагать, что он неглубокий. Во-первых, вряд ли здесь, на небольшой высоте, возможно мощное залегание льда. Во-вторых, стена нависающая и развернута к северо-западу, а потому сильно не нагревается — солнце здесь бывает недолго.

Но это предположение задним числом. Тогда едва ли я размышлял. У меня было два варианта: «принять на спину» смертоносную скалу или броситься в щель, имея при этом небольшие шансы на спасение.

Страшно ли было решиться на этот прыжок? Для переживаний времени не было. Словно на крыльях, я одолел разделявшие нас пять шагов и бросился вниз...

Пролетев несколько метров, я вдруг почувствовал резкое торможение, будто кто-то сверху вцепился в рюкзак и пытается удержать. Стены рантклюдта, как в скоростном лифте, внезапно замедлили свой роковой бег и остановились вовсе. Я ощутил сильный рывок и острую боль в плечах. Лямки рюкзака врезались в тело и угрожающе затрещали...

Все объяснилось просто: трещина на поверхности шириной немногим более метра книзу сильно сужалась. Тело мое еще проходило, а рюкзак — в полтора раза шире плеч — начал застревать в зауженной щели, пока не заклинился окончательно.

Остановка была своевременной. Под ногами рант-клюдт сузился настолько, что две ступни уже проходили с трудом. Еще полметра, и поломал бы ноги, разорвал их о рашпильную поверхность стены, наконец, заклинился бы так, что потом и вытащить бы не сумели.

В тот же момент где-то на поверхности громоподобно ухнуло, по рантклюдту заходило грохочущее эхо, и на меня обрушился ливень камней.

И снова рюкзак меня спас. Поджав голову к груди, закрыв ее руками, я еще несколько мгновений ожидал того единственного, предназначенного специально для меня куска породы, который вопреки ньютоновским законам пролетит особой заковыристой траекторией, обогнет рюкзак и обрушится мне на голову.

Наступила тишина. Но я боялся открыть глаза, перевести дыхание, хотя понимал, что опасность миновала.

В рантклюдте стало еще темней, чем прежде, отвратительно пахло серой. В щели заклинились десятки каменных пробок — на разных уровнях, разных размеров. Передо мной в нескольких сантиметрах от лица завал раздробленной породы, перемешанной с ледяным крошечком. Ледяная стена, изрытая, искореженная бомбардировкой, изобилует ямками, уступами. Теперь есть на что наступить ногой, за что уцепиться руками.

До поверхности метров семь-восемь... Рюкзак спасти не удастся - забитый в щель, засыпанный каменной породой, он и с места не сдвинется. Его теперь разве что взрывать... Достав из кармана нож, стал перелезать лямки, когда услышал над собой: «Володя! Володя! Шатаев!» - кричал Уткин. Я отозвался.

- Жив?!

- Порядок!

- Молодец! К веревке прицепиться сумеешь?

- Кидайте...

Борис Матвеевич, вспотевший, измученный, внезапно растерявшийся, обнимал меня, хлопал по спине и не мог ничего сказать, кроме как:

- Вот так да!.. Ну и ну!..

Я стоял пораженный открывшимся мне пейзажем: там, где несколько минут назад была гладкая, сравнительно ровная ледяная поверхность, лишь слегка засоренная камнепадом, царил хаос — нагромождение розоватых свеженаколотых глыб, рассыпанных на сотни квадратных метров. Меня знобило, колотило крупной безостановочной дрожью. Обессиленный, я со страхом думал, что придется двигаться сквозь этот выросший на пути лабиринт.

- Пошли, Володя, ждать некогда и нечего, - сказал неожиданно и не вовремя Уткин. Сказал, точно ткнул острием в дупло наболевшего зуба. В истеричном бешенстве я обругал его - злобно, ядовито и не по делу. Он сперва посмотрел добродушно и весело. Но лицо его вдруг стало строгим, глаза жесткими - понял, видимо, что сейчас нужно одернуть, морально подавить, подчинить собственной воле.

- Ну-ка без соплей! Я что, думаешь, в кино сидел, когда гора шлепнулась?! Ты бы лучше спросил, каково. мне было, когда она в меня «утюгами» стреляла?! Благо, что не достала, - успею я спуститься двумя метрами ниже, была бы мне крышка. Мы пробрались сквозь этот затор и, когда вышли, на чистое место, увидели метрах в трехстах от себя Кавуненко и Вербового. Они шли к нам на помощь. Впрочем, сейчас-то они как раз стояли на месте. И в очень странном положении.

А вышло так. Двигались с дистанцией примерно в десять шагов - впереди Кавуненко, сзади Вербовой, не ожидая, по крайней мере здесь, на достаточно безобидном леднике, каких-либо каверз. Внезапно раздался треск, и почти у самых ног Вербового... разверзлась ' , «земля» - ледяной пласт раскололся, образовав крупную, двухметровую в поперечнике трещину.

Мы увидели их в тот момент, когда Володя Вербовой, перебравшись к Кавуненко, надевал рюкзак. Заметив нас, Вербовой повел себя как Робинзон, разглядевший в море корабль, а Кавуненко, наоборот, словно окаменел.

- Мы ведь тебя похоронили... - сказал он, когда подошли. - Видели, как на тебя упала гора! С лагерем как раз связь была... Так и передали туда: Шатаев, дескать, погиб... -

Несколько секунд он молчал, глядя на меня изумленно, качая головой, и не удержался, чтобы не сострить: — Все же пришла гора к Магомету...

- Ну как горы? — спросил Вербовой.

- Не пойму... Землетрясение, что ли? - развел руками Уткин.

- Да так... Маленькое... в девять баллов...

- Девять баллов?! На Кавказе?!

В лагерь весть о сигнале бедствия мы принесли с опозданием - там уже знали. Знали больше - красные ракеты пустила группа Бориса Романова, которая находилась, видимо, в крайне тяжелом положении. По дороге к ним уже двигался большой спасательный отряд.

Вскоре на поляну спустилась наша двойка: Балашов - Радимов. К пострадавшим они не пробились из-за обильных камнепадов. А еще три часа спустя на вечернюю связь вышла спасательная команда. Руководитель сообщил, что путь, по которому шли, завел их в тупик - маршрута больше не существует, нужно спускаться и заходить с другой стороны.

Отдыхать нам не пришлось. Лагерь был поднят на ноги. Не умолкали радики, оповещая соседние альпинистские районы. Невзирая на поздний час, надвигавшиеся сумерки, в воздух поднялся вертолет и курсировал, стягивая к подножию Домбай-Ульгена восходителей с близлежащих базовых точек. По горным дорогам на недозволенных скоростях мчались автобусы, груженные альпинистами и спасательным снаряжением...

В начале третьего, когда рассвет лишь начал размывать черноту ночи, шестьсот восходителей тронулись в путь. История мирового альпинизма не знала подобного масштаба спасательных работ... Основная группа спасателей начала восхождение из ущелья Бу-Ульген и с огромным трудом, ежеминутно рискуя, вышла на заданный горизонт. За время подъема куски горной породы шесть раз перебивали веревки, и это понятно: такой обильный сход камней вызван был еще и количеством участников. Где-то справа от места выхода на значительном расстоянии находилась пострадавшая группа. Предстоял сложный, относительно протяженный, опасный траверс. Однако дело до него не дошло. В это же самое время передовой отряд под руководством Владимира Кавуненко, рискнув на подъем с другой стороны, отыскал и буквально пробил наиболее краткий путь, который вывел непосредственно к пострадавшим.

...Порою жизнь предстает перед нами фантастичней, чем иные, кажущиеся преувеличенными, недостоверными литературные коллизии. Мы стали свидетелями мужества, по сравнению с которым духовная сила лондоновских героев выглядит заурядно.

Романов и его товарищи - Ворожищев и Коротков — находились в тяжелом состоянии. Особенно пострадал Юрий Коротков — у него насчитали около двадцати переломов. Израненные, обессиленные, замурованные обломками скал, врачи Романов и Ворожищев с нечеловеческими усилиями расчищали путь, чтобы пробиться наружу. При этом они ни на минуту не оставляли Юрия Короткова и делали все возможное в тех условиях, чтобы поддержать его жизнь...

У Короткова не было, что называется, живого места - сплошная боль... Его транспортировали вниз, как понятно, не на санитарной машине с суперрессорами и не по гладкому асфальту... А спуск длился шесть дней! Что еще можно сказать? Что добавить? Только одно - он выстоял. Внизу врачи, осмотрев, сказали: «Инвалид на всю жизнь... если удастся спасти...»

Несколько лет спустя Юра Коротков совершил сложное восхождение 5Б категории трудности и получил звание мастера спорта, вписав еще одну главу в нескончаемую повесть о настоящих людях...

Категория трудности

Я уже говорил, что в момент моего «визита» в рантклюдт между группой Кавуненко и поляной была радиосвязь, которая принесла ложную весть о моей гибели. Весть эта с телефонной скоростью прибыла в Москву. Не знаю, как это случилось... Вероятно, кто-то звонил домой из поселка Домбай, что находится в двухстах метрах от лагеря, и поделился новостью.

Эля вернулась в Москву с неделю назад, оставив меня в лагере, как говорят, в расцвете сил и здоровья. По ее расчетам, я должен был вернуться вот-вот, буквально с минуты на минуту. На дверной звонок она бросилась открывать, ожидая увидеть меня. Но в дверях стоял незнакомый ей человек, который сообщил...

Разумеется, спорткомитет, куда она прибыла на другое утро, меня воскресил. Но пережитое осталось при ней... Остался след отчаяния – она пересмотрела, переосмыслила значимость нашего увлечения и сделала неминуемый в таких случаях вывод: зачем, кому нужны удовольствия, за которые приходится платить жизнью?

Дома, узнав о недоразумении, я ожидал отчаянного натиска, генеральной битвы, ультимативного требования отречься от альпинизма. Но этого не случилось...

Узнав всего лишь за какие-то сутки горе утраты и счастье «воскресения», Эльвира, поначалу, что называется, вцепилась руками и ногами в то, что так дорого и так легко потерять. Ожидая меня, она с утра до ночи репетировала предстоящий бой, проверяла на разные лады неотразимость аргументов, которыми станет меня убеждать. Но вскоре на все ее доводы стали находиться контрдоводы, те, то нельзя объяснить словами, что лежат не в логическом, а эмоциональном и недоступны воздействиям логики. А возникали они потому, что Эльвира по духу своему – именно по духу, а не технически – была уже законченной альпинисткой... Это с ней случилось быстро – закон душевного тяготения к горам работал в ней на полную силу.

Словом, получилось, что Эльвира дала бой самой себе и проиграла его...

* * *

Мы бродили с ней по ночным улицам. На выпуклом тугом асфальте блестками, словно весь он обрызган мелким стеклом, играет голубоватый свет фонарей. С гудливым упругим шуршанием мчатся автомобили. Ожидаемые из-за линии шоссе горизонты, по почему-то возникающие всегда внезапно, несутся устремлено, обгоняя друг друга просто. Без натуги, и так же ожидаемо, но внезапно исчезают в огромном сверкающем проеме

тоннеля. Есть в их движении однозначность, некое двуединство цели и действия – каждая квота действия в тот же миг приводит к цели, ибо действие здесь и есть цель... Есть особое захватывающее однообразие – сколько ни смотришь, не устаешь... Что-то каждый раз поражает глаз. Что? Поймал себя на том, что меня буквально гипнотизирует несокрушимый стык окружности колеса и касательной асфальта. Вечная точка касания... Красота, прочность идеального соответствия.

Почему меня оставляет равнодушным гармония форм автомобиля, яркость лака? И почему завораживает это натуральное обнаженное, примитивное, повседневно привычное соответствие? Видно, живет в человеке немалая по нему тоска... Ступня и асфальт соответствуют много меньше... Зачем на асфальте плоскость опоры, если, как видим, хватает и точки? Природа творит свои формы куда совершенней и точнее, чем человек, и если она дала ему вместо колеса ногу со ступней, то, видно, не для того, чтобы он ходил всю жизнь по гладкой поверхности. Это несоответствие, нарушение баланса...

Мы садимся в полупустой автобус. В проходе – невысокий худосочный парень в кожаной куртке нараспашку, с синюшным, угревым лицом и длинной прической под

дАртаньяна. Широко раскинув руки, он ухватился за оба поручня и нарочито небрежно висит на них, стараясь занять как можно больше места. В этой позе он, видно, кажется себе сильней, крупней, привлекательней. Ему охота быть заметным. И это настолько заметно и понятно, что мы с Элей переглядываемся и потихоньку смеёмся.

- Перед нами, Эля, - говорю я тоном гида, - конфликт несоответствия. Между личностью, осознающей свою огромную, просто бесконечную емкость – она способна впитать в себя мир, и тем, по факту, заурядным, незаметным, затерянным положением, в котором она находится.

- Зря смеёшься, - говорит Эля. – Я его не осуждаю. Он хочет чего-то стоять, чего-то значить. А главное – он хочет сознавать, что чего-то стоит, чего-то значит... Он ради этого, может, на что угодно пойдет...

- И в гору пойдет?

- Если умный, пойдет!..

Мне показалось, что сейчас удачный момент, чтобы сказать ей то, что уже не первый день вертится у меня на языке, но о чем не решался заговаривать, учитывая тот пережитый ею злосчастный день.

- Значит, я не дурак?! Тогда я дам согласие...

Она сразу почувствовала, что сейчас последует серьезное продолжение. Закусив губу, кинула на меня острый, тревожный взгляд и, сдерживаясь, растягивая каждое слово, тихо спросила:

- Какое согласие? На что?

- Мы хотим пойти на Ушбу...

У моих семейных приятелей было одно преимущество – они могли, так сказать, обмануть своих жен, усыпить их тревогу. Они могли убедить в том, что восхождение пустяковое, не представляет опасности. Эля была уже достаточно восходительски эрудирована, чтобы понять, что значит пойти на Ушбу. Она побледнела и ответила не сразу. Потом спросила:

- Кто «мы»?

- Володя Кавуненко, Володя Вербовой, Эдик Мысловский...

- Это очень лестно – оказаться в компании таких сильных, многообещающих альпинистов. Понимаю... И Ушба приспела – в большом альпинизме ее нее обойти... Только зачем он тебе, большой альпинизм?

- Эля...

- Ладно, не отвечай... Я и сама знаю, что разговор бесполезный – ничего не изменишь, не остановишь... Просто мне трудно, Володя.

- Эля... Это еще не все.

- Чувствую. Небось новый маршрут?

«Если бы так!» - подумал я.

- Нет. Мы хотим пойти на Ушбу зимой...

Несколько секунд она смотрела на меня так, словно лицо мое покрывалось шерстью прямо на ее глазах. Потом сказала:

- До этого еще никто не додумался! Сопляки...вообразившие себя титанами альпинизма. В первые разряды едва оделись...

- Это не имеет значения. Кстати, Кавуненко уж три года как мастер. Но не в этом дело. Нельзя всю жизнь жить с оглядкой на авторитеты. Альпинизм заштамповали. Все открыто, все пройдено... Люди порою дослуживаются до всех спортивных регалий, не сказав ни единого собственного слова. Альпинизм – это не просто шесть категорий трудности. Это прежде всего открытия. Это – дерзание.

В самом деле, кто мы такие? Что дает нам право на подобную дерзость? Безвестные перворазрядники, которым положено пробиваться в мастера проторенными, классическими путями... Как смеем перескакивать через класс и действовать в сфере, доступной лишь именитым мастерам?

Мы поклонялись именам, жили под спудом их авторитета. С подсознательной убежденностью, что их достижения – наша наивысшая цель, реализовать которую, возможно, удастся только в мечтах. Нам казалось, что мы еще не вышли на крайнюю полосу существующих ныне восходительских завоеваний, за которой простираются горизонты непройденного. Словом, в нас говорило еще ученичество.

Ушба и в самом деле «пик» класса технических восхождений. Воспользуюсь случаем, чтобы в скобках сказать несколько слов о «жанрах» нашего спорта. Альпинизм делится на четыре класса технически сложных восхождений – название говорит само за себя, добавлю только, что этот вид подразумевает восхождения на относительно невысокие вершины; класс высотно-технических восхождений, где скальная сложность маршрута сочетается с высотой; класс высотных восхождений, где главный фактор преодоления – высота; и, наконец, класс траверсов, подразумевающий прохождение нескольких вершин кряду. Кроме того, обособленно – теперь это вообще не называют альпинизмом – скалолазание. В нем спортсмены показывают чистую технику прохождения сложных скальных элементов, и сводится оно не к подъему на вершину, а к одолению трудной стены на лучший результат времени.

Альпинисты, конечно, могут посвящать себя какому-то одному из этих видов. Порою так и бывает – есть мастера спорта, возвращенные исключительно на одном лишь Кавказе. Ни разу не побывав на Памире, они работают только в классе технических восхождений. Но чаще всего альпинист многогранен. Даже если ему по душе, скажем, высотные восхождения, он все равно время от времени выступает и в других видах.

Ушба входит в весьма короткий перечень труднейших вершин планеты и венчает академическое мастерство восходителя. Но ее минус именно в том, что она слишком академична и популярна. Всякий альпинист, выходящий на дорогу большого спорта, непременно экзаменует себя на ушбинских вертикалях, ибо они стали традиционным пробным камнем, проверкой на виртуозность...

При всей суперсложности подъема, как правило, удаются. Я думаю, столь доброе имя эта каверзная гора сделала себе благодаря определенной психологии альпинистов. Слава Ушбы такова, что она, по сути дела, исключает случайные восхождения. Замахнуться на нее может только созревший для этого спортсмен. Малоопытный предпочтет скорее пик Коммунизма, поскольку трудности высоты для него штука незримая, не слишком понятная, а Ушба пугает глаз.

Повторяю, на нее претендуют только сильные спортсмены. Восхождение им удастся еще и потому, что для них это своего рода защита диссертации, которой предшествует длительная, кропотливая подготовка.

Да! На Ушбу уходят только сильные... И тем не менее она захожена, как вестибюли метро. Против этого-то, наверное, и взбунтовались наши души. В нас созревали уже претензии горнопроходцев-первооткрывателей — не хотелось быть ординарным и повторять уже столько раз повторенное...

«Зимой она недоступна!» — мысль, которая не вызывала дискуссий, проглатывалась как само собой разумеющаяся истина. Из всех препятствий и сложностей, встреченных нами во время ушбинской эпопеи, которая длилась два года и унесла жизнь одного из нас, труднее всего было задать себе вопрос: «Почему?» Дерзание, я думаю, высочайшая категория трудности. Задав себе этот вопрос, мы сделали самый ценный, самый сложный, самый смелый шаг...

Даже начало было необычным. Зима есть зима, хоть и на Кавказе: снега спустились вниз, застелили леса, выбелили горы до основания. Подходы к двурогой горе пришлось

преодолевать на равнинных лыжах. После шестичасового перехода мы были у Немецких ночевок – отправной точки восхождения.

Маршрут устрашает тем больше, чем выше задираешь голову, глядя на него снизу. А это, как понятно, зависит не только от высоты, сколько от угла подъема. Когда глаза бегут по склону нашей избранницы и доходят до наиболее высокой видимой точки, затылок буквально упирается в спину. Ее грозная «мимикрия» складывается еще и из того, что гора эта большей частью своей стоит обособлено, она не сливается с хребтом, не «растет» из него, а торчит, чуть отступя от своих соседей. И потому так хорошо видны все ее склоны, и потому так броска их крутизна.

Сейчас Ушба стояла унылая, обледенелая, белая по цвету, но серая по настроению. Мертвенность эта угнетала и сбивала наш восходительский азарт.

Мы избрали наиболее логичный, традиционный путь – с северной стороны – траверс северной и южной вершин. У меня был жетон номер четыреста пятьдесят. Не помню, у кого из нашей шестерки наименьший порядковый номер, но если даже предположить, что мой был последним, то это означало – до нас на Ушбе побывало 444 человека. Из них этой дорогой прошли более половины. Однако можно было вызубрить описание маршрута, как стихотворение, практически не получив, не узнав, что нас ожидает.

Зима меняет все. Как новая квартирная хозяйка создает интерьер на свой вкус. Символы, обозначавшие на карте лавиноопасные участки, не только ничего не стоили, но и, наоборот, дезориентировали - их теперь следовало передвинуть в другие, никому не известные места, при этом количество их сильно бы возросло. Она разрисовала маршрут новыми трещинами, снежными флагами, карнизами...

Что еще нас ожидало? Сорокаградусные морозы. Пронизывающие ветры, постоянство которых в непостоянстве: направление вне видимой логики меняется неожиданно, резко и порою крайне противоположно. Движение вслепую, на ощупь - скальные щели, трещинки, необходимые для вколачивания крючьев, забиты снегом, затянуты льдом. И другое - короткие зимние дни, которые ограничивали время работы и удлиняли срок восхождения. Это то немногое общеизвестное и обобщенное, что мы могли предположить. И еще мы предполагали, что больше будет такого, чего и в голову не может прийти.

И все-таки кое-что мы предусмотрели. Даже веник взяли, чтобы расчищать снег в поисках места для вколачивания крюка. А главное, мы с Кавуненко весь январь выезжали в Царицыно и лазили на башни без рукавиц - руки должны привыкнуть к морозу.

На маршрут вышли тремя двойками. В первой - Кавуненко и я, во второй - Эдуард Мысловский и Владимир Вербовой и в третьей - Леонид Поляков и Лев Добровольский. Руководил восхождением Кавуненко.

Рюкзак на этот раз побили всякие рекорды. Как ни экономили, как ни отбирали самое необходимое, как тщательно ни взвешивали продукты - буквально до грамма, - вес поклажи каждого из нас перевалил за два пуда. Это естественно - усиленный запас теплой одежды, страховочного снаряжения, продуктов - восхождение должно быть длительным.

- Ничего, - шутил Кавуненко, - прочнее в землю упираться будем.

«Скучный» Шхельдинский ледник скоро кончился. Зато стало «весело», когда вышли на ушбинский ледопад. Растрескавшаяся блекло-серая полоса в поперечнике около двухсот метров, зажатая меж скалами, уходила круто вверх и напоминала остов огромного животного. Глетчер грозно и непрерывно шумел - где-то рушились сераксы (ледяные столбы причудливой формы), скатывались, отрывались ледяные глыбы.

Ледник здесь, преодолев гигантский каменный порог, разламывается на перегибе и продолжает дальше колотиться, корежиться, стекая вниз по крутому обрывистому ложу,

Ледопад - классика ледового альпинизма. Нет ничего труднее прохождения этого горного рельефа. Порою за весь маршрут не встретишь такого количества трещин, как здесь. Нет никакой уверенности, что в момент, когда идешь по нему, не появится еще одна, а именно: между твоей левой и правой ногой.

Кавуненко шел первым. Из-за сильной крутизны двигаться приходилось все больше на четвереньках. Порою он напоминал сапера, который не делает шага до тех пор, пока не проверит место миноискателем. Он благоразумно старался обходить трещины, где возможно, и за нами оставался «заячий» след. К сожалению, миновать их удавалось не всегда – иные раскалывали ледник от края до края. Приходилось искать место поуже и, тщательно страхуясь, прыгать.

Кавуненко обходил серакс – мощный, будто отлитый из фаянса, сходящий на конус ледяной столб, рифленый вросшими в него сосульками и странно увенчанный полугоризонтальной плитой, похожей на козырек современных зданий. Серакс напоминал молоток. Обогнув его справа, он вышел под навес, остановился под самым краем и стал рубить ступень. Несколько раз Володя с опаской поглядывал наверх, предполагая ненадежность такой крыши. По-другому, однако, стать невозможно. Он торопился, с каждой секундой утверждаясь в своем предчувствии, и между следующими тремя ступенями увеличил обычную дистанцию, с тем чтобы подальше отойти от нависшей льдины. На четвертой он выпрямился во весь рост и облегченно вздохнул.

Я собрался было пройти отработанный им участок, но Володя крикнул: «Погоди!». Он пристально уставился на козырек, и тот... рухнул.

Мистика эта долго была предметом юмора. Кавуненко уверял нас в своей способности разрушать и созидать с помощью взгляда. Потом, когда ему надоело потешаться, признался, что испытал весьма неприятное чувство, заметив, что козырек надломился и держится на честном слове.

...Все имеет конец. Оказалось, что и ледопад тоже, хотя в это не верилось. Он вывел нас на Большое Ушбинское плато.

Глаз успокаивался на безмятежной белой равнине. 'Но мы знали, что эта вроде бы миротворная снежная гладь прячет опасность. Трещин немного, но трудно их распознать - замаскированы толщей снега.

Идти становилось труднее. Мы выложились на ледопаде и теперь шли на пределе сил. Рюкзак пригибал все ниже и ниже, ноги проваливались по колено. Через каждые пять-шесть шагов останавливался, чтобы перевести дух. Но неизвестно, что лучше: двигаться или стоять – термометр показывал 34 градуса, и здесь, на плато, разгуливал вольный

высотный ветер. Леденеть начинаешь тут стоит только остановиться. Сейчас я шел первым: Кавуненко пора было сменить – он прокладывал нам дорогу в самых сложных местах.

...Трудовой день закончился на Ушбинской подушке. Прямоугольный «стол» метров двести в длину и несколько десятков в ширину, покрытый чуть выпуклым снежно-фирновым слоем, стал местом нашей ночевки.

В описании маршрута сказано, что она, как правило, легкопроходимая – ветры сдувают свеженасыпанные снега и оставляют плотный, «укатанный» наст, идти по которому одно удовольствие. Но такое бывает летом. У зимы снега хватает, чтобы восстанавливать его с лихвой, как бы там ни старались ветры.

Подушку прошли, утопая в снегу, вытаптывая следы, и у подножия ледового склона отрыли пещеру. В горах давно уже стояла ночь, хотя стрелки показывали семь часов вечера. Это зима.

Ужин приготовил Володя Вербовой. И Кавуненко, уминая манную кашу с вареньем, лихорадочно, словно в бреду, бормотал ему комплименты.

- Ты, Вербовой, - говорил он, облизывая ложку, - захватчик, узурпатор... пленитель души моей... До гроба теперь с тобой не расстанусь! Слышишь, Шатаев?! Берем его в связку пожизненно... Я теперь без него даже на Средне-Русскую возвышенность не пойду...

- Ладно... Не купишь! Завтрак все равно будешь готовить сам. А уж если хотите класс кулинарии, в Москве приходите в гости... на плов... Под пиво...

- Холодно?! – ежась, спросил Мысловский. Примус хоть и нагнал в пещеру тепло и окоченевшие наши тела оттаяли, но память ощущений, обычно короткая, еще жила в нас.

Да нет... Я его, пожалуй, вскипячу...

- Нормальные люди сидят сейчас где-нибудь в баре, - заговорил Леня Поляков, - пиво потягивают...лещём заедают...

- И от скуки жизнь ругают, - перебил его Вербовой. – А ты... Погляди на себя в зеркало... У тебя ж на «вывеске» счастье от манной каши и горячего чая!

- Точно, Володя, - поддержал Кавуненко. – Бог дает людям манную кашу в награду за испытания. А за покорение зимней Ушбы добавляет варенье.

- Я думаю, Володя, в тон Кавуненко сказал Вербовой, - вернувшись домой, мы получим моральное право питаться одной манной кашей... По крайней мере, до первой зарплаты.

Меня почему-то кольнуло это Володино «вернувшись домой». Дружный смех вызвал в душе странный, беспричинный и короткий, как мгновение, суеверный протест: «Домой еще надо вернуться!». Не захотелось обсуждать и предложение Вербового: оставить в пещере небольшую часть продуктов. Хотя мысль его была правильной. Вообще, по замыслу, мы не должны были возвращаться обратно, ибо для полного траверса нам

полагалось спуститься с южной вершины в Сванетию. Но сванские склоны Ушбы лавиноопасны и летом. Зимой же, да еще при плохой погоде, риск многократно увеличивался. Стало быть, как минимум, пять шансов из десяти, что нам предстоит спуск по пути подъема. Если так, то Вербовой прав. Даже в случае спуска в Сванетию голодовка нам не грозит – ведь мы спустимся к людям.

Все это так. Но трезвость рассудка мне изменила. Не хотелось принимать участие в необходимом разумном обсуждении перспектив.

На другой день засветло мы уже были на ногах. Точнее, на «кошках». Крутой ледовый склон привел нас к скалам Настенко. Их считают не слишком сложными и по альпинистским понятиям безопасными... Но лет двадцать назад восходитель Настенко, решив покорить Ушбу в одиночку, сорвался именно здесь и погиб.

Скалы тянутся вверх метров на сто. Каждый забитый крюк - проблема. Ледовые трещины, покрытые снегом, отыскать порою не легче, чем белый гриб в лесу. Но даже обнаружив, обработав ее, определить на глаз, что она не «поганка», не всегда удается. Иногда вбитый крюк приходится извлекать обратно - слишком свободно сидит, нагружать опасно. Крюк надежен, когда он «поет», входя в тело скалы.

Однако здесь у нас все сложилось удачно, и мы одолели эти сто метров довольно быстро.

За скалами открывался грозный, но поражающий своей необычностью вид. Он завораживал настолько, что поначалу, забыв о своей восходительской задаче, мы не испытали ни малейшего чувства испуга, сделались только зрителями. Но на душе стало тревожно, когда пришли в себя и вспомнили, что все это надо пройти.

Ледовая доска протяженностью триста метров, ровная, отполированная, словно по ней прошла заливочная машина, могла бы стать отличным высокогорным катком, если положить ее горизонтально. Но теперь по ней кататься нельзя - можно только скатываться. Ее стеклянная прозрачность, казалось, позволяла рассмотреть глубокое, мертвенно-угрюмое нутро Ушбы.

Ясно, что без ступеней и крюков здесь ни шагу не сделаешь. Я все же попробовал пройти на «кошках». Но с равносильным успехом мог бы это сделать на мраморном полу - лед настолько крепкий, что «кошки» лишь царапали его.

Летом мы выбиваем ступеньку пятью-шестью ударами ледоруба. Сейчас каждая выемка для ноги обходилась в 22-25 ударов. Лед необычной, «зимней» структуры скалывался линзами. «Блюдца» разных калибров, мелкое крошево катились по склону с огромной скоростью, угрожая поранить тех, кто работал внизу. Они прикрывались рюкзаками, но незащищенные руки часто получали болезненные ушибы. То и дело попадались старые крюки, оставленные предыдущими восходителями. Жаль, что нельзя использовать... Они сидели в разболтанных гнездах и наглядно убеждали, что лед и в самом деле течет – вколоченные некогда перпендикулярно к склону, теперь они почти лежали, чуть ли не касаясь головками льда.

В шесть часов вечера мы с Кавуненко стояли в полутора метрах от предвершинного гребня. «Стояли», если этим словом можно обозначить позы людей, пристегнутых к крутым, чуть ли не отвесным скалам и упирившихся носками ботинок в едва намеченные

выступы. На самом гребне не смог бы удержаться даже канатоходец - настолько острый, что Володя, увидев его, сказал:

- Как бы рук не порезать...

Под нами немного ниже, на узкой полунаклонной полке, где можно разве что сесть, привязанные, как и мы, к крюкам, расположились Мысловский, Поляков и Добровольский.

В самом низу, где «доска» смыкалась со стеной, на последней ледовой ступеньке находился Володя Вербовой. Откинувшись назад, насколько позволяла привязь о из небольшого куска репшнура, он примерялся к подъему.

Погода порадовала нас еще утром - я вылез из пещеры и был приятно удивлен резким потеплением. Ртутный столбик на термометре забрался высоко и показывал минус десять. В течение дня он упорно тянулся вверх и к вечеру добрался до пяти.

Сейчас было пугающе тихо. Крупными хлопьями падал снег, медленно, плавно, как в театре на елочном представлении. День угасал. Но с нашего места еще хорошо виден пунктир, оставленный ледорубами. Он тянулся от Вербового до нижнего края «доски» - мы хорошо потрудились, чтобы искорректировать ее политуру...

Было тихо. И тишина эта длилась долго - весь вечер, и ночь, и следующий день... Она ничего не предвещала. И вовсе не была тем затишьем, про которое говорят, что оно перед бурей, - природа не собиралась нам строить каверзы. Но ей не дана абсолютная неподвижность. Она динамична. Все, что в ней есть, неизбежно меняет свое качество. В ней так много всего, что каждое мгновение где-то что-то непременно меняет качество... Этот камень пролежал здесь тысячелетия, но так случилось, что именно в этот момент истек срок одного его качества и наступило другое...

Камень лежал метрах в пятнадцати правее от нас и немного выше. Размерами и формой он был похож на коробку от подарочного торта с шоколадными зайцами. Он находился точно на одной вертикали с Володией Вербовым, и измерить ее можно было длиной альпинистской веревки...

Володя был в каске. Но мы заорали всем скопом во всю мощь своих глоток: «Камень!» Он поднял голову, и камень пришелся ему по лицу....

Несколько минут мы еще питали надежду. Но спустился Эдик Мысловский и увидел, что Володя мертв...

Было совсем темно и по-прежнему тихо. Мы с Кавуненко, насколько возможно, повернулись друг к другу спиной... Никто не проронил ни слова, не в силах нарушить это погребальное молчание гор... Только потом, спустя полчаса, неизвестно к кому обращаясь, Кавуненко хрипло спросил:

- Ты хорошо проверил? Может быть...

- Да, - ответил Мысловский снизу.

...О спуске и вообще о каком-либо передвижении теперь не стоило и думать - собственной руки не различишь. Все оставались на своих местах.

Положение тройки, что расположилась под нами, нелегкое. Жилплощадь позволяла им натянуть спальник только на ноги. Они так и сделали - не заботясь о судьбе пухового четырехспального мешка, надели его прямо на «кошки».

Но и это был сервис. Нам с Кавуненко об этом только мечталось. У нас не было и такой возможности.

Мучительно холодно. До боли в сердце мерзнут ноги, особенно правая. «Физзарядка» затаилась на всю ночь, до рассвета переминались с ноги на ногу, пританцовывали, подпрыгивали, насколько это возможно, хлопали себя по бокам. Но это мало помогало.

Примус лежал в моем рюкзаке. Нельзя сказать, чтобы я забыл о нем — просто считал его вещью, у которой в данный момент может быть только одно назначение: отяжелять мой груз. Но папу Карло, как известно, согревал иногда и нарисованный очаг, ибо холод, как и голод, очень способствует росту воображения. Сперва я вообразил горящий примус - просто так, отвлеченно. А после представил себе, как бы он выглядел здесь, на стене...

Было около часа ночи, когда мы с Кавуненко решили осуществить эту затею. Окоченевшие руки не слушались, и повозиться пришлось немало, пока установили, подвязали его к крюку, залили горючим. Сняв рукавицы, рисковали последним теплом - а если разжечь не удастся? Но нам повезло - примус горел.

...Утром несчастье стало снова наглядным... Он так и стоял, откинувшись на петле, развесив руки, запрокинув голову назад, словно наблюдал за нами.

Душу терзала мысль: если бы мы не крикнули это злосчастное «камень!», кусок породы попал бы по каске — она могла сохранить ему жизнь. Хотя сейчас, много лет спустя, оценивая обстоятельства более спокойно, думаю, что предвидеть такой поворот было невозможно... Однако мысль эта всегда при мне. И по сей день...

Связавшись по радиации с лагерем, мы сообщили о несчастье. Нам предложили спускаться, оставив труп на месте. Для снятия тела Вербового лагерь высылал группу спасателей. Однако...

Вопрос этот не обсуждался. Я не помню, чтобы кто-нибудь произнес хоть слово на этот счет. Решение было принято молчаливо и единодушно...

Мы снимали его со страховки осторожно, поддерживая сзади, чтобы не уронить. Он окоченел и не гнулся... Упаковали в мешок и потянули вниз... Это трудная работа даже для людей со свежими силами. Но мы находились в том состоянии физической отрешенности, когда силы берутся неизвестно откуда. Спуск провели четко, слаженно, аккуратно. Тяжелее всего пришлось на ушбинском ледопаде. Под ледопадом нас встретил спасательный отряд Шалико Маргиани и дальнейшую транспортировку тела взял на себя.

На этом кончилась первая и столь печальная часть покорения зимней Ушбы. Продолжение было в шестьдесят пятом году.

Летом 64-го года я совершил два серьезных сложных восхождения на Кавказе на вершины Далар и Двузубка (Аманауз), и выполнил норму мастера спорта. В тот же сезон состоялся мой первый выезд за границу, в Италию. В сборную команду СССР, кроме меня, входили: А. Каспин (руководитель), В. Кизель, А. Кузнецов В. Кавуненко, К. Клецко, Г. Аграновский. Домой мы вернулись с приятным осознанием, что на сложнейших альпийских вершинах остались наши записки.

Альпинисты мечтают покорять вершины гор не только в своей стране, они хотят знать и видеть все горы мира. Для иностранных альпинистов притягательной силой в СССР являются вершины: красавица Ушба, двуглавый Эльбрус, ледовая Шхара. Советские альпинисты хотели бы побывать в Альпах, о которых так много пишут в рекламных проспектах. Каждый альпинист мечтает покорить Пти-Дрю, Гранд-Капуцин, Гранд-Жорас, Монблан, Эйгер.

Под крылом самолета, как в калейдоскопе, мелькают города, пашни, горы. Вот и Милан. Встреча самая радушная. Отсюда автобус доставил нас в Аосту, горный район долины. Мысли всех наших альпинистов только об одном: какая погода ждет нас? Сентябрь верен себе, в Аосте морозящий дождь, а вершины покрыты снегом.

На следующий день нас пригласили на традиционный праздник долины - карнавальное шествие и торжественное вручение золотых медалей за верность горам.

Ежегодно 10 преданнейших отмечаются правительством. Мы увидели героев: 9- и 12-летних мальчика и девочку, которые, мужественно преодолевая все препятствия бездорожья, ходят ежедневно в школу за несколько километров от дома, 90-летнего загорелого старика, всю жизнь проведшего в горах, обрабатывая землю. «Он создает жизнь в горах, чтобы люди чувствовали себя хорошо и здесь», - говорит министр спорта. Награда вручается кузнецу 55 лет, делающему не только сельскохозяйственные орудия, но и сувениры.

7 сентября погода улучшилась, и мы в районе Курмаёр. Посетили фабрику альпинистского снаряжения для гидов и на экспорт. 7 человек на наших глазах делали аккуратные кошки, ледорубы, крючья. Мы подарили наши титановые крючья и карабин, которые нашли достойное место на стенде снаряжения. «Хорошие вещи сами переходят границу», - заметил Гривель, хозяин фабрики.

Посетили местный музей альпинистов. История 1900 г. оживает перед нами: сани, принадлежавшие полярной экспедиции герцога Аbruцского, памятник их верному другу лайке и загадка, не разгаданная до сих пор, - как погиб гид Феличко Оливери.

А через час мы на высоте 3000 м в комфортабельной хижине с баром, телевизором и традиционной «игрой в футбол» - опустил 50 лир и можешь забить 10 голов.

Заочно мы уже были знакомы с прохождением маршрута на Капуцин по фильму Марселя Ишака «Полуденные звезды». Тогда, сидя в зале, мы и не думали, что через четыре года выйдем на покорение именно этой стены.

Мы твердо решили совершить прохождение стены Гранд Капуцина, но гид Франко Гарда с сомнением смотрит на нас и качает головой: «Нет, нет! Это сложно. У нас мало времени, да и погода - свежий снег». И все же один из лучших гидов Италии, восхищающийся одиночками-восходителями, решил помочь нам. И подобрал «орешек» для тренировочного восхождения. Вот он, Зуб Великана (4014 м)! Мы смотрим на него из окна хижины и завидуем способности облаков

так легко облизывать его обелиск. Вновь и вновь любимся творением природы. Одновременно изучаем маршрут.

Вечер. Идет тщательный отбор снаряжения. Каждый грамм на отвесе будет чувствителен, поэтому так строги Кавуненко и Клецко. Еще и еще рассматриваем, взвешиваем, рассчитываем. Наверное, в шестой раз перекаладываем с места на место лесенки, веревки, крючья. А мы с Аграновским готовим питание.

Вышли только в 6 часов. Снежное плато и легкие скалы прошли одновременно. Голубое небо, в котором иногда проносятся пограничные швейцарские самолеты, совсем рядом над Гранд-Жорасом.

Первой связкой вышли два Володи - Кавуненко и Шатаев. Немного непривычно: впервые идем с двойной веревкой (совет гида). Первые сюрпризы — в стене забито много крючьев предыдущими восходителями, но лазание очень трудное, часто с применением висящих в воздухе лесенок. Настолько привыкли к попадающимся крючьям, что в одном из мест Кавуненко с уверенностью говорит: «Здесь под сосульками и льдом должен быть крюк». Удар молотка - и вот он. На вершине нас встретила мадонна, сооруженная из гипса, и гид из Швейцарии с клиентом. Это был Мишель, прошедший стену Эйгера одиночкой. Внизу на плато идут тренировки слаломистов, и часто наши оставшиеся товарищи слышали возгласы: «Рус на Зубе!»

Гарда доволен нашим прохождением маршрута и с вершины не раз показывал на север в сторону Монблана: «Капуцин! Один Капуцин - это четыре Зуба, но трудно, трудно».

На следующий день нас пригласили для совершения восхождения на Тоур Ронде примерно 2-й категории трудности. Довольно быстро, за два часа, мы были на вершине, с одновременной страховкой пройдя снежно-ледовый склон средней крутизны. Как потом сказали по секрету Кизелю, нас испытывали на «прочность» и как мы держимся на льду, а заодно хотели нам показать стену Капуцина с вершины.

Стена производит мрачное впечатление, кажется невозможным ее прохождение: карниз следует за карнизом, мест возможных ночевок не заметно.

Спускаемся с Тоур Ронде весьма осторожно, на льду вибрам держит плохо. И вновь подготовка. Наступил час, к которому стремились и о котором мечтали советские альпинисты, - прохождение знаменитых альпийских стен.

В Альпах маршруты делятся на шесть категорий, но маршруты с применением искусственных точек опор выходят за рамки данной классификации, и к ним применена особая форма градации: А-1, А-2, В-1, В-2, С-1, С-2.

Маршрут на вершину Гранд-Капуцин классифицирован как В-2, и по трудности преодоления он сложнее, чем классическая стена Пти-Дрю, но в два раза короче. Так нам объяснил Вальтер Бонатти, первовосходитель на эти вершины.

Вершина Гранд-Капуцин (Большой монах) высотой 3863 м расположена в одном из восточных отрогов вершины Монблан де Такюль (Французские Альпы).

Отвесная 500-метровая стена давно привлекала к себе внимание неприступностью и красотой. На вершину ведет всего один путь, который был пройден за четыре дня в 1951 г. двойкой альпинистов, Вальтером Бонатти и Лючиано Джигой. За последующие 13 лет маршрут пройден всего 18 различными группами, состоящими обычно из двух человек. Мы были первой группой в данном сезоне, вышедшей на стену, и первой четверкой, покоровшей ее.

10 сентября. От хижины «Рифуджино Торино» вышли в три часа утра. Нас провожают друзья,

а гиды, Гарда и Джамотто, помогают нам пройти лабиринты ледника Джигант перед подножием вершины. Свет фонариков выхватывает иногда причудливые формы льда. Вверх уходит крутой ледовый кулуар. Нам с Герой труднее всех, ибо у нас на двоих одна пара кошек. Просим Володю делать ступеньки побольше. Черной громадой нависает стена над нами. Около самих скал гиды пожелали нам успеха, взяли у нас кошки, ледорубы (обычно здесь их сбрасывают вниз) и скрылись в полутьме со словами «аривидерчи».

Володя Кавуненко начал подъем по внутреннему углу, гладкому, почти без зацепок. А вот и снежная полка, как оказалось, последнее место, где можно уверенно стоять. Пройдя плитообразную вогнутую стенку траверсом до нависающих скал, мы оказались в небольшом гроте. С этого места начинается самая сложная часть маршрута с почти повсеместным применением трехступенчатых лестниц. Подъем проходит по абсолютно отвесной стене, над которой нависает скальный карниз. Его преодоление отнимает много сил, а далее «площадка» — подразумевается место, на котором можно с трудом стоять двумя ногами, прижимаясь к стене. Дальше бесконечное множество внутренних углов, плит, вертикальных щелей. Утешало лишь то, что данный маршрут был уже пройден, о чем напоминали многочисленные забитые скальные крючья и деревянные клинья. Володя очень внимателен к ним: мы были первые, а за год многое изменилось, некоторые крючья свободно вынимались. Ввиду большого количества карнизов связки Кавуненко - Шатаев и Клецко - Аграновский шли на двойных веревках, что намного облегчило прохождение большей части участков стены. Но подводила нас наша «экономия»: у нас было всего лишь 45 карабинов.

Утром был неприятный диалог нашей связки с гидом: «Вторую веревку взяли?» - «Нет».- «Без нее вас не выпущу». И как он был прав!

Изредка внизу по леднику проходят двойки. Это альпинисты выходят на маршруты. Обычно западноевропейские альпинисты стремятся пройти маршруты за день - от хижины до хижины.

Борьба за скорость и время! Поэтому меньше берется с собой снаряжения, продовольствия, совершенно нет контроля за тем, куда и на сколько времени выходят группы, какое имеют снаряжение, могут ли по своей подготовке идти на данное восхождение. Результат такой «свободы» - 55 погибших и 150 пострадавших за 1964 г. только в районе Монблана.

Да, в нашей стране горы доступны каждому, было бы желание стать альпинистом. А здесь, в Италии, совершать восхождения имеют возможность наиболее обеспеченные люди. За все нужно платить: за снаряжение, проживание в хижине, услуги гида, подъемник и прочее.

Сидя на ночевке, мы грелись в мешках и пуховых куртках, хотя нам энергично советовали их не брать - ради веса.

Остановились на ночевку на наклонной плите 1 м × 20 см, где кое-как разместились. Здесь у Бонатти был второй бивак, где их застала гроза и разряд молнии обжег руки. Мы наблюдаем сверху за огнями хижины и делимся впечатлениями, вспоминаем наши горы, наши альпинистские базы и лагерь.

Вряд ли можно считать отдыхом проведенную ночь. Подвела нас и техника: мы не смогли согреть воды, газ категорически не давал нам своих калорий. Под утро пошел мокрый снег, но нас это не волновало, так как стена отвесная и снег на ней не держится.

Где-то выше расположилась двойка швейцарцев. Они обошли нас перед этой ночевкой, во многих местах идя без страховки и одновременно проходя карнизы по лестницам, имея, перед собой единственную цель - скорость, время.

Утром туман закрыл все вершины, изредка мелькают снежинки, а нам предстоит вновь преодолевать сложнейшие участки скал. Я возьму для примера участок 50-60 м скал: предельно

трудный трехметровый траверс приводит к внутреннему углу и далее к карнизу. Угол и карниз проходятся только при помощи лестниц. Затем выходим на выпуклую стену. Стена имеет узкую трещину, выводящую на отвесную растрескавшуюся скальную плиту. И вновь применение лесенок, местами очень трудное свободное лазание. Совсем рядом гремят раскаты грома. Подъемник с красными кабинами все время притягивает взгляд. Через Белую долину протянулись тросы с вершины на вершину. Зуб Гиганта одиноко торчит над облаками. Вниз смотреть неприятно: сброшенный камень летит, не задевая стены, до самого подножия. Кажется, основная трудность позади. Мы с Герой мечтаем скорее спрятать лестницы, крючья и покататься на подъемнике. Быстро темнеет, и в пяти метрах ниже вершины, под скальным рогом, мы устроились на сидячую ночевку. Рог начал светиться, а с его конца зеленоватыми лучами стекало с треском электричество. Вынешь руку из ниши - и она «одевается» в ореол. Все металлическое снаряжение давно внизу на веревке. Стало холодно. Волнуемся. Понимаем, что наши друзья вряд ли будут спать сегодня, тем более что во второй половине дня так и не смог увидеть нас Каспин в подзорную 50-кратную трубу.

Воскресное утро, и хорошая погода. Внизу видны светящиеся точки от фонариков; гадаем, на какую вершину направляются альпинисты. Огоньков становится все больше.

После сложного 60-метрового траверса по снежно-ледовой полке мы начали спуск по веревке к снежной перемычке между Гранд-Капуцином и Монблан де Такюль. Навстречу спешат Кизель и Джомотто.

Совсем немного - и мы на леднике. Радости нет границ. Наблюдаем за Вальтером Бонатти, ведущим клиентов на Малый Капуцин 6-й категории трудности. Вечером сам покоритель пожал каждому из нас руку: «За прохождение моего маршрута. Экстра!»

Часто слышны русские песни: это хозяин хижины заводит наши пластинки. За покорение Капуцина он дарит нам французское шампанское.

Вновь Аоста. Готовимся через день выехать в район Маттерхорна.

Зимний путь

Мы снова на Ушбинской подушке. У меня такое чувство, будто не выходили из пещеры, будто не было насыщенного, до предела уплотненного года. Однако и пещера не та, и даже состав группы другой. Из прошлогодней команды остались только мы с Кавуненко. Теперь с нами мастера спорта Борис Студенин из Алма-Аты, Владимир Безлюдный - москвич из «Труда», Виктор Тур из московского «Спартака» и москвич-перворазрядник Николай Радимов.

Мне сейчас кажется, будто еще не случилось того... что случилось, будто пережитый ужас нам предстоит... Я еще в Москве боялся этих психических рецидивов.

Нора, куда мы зарылись, оставила кровавые мозоли даже на наших привычных альпинистских руках. Мы выгрызали ее во льду и фирне. Ко всему она оказалась расколотой, как кожа семечка, - тело ее разделила надвое трещина шириной сантиметров пятнадцать. О глубине ничего не скажешь, кроме того, что звук от падающего предмета попросту не доходит. Мы обозвали ее «мусоропроводом» - кидали консервные банки, целлофан от продуктов, остатки еды... Но холодок в душе сохранялся, хоть и понятно, что трещина слишком узка, чтобы быть опасной.

Весь год я не расставался с мыслью об этой горе. Даже итальянская поездка не отвлекла от ушбинских дум. Последние дни подгонял канителью тянувшееся время, мечтая поскорее сесть в поезд Москва – Нальчик. Зимняя Ушба оставалась нерешенной проблемой и интриговала тем больше, чем больше росла уверенность, что решить ее нам по силам. Успех возможен там, где нет самообмана, где существует честный подход к делу. Мы честно себе сказали – несчастье случилось оттого, что подгоняли принципиально новые обстоятельства под старые мерки, применяли к зимнему маршруту стандартные, традиционные способы. Разве что усердие, особую тщательность, с которой мы применяли их, называть новизной?! Между тем зима поставила нас в качественно новые восходительские условия. В этих условиях вопрос безопасности нельзя решить только одним альпинистским искусством. Нужен метод. Нужна особая тактика безопасности.

...Всю ночь я провел в тягучей, кошмарной полудреме, а утром сказал Кавуненко:

- Мне Вербовой снился.

Он с удивлением посмотрел на меня и угрюмо ответил:

- Мне тоже.

Если она и впрямь существует - телепатическая связь, то у нас с Кавуненко она наверняка установлена. Это понятно - нет лучшей коммуникации, чем веревка. Во время движения общаемся молча. Разве что иногда кидаем два нужных слова: «Выдай» и «Выбери». Впрочем... Не знаю, можно ли разговаривать водителю за рулем, но альпинисту, как и саперу, за работой нельзя.

Погода отличная. Коля Радимов и Витя Тур вылезли из пещеры. Хорошая видимость позволила им рассмотреть оставшийся путь. Подробности - увы! - неутешительны. Ушба покрыта ледовым панцирем, от нее веет холодом, который душу морозит больше, чем тело.

За завтраком они нам сказали, что плохо себя чувствуют и дальше идти не смогут. Наверное, так и было.

Но будь это и не так, я все равно не стал бы их осуждать. Ибо трезвость неосуждаема. Трезвость - лучшее из человеческих качеств, хоть пижоны от романтики и относятся к ней свысока...

Будь это не так, я бы сказал: Радимов и Тур никого не ущепили, никого не подвели. Они прикинули свои силы и, соизмерив их с предстоящими трудностями, решили, что это им не годится.

Будь это не так, я бы сказал: они поступили честно и мужественно, ибо не боялись кухонных осуждений, вообще не заботились о том, что о них подумают. Они не стали насиловать свои души ради позы бесстрашных героев. Это и есть трезвость — лучшее из человеческих качеств.

Они пошли вниз, мы - вверх. Вернее, из тех, кто решил пробиваться к вершине, отправились пока только мы с Кавуненко. В этом и был смысл нашей новой

восходительской тактики. Я говорю «новой», хотя восходителям этот прием известен, в истории альпинизма он применялся. И все же мы не скопировали «велосипед», а изобрели его - перебрали десятки сложных, громоздких, трудноприменимых, неточных вариантов, пока не отобрали единственный, наилучший, оптимальный. Что поделаешь, если он оказался «велосипедом»?

Я говорю об этом подробно, потому что считаю обязанным подчеркнуть важный рубеж в жизни альпиниста: если его начинают заботить больше вопросы стратегии и тактики, чем техники, значит, к нему пришла восходительская зрелость.

Мы с Кавуненко отправились вверх, а связка Студенин - Безлюдный осталась на биваке. Метод заключался в том, что мы должны были обработать участок маршрута, включая ледовую доску, подготовить его к восхождению и вернуться вниз, с тем чтобы на другой день со свежими силами подойти к следующему участку. Тем самым, во-первых, не подвергалась опасности вторая двойка (я уже говорил, что из-под ледорубов верхней связки летят осколки, которые могут поранить нижних), во-вторых, мы работали налегке - рюкзаки остались в пещере - и, в-третьих, к наиболее сложному участку (предвершинному гребню), следовавшему за ледовой доской, подходили с приличным еще запасом сил.

Возникла, правда, некоторая этическая неувязка. Борис Студенин еще в лагере, когда обсуждался этот способ, сказал:

- Может, вы нас к вершине на санках потянете?

Но оба – и Студенин и Безлюдный – понимали: досадовать можно только на то, что они составляют не первую, а вторую связку. Ради общего успеха и безопасности приходится жертвовать самолюбием. Мы обещали им не вешать перила и оставлять за собой лишь крюки и ступени.

В тот день обработали двести метров доски. Лед сейчас еще крепче, чем в прошлом году. На ледовый крюк приходилось не менее 250 ударов молотка. В тот раз, прежде чем крюк входил по головку, мы колотили по нему около двухсот раз. Летом для этого достаточно 50-60 ударов.

Мы взяли с собой кусок красной материи и, чтобы отличить собственные крюки от чужих, маркировали их красными ленточками - они бросались в глаза еще издали. - На другой день мы отправились на два часа раньше второй связки и с соответственным интервалом вышли на гребень,

Двигались медленно, осторожно. Это можно сравнить с прохождением бума, который соорудили в двух километрах над землей, с той разницей, что гребень в отличие от горизонтального бума имеет наклон.

Когда-то меня удивляло: как это оркестранты, уткнувшись в ноты, умудряются видеть дирижерские руки? Уж не третий ли глаз у них на виске? Теперь я и сам стал обладателем этого височного зрения. Зрения, которое питается нервной энергией и пожирает ее без остатка.

Сейчас я крушу айсбайлем снежно-ледовое лезвие гребня, вбиваю страховочный крюк, глядя, естественно, на руки, но зорко слежу за партнером, который находится метрах в

пятнадцати от меня. Ни на секунду нельзя прервать эту визуальную связь. Если Кавуненко сорвется вправо, в то же мгновение я должен броситься влево. Не вовремя взятая нота в оркестре резанет любителям музыки слух. «Нота», не вовремя взятая мною, будет стоять нам жизни.

Гребень проходится медленно. То и дело попадаются распростерты, белые, как у чайки, нависающие над пропастью крылья - снежные карнизы. Увы, гарантийного паспорта на прочность к ним не дается. Каждый раз ждешь, что он уйдет у тебя из-под ног. Есть места, где по гребню идти и вовсе нет никакой возможности. Тогда мы спускаемся на несколько метров вниз и идем по стене. На высшую точку северной башни мы поднялись все вместе. Но это была только часть траверса, и радоваться рановато - нужно еще спуститься по южному склону, пройти перемышку и подняться на южную вершину. Погода испортилась - поднялся ветер, пошел снег.

Для любования панорамой нет ни времени, ни условий. Оставив записку, мы тут же спустились на перемышку, вырубили под склоном ледовую площадку и разбили бивак.

Альпинисты называют ушбинскую перемышку трубой. Даже в хорошую погоду по ней гуляют сильные, переменчивые, вихрящиеся ветры. В плохую здесь ад. Она мрачна, как темная подворотня. От одного взгляда на эту «архитектуру» ноги изменяют, как при первом прыжке с парашютом. Мне никогда не встречался гребень с такой уймой карнизов. Самые страшные из них - иксообразные - расходятся крыльями влево и вправо и напоминают верхнюю часть латинского «х». Они вставали перед нами иксами, игреками в уравнении со многими неизвестными. Не зная, где лучше, безопасней пройти их - слева или справа, - мы в конце концов шли наобум по предполагаемой середине. Но ложбинка меж крыльев может быть смещена от вертикальной оси гребня, правое крыло могло отрастать от левого или наоборот, и тогда достаточно малейшей нагрузки, чтобы весь этот икс рухнул.

Двести метров перемышки мы проходили пять часов и к середине дня без обеда и почти без отдыха приступили к штурму южной вершины. На ней тоже не отдохнешь - скальная стена взмывает градусов под шестьдесят.

Кавуненко прошел ее первым и, взойдя на вершину, выдохся. Казалось, в нем не осталось сил и для радости. Он стоял, навалившись грудью на ледоруб, низко опустив голову. Я заглянул ему в лицо. Но нет... На нем то откровение, которое пробивается в исключительные минуты редкого счастья. Глаза смеются детским наивным смехом, и совсем непривычно видеть его таким открытым и уязвимым.

Сейчас бы с полчаса передышки... Но здесь невозможно выстоять и лишней минуты. Ветер тянет длинную, непрерывную, все более повышающуюся ноту, словно поет ее на одном дыхании. Снег колет лицо так, будто буря не снежная, а песчаная. Единственная панорама - сплошное, точно кипящее, молоко.

Записку не нашли - тур утонул где-то в снегу. Володя, несмотря на усталость, не отказался от почетного права руководителя писать записку. Непослушной рукой накарябал несколько строчек. Положили бумажку в консервную банку, нарыли в снегу камней и воздвигли свой тур.

Непогода началась еще на северной вершине. Когда спустились с нее, ясно было, что путь в Сванетию для нас закрыт. Опасность схода лавин с этой стороны так велика, что траверс равносильен самоубийству. Приняв решение возвращаться по пути подъема, мы оставили рюкзаки в палатках и на перемышку пошли налегке. И вот теперь оказались в самом тягостном положении. Когда мы сошли с южной вершины, было девять часов вечера. Темно, хотя погода успокоилась и даже узкий серпик луны подсвечивал горы. Здесь бы и ночевать... Но как? Что подстелить, чем укрыться, как утеплиться?! Разве что ледоруб под голову, а молоток сверху... Все в рюкзаках. Хочешь не хочешь, а пробиваться нужно к палаткам. К ним ведет все та же тяжелая, усеянная карнизми двухсотметровка. Сейчас ее нужно пройти вслепую.

Кавуненко уже не мог лидировать, и мне пришлось взять эту роль на себя. Мы обсудили систему передвижения и решили так: я буду выходить на длину веревки, разыскивать подходящую площадку, готовить ее, организовывать страховку и принимать остальных. Потом разведка и подготовка следующих сорока метров, и снова прием и т. д.

...В правой руке ледоруб, в левой - фонарик. Я сижу верхом на острие перемышки и пытаюсь карманным фонариком осветить горы. За мною тянется веревка - я, должен повиснуть на ней, когда полечу в пропасть. Высвечиваю ближайший метр, прощупываю его со всех сторон ледорубом, высматриваю, нет ли крюка, который вколотили несколько часов назад. Всё увиденное, замеченное стараюсь выучить наизусть, поскольку для того, чтобы передвинуться, мне нужны свободные руки - стало быть, фонарь нужно убрать в карман, стало быть, нужно запомнить, где что находится. Так я двигаюсь метр за метром и удивляюсь необычной длине веревки - я всегда считал, что в ней сорок метров, а оказалось - километры и километры...

Я весь переполнен чувством страха... Наверное, такое же испытала бы собака, если бы знала, что с ее помощью выясняют вопрос: отравлена пища или нет? Но другого выхода нет. Кто-то должен взять на себя эту роль...

Наконец веревка уже на исходе, а места для приема группы все еще не найдено... Но гребень вдруг делает небольшой зигзаг - уходит чуть вправо и на метр вниз. Спускаюсь и чувствую, что можно встать ногами. Подходящее утолщение - если обработать ледорубом, получится пятачок... Танцевать будет трудно, но восемь ступней уместятся. Лишь бы это не был карниз. Но, кажется, непохоже... Теперь нужно организовать страховку - привычное, будничное дело. Я боюсь этой «привычности». Боюсь невольной внутренней отмашки, к которой человек особенно расположен, когда сильно устает, той, что прозвучит в невысказанном «ладно, сойдет!», допуска, что приведет к снижению гарантии. В таком деле единственно приемлемая цифра - «сто». «Девяносто девять» - преступление.

Луна, как назло, спряталась за облаком, и, похоже, надолго. С помощью фонаря отыскал выступ. Ледяной он или это камень, затекший льдом? В другое время, пнув пару раз ногой, я сказал бы: «Прочный!» - нет оснований не верить себе. Сейчас страшусь одного - не принять бы желаемое за действительное. Лучше, как говорят, подуть на холодное. Я отказался от выступа и решил вколотить крюк...

Проклятая темнота - я не плотник и работать молотком «наизусть» не умею. Получилось, однако, неплохо - из двухсот ударов только один пришелся по руке. Но этого хватило, чтобы луна за тучами вспыхнула солнцем...

Все готово. Конец работы, и начало игры на нервах. По моему сигналу от склона южной вершины отделяется тусклый глазок фонаря и хаотично мечется из стороны в сторону, по кругу, зигзагами. Временами надолго застывает или исчезает вообще. С виду непонятно - приближается или нет? Хотя я знаю, что приближается. Я стою с веревкой и, когда луч фонаря резко падает вниз, вцепляюсь в нее, буквально свернувшись в пружину в ожидании рывка. Но все в порядке — он снова выныривает и начинает свою пляску.

Наконец рядом со мной Борис Студенин. Потом так же медленно, мотая душу, подтягиваются Володя Безлюдный и Володя Кавуненко. Мороз за тридцать градусов. Но я не чувствую его даже в бездействии. Напротив, то и дело бросает в жар - психическая энергия срабатывает не хуже механической.

Все в сборе, и я снова выхожу вперед... Мне приходит в голову, что Эля сейчас не спит и думает обо мне. Ее ожидания не менее мучительны и напряженны, чем те, что испытываю я, принимая товарищей. Только проходят они в еще большей неизвестности и затянулись на многие дни. Я представил себя на ее месте и вдруг подумал: судя по всему, этой участи мне не избежать, может быть, совсем в недалеком будущем — уж очень быстро и добротнo осваивает она восходительское дело.

Порою человеческие испытания выглядят со стороны драматичнее, чем воспринимает их сам испытываемый. Сейчас, наверное, тот случай - у меня нет ощущения, что я на грани человеческих сил. Правда, кажется: ещё немного, и подойду к ней вплотную. Проходит «немного» и еще «немного», но грань то ли отодвигается, то ли я просто не знал, насколько она далека. И это незнание наиболее мучительно. Подобное чувство испытываешь в стоматологическом кресле, когда сверло бормашины доходит до нерва. Потом, когда разберешься, понимаешь: мучительна была не столько сама боль - ее можно терпеть, — сколько боязнь, что сейчас будет еще хуже. Словом, если подумать, невольно приходишь к мысли: негатив нашей жизни все больше идет от страха. Наверное, страх и есть тот самый гётевский Мефистофель. Счастлив тот, кто его победит. Но ведь мы и пришли сюда, чтобы черпать свое счастье. К чему же тогда вопрос: «Зачем вы ходите в горы?!»

Я боялся, что будет хуже, когда проходил вторую и третью веревки. А на четвертой и пятой при свете выглянувшей луны увидел, что до северной вершины рукой подать. И тогда стало ясно: самое трудное позади.

До сих пор ни на одном из пройденных маршрутов мне не пришлось перевалить эту грань, хотя, возможно, не раз подступал к ней вплотную. Думаю, оттого, что все мои восхождения были по силам, в пределах личных возможностей. Я ходил лишь там, где чувствовал, что могу.

Мне возражат: дескать, даже если знать свои силы, то неизвестно, сколько их понадобится, чтобы одолеть незнакомый подъем. Можно ли определить снизу, что по силам, а что нет? Можно и должно. В этом тоже смысл альпинистского опыта, интуиции. С каждым восхождением набивается глаз на визуальную оценку маршрута, с каждым восхождением приходят все более объективные знания своих физических и духовных сил. Истинную зрелость восходителя венчает именно то чутье, которое подсказывает, что по плечу, а что нет. А покуда он не обладает такой зрелостью, этот вопрос должны решать за него другие - в самом жестком, директивном порядке. Демократии здесь нет и не может

быть, ибо она в альпинизме безнравственна. Еще раз скажу: только такой альпинизм имеет право на существование.

Альпинистские правила, в разработке которых впоследствии мне довелось принимать участие, нацелены на то, чтобы, не выхолащивая остроту ощущений горно-восходительского риска, сделать этот вид спорта наименее опасным. Им, разумеется, далеко до идеальных, они пока еще не профилактируют все типичные случаи аварий и не могут служить залогом стопроцентной безаварийности. Но они непрерывно шлифуются нарастающим восходительским опытом. И коррекция их рождается не за канцелярскими столами, а на таких вот «перемычках».

Но, повторяю, правилам этим далеко до совершенства. И недостаток заключается еще и в том, что им не хватает жесткости в вопросе: кому что дозволено? Восходитель имеет право только на те восхождения, которые он может совершить с большим запасом прочности, - эта мысль отражена в правилах как одна из основных. И все же именно она-то и требует особого усиления. Ее-то и следует воплотить в еще более суровую и бескомпромиссную форму.

Я представил себя на Элином месте. А ее – на моем. И мне наперед стало жутко. Женщины все более и более узаконивают право на штурм этой вершины. Когда первая из них, получив разрешение, отправилась вверх, законодатели альпинизма сомневались в душе: правое ли это дело? С тех пор и по сей день на вершины Ушбы поднялись несколько женщин. Конечно, все они ходили в составе сильных и больших мужских групп. Но есть в этом опасная тенденция: женщины тоже привыкают к мысли, что Ушба – завершающая и необходимая ступень их альпинистского образования. Пройдет немного времени, и Эля вплотную приблизится к этому этапу «высшего образования» и ни за что не захочет от него отказаться... Я представил ее здесь, на перемычке, или на ушбинском ледопаде... Летом и то и другое, конечно, проще. Но все равно – разве в принципе это по женским силам?

К двум часам ночи перемычка осталась у нас за спиной. Пять веревок - пять часов. Потом еще пять часов бессонницы в палатке - устали настолько, что заснуть не смогли. Утром...

Утром рассмотрели «нарисованные» нами следы и ужаснулись: несколько часов назад нас спасло не иначе как чудо - одна из площадок, куда я принял ребят, оказалась карнизом... Судя по тому, как он утоптан, мы чувствовали себя на нем очень уверенно. И карниз-то с виду хилый - непонятно, как он выдержал нас четверых?!

Спуск прошел нормально, если не считать некоторого приключения с Володей Кавуненко. Во время небольшого траверса стены Кавуненко ушел за перегиб. Безлюдный выдавал ему веревку вслепую и чуть недовыдал. Нарушилась синхронность, и Кавуненко, как говорят альпинисты, одернулся. Но при хорошей страховке и собственном мастерстве он пролетел маятником метров десять и благополучно встал на ноги без единого ушиба, отделавшись, что называется, легким испугом. Но это рабочий момент. Всегда ожидаемая и статистически неизбежная издержка.

На этом кончилось покорение зимней Ушбы.

И я не могу не подчеркнуть исключительности этого восхождения. Прошло много лет, но наш «зимний путь» не повторен...

Моральный аспект теории вероятностей

Мне не спалось. Постукивание, покачивание – эта вагонная монотонность – не усыпляла. Напротив: бесили, как звук часов, усиленный бессонницей до ударов молота. Эля, должно быть, смотрела приятный сон – мелькавшие за окном фонари выхватывали ее улыбку. Она была счастлива, как бывает счастлив абитуриент, принятый в институт – предстоящие трудности его не тревожат, – Элю включили в группу для восхождения на пик Коммунизма. Сейчас ей казалось, что это самое главное...

В купе вместе с нами мастер спорта международного класса Эдуард Мысловский и посторонний седой учитель математики Борис Александрович – странный старик: слишком внимательный и слишком тактичный. Всякий раз, когда у нас затевались свои разговоры, он выходил из купе, а возвращаясь, стучал и спрашивал, не мешает ли? Наконец Эля сказала, дескать, секретов нет, напротив, общество его нам приятно. «Если так, – ответил сосед, – мне интересно будет послушать ваши альпинистские разговоры».

Борис Александрович, как сам он выразился, ехал в прошлое – в Оше живет его фронтовой друг. После войны 25 лет переписывались, но увидеться не пришлось. Теперь наконец появилась возможность.

Чувствуя, что не засну, я взял книжку и вышел в коридор. Минут через пять ко мне подошел Мысловский, а вслед за ним и сосед. Мы посмеялись нашей коллективной бессоннице, потом Борис Александрович задал естественный для него вопрос – длинный, как шекспировский монолог, и скорее утвердительный, чем вопрошающий.

- Я не спрашиваю, чем соблазняют горы, – сказал он. – Страсть необъяснима, но понятна. Игра на бегах, коллекционирование, путешествия, альпинизм – за всем стоит страсть. Если я не знаю вашей, то знаю свою. Разницы никакой, поскольку чувство одно и то же... Но мне неясно другое – почему эта страсть считается благородной, поощряется обществом? Почему оно позволяет рисковать жизнью без надобности? Вы молоды и недооцениваете жизнь, а я ее ценю саму по себе – к старости стало понятно: жизнь есть жизнь, даже если она, как говорят, ненасыщенна, ненаполненна и прочее. Это самооценная штука. Живи сам и дай жизнь другому – вот и все счастье, самое большое, самое полное. Я оценил жизнь саму по себе, четыре года не вылезал из-под пуль и снарядов и видел, как люди ее лишаются. Но то было нужно... ради жизни! А кому нужен альпинизм, кроме кучки заблудших, замороженных страстью людей? Вы думаете, а рационалист? Да нет, скорее поэт – ведь я математик. Обществу нужно, чтобы в личности сочеталось эмоциональное с рациональным. Но само оно должно быть рациональным. Да! Общество должно быть рациональным! Вот я и спрашиваю: почему же оно узаконило вашу страсть?..

- Все ясно, – перебил его Эдик, – Словом, какой от нас обществу толк? Словом, утилитарная сторона... Пришлось мне раз заниматься делом... В общем, когда ребятам о нем рассказал, те дружно смеялись – вот, мол, до чего дожил альпинист... Вы ведь в Сокольниках живете? Вот и хорошо... Как раз там, в парке, я и занимался этим – лазил по

деревьям и обрубал суки, ветки, верхушки сосен... Чтобы не наносили они травмы гуляющим пенсионерам. А кто еще это может сделать? Или мальчишек заставить лазить? Вот вам мелкий, но близкий вашему сердцу пример. А вот другой.

Как-то карабкался я на пик Коммунизма и вдруг на плато, на высоте около шести тысяч метров наткнулся на странную хижину. Чудаки в ней живут – некий Машков и компания. Входят в двери, ледорубы бросают, за скальпели хватаются. Мало того, что сами поднялись в эдакую высь, да еще живность в клетках с собой прихватили – кроликов, крыс, мышей: аппаратуру, приспособления, колбочки, пробирки... И всякой снеди невпроворот... Не знаю, едят ли чудаки что-нибудь сами, но эти божьи твари, которых тут не только по паре, целый день занимаются тем, что грызут. Может, вы думаете, все это притащили сюда вокзальные носильщики?

Или, скажем, геологи. Хорошие люди. Но туда, где ходят альпинисты, они ни ногой. Но поднимись геолог на наши высоты, найдет здесь и руды, и минералы, и драгоценные камни, и хрусталь – здесь всего хватает.

Ни одна стройка в горах без нас не обходится. Спросите у Володи – он у нас начальство, - сколько восходителей на Нурекской ГЭС? Он скажет вам: «Много, но их все-таки не хватает».

Мысловский вел себя так, словно поймал мальчишку, который обрызгал его из лужи, и, схватив за ухо, учил вежливости. А меня разбирал смех.

- Ну вот, - продолжал Мысловский, - А пограничники говорят: «закреть» альпинизм все равно что открыть границы – шпионы обучатся восхождению и попрут через горы. Мне приходилось обучать пограничников нашему искусству. Кстати, высадка парашютистов в горах – штука вовсе не скомпрометированная, даже если и случались иногда неудачные опыты. На Большое Памирское фирновое плато ребята приземлялись словно на аэродромное поле. Конечно, со специально планируемыми парашютами. Понятно, прыгать на вершины, на гребни – самоубийство. Но в верховьях любого ущелья всегда можно найти снежное плато – и немалое, куда может сесть парашютист вполне безопасно. А дело это нужное, скажем, в оборонном смысле. Или, например, спасательные работы. Представьте, что космический корабль приземлился в горах. Космонавтам нужна немедленная помощь. Без нашего брата – альпиниста-парашютиста – не обойтись... Вы про сель слышали?

- Сель? – начал Борис Александрович. – Это...

- Это когда высокогорное озеро пробивает стенку «чаши», в которой находится, и устремляется вниз. По дороге все, что попадается, тянет с собой: камни, деревья, целые слои почвы срывает и вниз приходит в виде кашеобразной массы. Так вот, эта страшная лава двигалась в сторону города, но заткнулась на барьеры, заранее поставленные людьми, и остановилась. Это альпинисты помогли ученым прогнозировать время возможного селя. Это с помощью альпинистов соорудились преграды на его пути.

- Убедили. – Поднял руки сосед. – Действительно, простая истина – раз есть на земле горы, значит, кто-то должен уметь по ним лазить... Не подумал – уж очень далек от вашего дела.

- А вы, кстати, не слышали, что во время войны альпинисты покрыли чехлом адмиралтейскую иглу в Ленинграде?

- Вы за альпинизм, как за любимую женщину. Это тоже убеждает. Поздно, а то пошел бы...

- И еще одно... - сказал Володя. - Как бы сказать покороче?.. Словом, я думаю, что альпинизм – это инъекция мужества для всей нации...

Борис Александрович докурив сигарету и отправился спать. Я опустил оконную раму. В вагон шумно ворвался теплый, южный ветер. Мысловский засмеялся.

- Горами пахнет, - сказал он. – Завтра будем гулять по Ошу. На базар сходим... Дыню купим... Помнишь 68-й год? Какую дыню мы с тобой справили? Едва вдвоем дотащили.

- Вспоминаю. С дурманом дыня... Ты от нее одурел и на стенку полез... Как отец Федор – в два счета на верхушке оказался и не понял как.

- Дежурная шутка, - огрызнулся Эдик. – Ты еще в 68-м году примерно так же острил, а нынче 71-й. Пустое дело ладишь. Уж третий год... Победителей хочешь осудить, а их известно, не судят.

- Сам знаешь, не о том речь... В войну, говорят, случай был. Человек выпрыгнул з горящего самолета без парашюта. По дороге распахнул телогрейку и спланировал на ней, как на крыльях. Сел в лесу на крону дерева – поранился, но остался жив. Так, может, стоит ввести такой спорт – на телогрейках планировать?

Сейчас я ехал на Памир, чтобы в третий раз подняться на пик Коммунизма. Второе восхождение было в 68-м году маршрутом шестой категории трудности. Это было интересное и сложное восхождение, и прошло оно без сучка и задоринки. Только у подножия этой горы экспедиция наша стала, как говорят, на развилке трех дорог. Об одной из них традиционный сказочный камень мог оповестить: «Пойдешь прямо — смерть найдешь».

Это была почти вертикальная многокилометровая стена с набором всевозможных технических сложностей. В Альпах и на Кавказе такие встречаются. Но они вдвое короче, и нет там свирепой, изнурительной высоты. Однако это еще не повод, чтобы перечеркнуть маршрут как объект восхождений. Будь только это, его полагалось бы счесть альпинистской проблемой, к решению которой нужно стремиться. Речь о другом.

Мы подошли сюда часам к двенадцати дня. Жарило полуденное солнце. На небе ни облачка. Воздух горячий, неподвижный. Но тишины нет. Камни шли, как с древней крепости во время осады, непрерывным потоком.

Часам к четырем сошел крупный обвал. Но к вечеру стало стихать, и после семи, когда солнце ушло и наверху подморозило, камнепад почти прекратился. Лишь изредка где-то грохнет булыжник. Тихо было всю ночь и утро. С одиннадцати началось все сначала и до семи. И так здесь всегда.

Стена, однако, многообещающая и соблазнительная - за нею звания, дипломы, медали.

- Не пойму, как могли узаконить такой маршрут?! - сказал мне Геннадий Карлов.

- Сам удивляюсь... Подошел Мысловский:

- Я думаю подниматься по стене. Как вы на это смотрите?

- У меня двое детей, — ответил Карлов.

- А ты как, Володя?

- Я в горы не за смертью хожу. Наоборот, чтобы жизнь веселее была.

- Как хотите. Желающие найдутся.

Желающие нашлись. Группа альпинистов во главе с Мысловским отправилась по стене. Они избрали единственно возможную тактику: выходили с рассветом, отрабатывали участок, навешивали перила и до одиннадцати, когда солнце отогревало связанные морозом камнеопасные места, спускались вниз, уходили из-под стены. Главное, не находиться под стеной. Даже на ней безопасней - камни перелетают. Мы пошли другим маршрутом. И он нелегко - как ! и первый, оценивается высшей, шестой, категорией трудности, но... :

Разумеется, говорить о безопасности не приходится, если речь идет об альпинизме. Хотя искусство наше растет, углубляется по двум генеральным линиям - технического усложнения и безопасности. Чем больше эти параметры, тем выше его престиж.

С первым все ясно. Поговорим о втором.

Допустим, это в наших силах: сделать любое восхождение не более опасным, чем поездка в трамвае. Что тогда останется от альпинизма? И что означает выражение «безопасный альпинизм»? По-моему, это бессмыслица. Все равно как из молекулы воды убрать один из ее компонентов и оставшееся по-прежнему называть водой. Но как сочетать такой взгляд с главной восходительской проблемой: поиск оптимальной безопасности?

Противоречия здесь нет. Мы не можем «изъять» лавины, остановить камнепады, задержать обвалы, залатать трещины, «выключить» гравитацию, равномерно насытить воздухом атмосферу, выровнять атмосферное давление. Все это объективные вещи, которые создают для восходителя столь же объективную опасность. На том и стоит горевосхождение. Не будь этого, следовало говорить не «альпинист», а «горный пешеход». Повторю уже сказанное раньше: искусство альпиниста в том, чтобы обходить опасности, противоборствовать им, обезвреживать их с помощью сноровки и примитивного неавтоматизированного снаряжения - ледоруба, молотка, крюка, веревки. Последнее необходимо, поскольку у альпинизма, кроме утилитарного смысла, есть еще и философский, этический, психологический. Именно так. Ибо что же еще называть философией, как не стремление чело-. века познать самого себя? Понять смысл истинных ценностей — ведь сверху становится виднее, что есть хорошо, а что плохо, что на самом деле важно, а что лишь кажущаяся важной ерунда и что часть, а что целое?.. Кроме того, дело наше представляется мне своеобразной испытательной службой. И горы - тот полигон или, если хотите, некая лаборатория, где созданы условия, чтобы испытывать и

отбирать оптимальные формы человеческих взаимоотношений; выяснять наиболее жизнеспособные нормы морали и нравственности; проверять, как уживается сила со слабостью и сильный со слабым, что есть истинная сила и что слабость. (Разумеется, на равнине такой эксперимент ставит сама жизнь. И над всем человечеством. Но горы отвечают на все эти вопросы более точно и убедительно.) Здесь с помощью маленькой группы людей можно удостовериться и доказать несогласным, что наиболее полезный и выгодный принцип общежития есть гуманизм. Наконец, ничто так не убеждает, как альпинизм, в том, что хлеб духовный для человека не менее важен, чем хлеб физический.

О психологическом смысле альпинизма здесь уже говорилось. Добавлю только, что поведение человека в тяжких условиях восхождений представляет для психолога неопределимый интерес. Но продолжу свою мысль.

Отцы альпинизма в поисках наивысшей безопасности не боятся, что когда-нибудь доведут ее до идеала, обеспечат восходителю стопроцентную гарантию целости и невредимости и тем самым выхолостят из этого спорта важнейший смысл. Они знают: каких бы успехов ни добились на этом поприще, риска у восходителя останется с лихвой. Если даже располовинить оставшийся, то и тогда альпинист не лишится желанной остроты ощущений. Однако...

Даже война возможна лишь в том случае, когда есть некий вероятностный минимум выживания. Альпинизм станет безнравственным, если допустит даже те восхождения, где шансы выжить сравниваются с обратными. Нет, пятьдесят на пятьдесят — аморальная пропорция. Вероятность выживания должна, так сказать, подавляюще превосходить. Да, у теории вероятностей есть свой моральный аспект. Она может служить неким аппаратом установления нравственных норм.

Могут спросить: как можно определить точную норму безопасности того или иного маршрута? Точно нельзя, примерно можно. На то и опыт. И штука эта гораздо менее спорна, чем кажется. Скажем, оценка маршрутов по категориям согласуется, как правило, без особых разногласий и осложнений.

Впоследствии экспедиция из Челябинска после долгого наблюдения за этой стеной дала заключение в официальном отчете: «Выжить — один шанс из тысячи». Сказано, конечно, фигурально и потому сильно преувеличенно. Но тогда, глядя на этот маршрут, я видел: шансы уцелеть слишком малы.

В начале этой книги я говорил, что если и существует суперменское бесстрашие, то нам, восходителям, оно незнакомо. Альпинист знает страх - он человек. Но в нем живет другое чувство. Если перефразировать пословицу, то можно сказать: глаза страшатся, а душа тянется. Непонятная, необъяснимая сила тянет его, гипнотизирует, как удав кролика. Неумный азарт, похожий на азарт игрока, толкает на преодоление опасности. Риск дает полноту ощущения жизни. Я уже заметил, что страх бывает разный. Не только в количественном смысле - больший или меньший, - но и по своему качеству. Бывает страх с панической окраской, а бывает другой - «сладкий» страх.

Меня тянуло на эту стену. Я хорошо понимал Эдика Мысловского и его товарищей. Но если бы я поддался искушению, то повел бы себя вразрез с принципами, которые отстаивал часто, повсюду и, может быть, даже назойливо, ибо, не говоря о внутренних убеждениях, просто по своему служебному положению обязан сдерживать эту

альпинистскую тягу к риску, следить за правильным формированием восходительской психики. Кроме того, думаю, что каждый восходитель должен заботиться о морально-нравственной чистоте альпинизма, как говорят, блюсти его честь. Она будет запятнана, если за нами потянется печальная слава смертников...

Не хочу, не могу и нет никаких оснований упрекать Мысловского - выдающегося, талантливое горвосходителя, одного из лидеров нынешнего альпинизма - в спортивной безнравственности. Наши с ним взгляды на сей счет, как и взгляды -большинства наших товарищей, не расходятся. Он пошел этим маршрутом, потому что твердо верил в избранную им тактику. Он считал, что подобная тактика придает стене как бы новое качество - она в этом случае становится смиренной и невинной. И в доказательство своей правоты привел самый веский, неоспоримый аргумент - с группой товарищей совершил блестящее, умное, красивое, безаварийное восхождение на вершину пика Коммунизма по этой стене.

Однако мое принципиальное отношение к этому пути не изменилось. По-прежнему считаю, что достижение связано гораздо больше с талантом и удачливостью восходителей, чем с доступностью маршрута.

Может случиться, что ночная температура лишь слегка прихватит осколки породы. Тогда на отогрев камней понадобится меньше времени. Тогда камнепад начнется не в одиннадцать, а, скажем, в десять или того раньше. Но допустим, все это можно предусмотреть и уходить со стены с запасом времени. Зато никак нельзя предотвратить всевозможные случаи задержки: кто-то заболел, получил травму, резко снизилась видимость... Мало ли что может случиться в горах?! Вероятность такой пустяковой задержки да еще на сложнейшем маршруте так велика, что со временем - и небольшим - становится почти неизбежностью. И тем она, вероятность, больше, чем длиннее общий срок восхождения, чем больше выходов на стену. Если преодоление стены длится, скажем, не десять, а пятнадцать дней, то шансы задержки возрастают в полтора раза, а опоздание смерти подобно. Потому-то я и говорю: только выдающееся мастерство, сноровка группы и счастливое везение принесли им успех. Но малейший недобор того и другого может привести к трагедии. Я думаю, было бы хорошо собраться, как говорят, за «круглым столом» и поговорить о правомерности таких маршрутов.

Это я и доказывал Мысловскому.

Что касается общих итогов экспедиции, то без всякой натяжки могу назвать их отличными. Группа Мысловского, как уже сказано, достигла вершины, пройдя по проблемной стене. Я руководил группой (Игорь Роцин, Геннадий Карлов, Николай Алхутов), которая поднялась на пик Коммунизма сложнейшим маршрутом: за всю историю альпинизма он был пройден только однажды - десять лет назад командой Кирилла Кузьмина. Кроме того, в этом районе мы совершили первопрохождение на пик Правды (категория трудности 5Б).

Мы увлеклись спором и не слышали, как из купе вышла Эля. Она незаметно подкралась, выдала по щелчку на затылок и проговорила:

- Что, полуночники, опять на стену полезли?! Поберегите силы...

- Зачем? – сказал Эдик. - Я на пик Коммунизма не собираюсь, а для Шатаева он теперь все равно что родная улица. Правда, ему предстоит особое – семейное восхождение. Для такого дела силенка нужна...

- Чтоб меня на руках нести?

- И в мыслях такого не было...

- Твердолобые вы, мужики, консервативные, самоуверенные, - не слушая Мысловского, заговорила Эльвира. – Ничто вас не убеждает. Живете по принципу: если факты против вас, значит, факты неправильные. А тактичность ваша к женщине сводится к комплиентам по поводу глазок...

- За что? – со смехом взмолился Эдик. – Ничего похожего не имел в виду...

- Мне вон Шатаев сказал, - продолжала она, - не рассчитывай, мол, на особое положение в группе, группа дескать, на тебя работать не будет... Будто я рассчитывала. Он же знает – умирать буду, а рюкзака своего не отдам, на килограмм меньше не соглашусь нести...

- Очень вы мнительны, женщины, - ответил я. – Вам все кажется, что личность в вас недооценивают. Личность ценим, но заодно и реальные силы учитываем...

- Ладно... Будет все хорошо, на следующий год соберем женскую группу, пойдем на семитысячник. Покажем, что обходимся и без вас.

Она доказала свою правоту. Не в целом – в частности, касательно самой себя. Доказала, не дожидаясь 72-го года, меньше чем через месяц.

Погоня за «снежным барсом»

Я прибыл в лагерь и первым делом заболел ангиной. Не помню, где и как простудил горло, но знаю, что эта вот «утечка осторожности» - главная причина. Протекала ангина остро - несколько дней лежал с высокой температурой. И хотя сыграла роль той самой отвлекающей «колотушки», на склоны пика Коммунизма я вышел сильно ослабленным.

Я руковожу восхождением, но иду в хвосте. Неловко, но ничего не поделаешь. Сначала двинулся по привычке первым, вытоптал сотню шагов, но понял, что не по силам. Ребята заметили - предложили идти сзади. Они правы: группе это невыгодно — переоценка сил одним из участников может сорвать восхождение.

Еще правильней было бы выйти двумя-тремя днями позже. Этого мне бы хватило, чтоб прийти в себя. Прогноз позволял. Не позволяло другое: один из участников торопился на чемпионат СССР на Кавказе. Будем его называть Петром Петренко. Альпинист крепкий, один из сильнейших наших спортсменов. До звания «Снежный барс» ему не хватало последней вершины - пика Коммунизма. (Этот восходительский титул дается тем, кто покорил все четыре семитысячника страны: пик Корженевской, пик Ленина, пик Победы

и пик Коммунизма). Нынешнее восхождение принесет ему почетное звание. Я радовался, что подобралась сильная группа: большинство участников - ведущие мастера альпинизма.

Времени до чемпионата оставалось немного, поэтому ради Петренко был составлен весьма жесткий график подъема и спуска. За четыре дня полагалось нам выйти к вершине маршрутом: с ледника Фортамбек на ребро Буревестника, далее по Большому Памирскому фирновому плато к Большому барьеру (6900 метров), затем по западному склону вершины.

Ад... Почему его представляют темным, бурлящим, клокочущим? Я его видел. Он идеально белый, идеально тихий, идеально застывший. Над ним идеально синее небо с идеально недвижным, висящим, злым, жарящим солнцем. Вся эта идеальность и есть ад. Он вовсе не подземелье - он в виде цирка, в виде глубокой вогнутой чаши.

Ад - это гнетущая однородность. Он манит своей идеальностью и незаметно, но быстро выматывает, доводит до обморочной усталости неподвижностью, беззвучием, одноцветностью - не на чем задержать глаза, не к чему прислушаться, нечего ощутить, кроме равномерно жгущего солнца. Когда нет ничего, кроме идеальной, растянутой на весь мир белизны, тишины, стылости... Чтобы испытать адовы муки, надо пробыть здесь не более часа...

Мы спустились на дно такой чаши - диаметром метров в сто — и через двадцать минут обессилели. Нужно скорее уходить, а ноги не слушаются — хочется лечь и закрыть глаза... Рассудок все-таки крепче тела. Он как сучок, на котором пила тормозится... Он еще в состоянии подчинить себе тело. Вяло, с усилием переставляя ноги, мы покидаем впадину...

Теперь я иду и радуюсь: хорошо, что есть ветер, есть грохот, что скалы невзрачно-серые, что, кроме отлогих склонов, есть сильная крутизна, смертоносные пропасти, трещины, лавины и камнепады, что все это пересекает наш путь, попадает слева и справа.

Мы идем быстро - нужно спешить. График велит нам к вечеру успеть на фирновое плато и здесь, преодолев тяжелый путь по глубокому снегу, подойти к пещерам. Иначе Петренко опоздает на чемпионат.

Но странно - он почему-то торопится меньше всех... Все время плетется сзади, ступая по отработанным, хорошо утопанным следам. Как-то не вяжется это левофланговое положение с его могучей, широкоплечей, огромного роста фигурой. Впереди почти бесшумно пробивает дорогу Игорь Роцин. Лишь иногда в меру своих возможностей его подменяет Валя Гракович.

Длинной, растянутой цепочкой команда движется вверх. Меняются рельефы - взлеты, впадины, «жандармы», кулуары... Вертикаль возрастает сотня за сотней, а впереди по-прежнему Роцин. За ним Валентин Гракович из Минска, Эльвира Шатаева, я, Василий Ковтун и Александр Фомин из Киева, Георгий Корепанов - ленинградец. Цепочку замыкает Петренко...

Когда я остановил группу и сказал, что Роцина надо сменить, все посмотрели на Петренко. Но он оставался безукоризненно вежливым, уступая дорогу другим, и молчал,

боясь, вероятно, перебить чужую инициативу. Эльвира, тоже ни слова не говоря, вышла вперед. Теперь в колонне соблюдался «зеркальный» ранжир: впереди самая маленькая - Эля, сзади самый крупный - Петренко. Она отработала не менее сотни шагов, когда Валя Гракович окончательно убедился, что это тот удивительный в альпинистской среде случай, где моральные стимулы не работают, и вышел ее подменить...

У пика Парашютистов, на высоте 5800, где началось плато, Петренко и Ковтун остановились, извлекли из мешка палатку и стали готовить ночлег. По плану ночевка предполагалась в пещерах, расположенных примерно посередине этой горной равнины. До них еще несколько километров ходу. Это было совсем уж непонятно: опаздывает Петренко - нам спешить некуда...

Я вдруг подумал: мы несправедливы к нему - при чем здесь мышцы и вес?! Высота может скрутить и самого Илью Муромца. Просто он чувствует, что до пещер не дотянет, хотя виду не подает, держится хорошо.

Я поделился с Эльвирой. Она иронично улыбнулась и, не ответив мне, сказала громко для всех:

- По-моему, надо хоть попытаться выполнить свой же план. Ведь мы не новички - знали свои силы, когда намечали. Палатки всегда успеем поставить.

- Я снова пойду вперед, - сказал Роцин.

- И я могу поработать, поддержал Гракович.

Все посмотрели на меня, ожидая решения. Я сказал, что время и возможность еще есть, что сам я намерен идти дальше, но это необязательно для всех - кто хочет, может ставить палатки.

Петренко, Ковтун и Фомин остались, а четверо продолжили путь и затемно подошли к пещерам. Следующий день начался в шесть утра. Просыпались с трудом - сон был глубокий, но слишком короткий, чтобы восстановить силы после вчерашнего перехода. Вяло выползали из пещеры, но погода развеселила: мороз, солнце, полное безветрие. Краски резкие, ослепительные, буквально озвучили тишину. Сварили завтрак, в восемь закончили трапезу, а к девяти, как и договорились с тройкой, оставшейся у пика Парашютистов, были готовы продолжать восхождение.

Сидя на рюкзаках у входа в пещеру, говорили «за жизнь» и поглядывали в точку, где линия наших следов пересекалась с линией перегиба плато. Я рассказывал что-то о замысле международной альпиниады, которую хотели провести на пике Коммунизма в 1972 году. Мысль, кстати, принадлежала Ануфрикову. Игорь Роцин засмеялся.

- Придется тебе в четвертый раз топтать по этой дорожке.

- Еще неизвестно...

- Все известно. Кому же, если не тебе?! - сказал Валентин. - Ты здесь теперь вроде гида. Три раза...

- Тоже мне цифра! В Италии я слышал такую историю. На вершине Маттерхорна встретились два гида – итальянский и швейцарский. Оба привели клиентов. Итальянец пригласил всю компанию здесь же, на вершине, отпраздновать свой юбилей- трехсотое восхождение на Маттерхорн. Швейцарец не возражал, но робко спросил: нельзя ли, дескать, отпраздновать и его юбилей? Нынче он поднялся сюда в шестосотый раз...

- Маттерхорн не пик Коммунизма. В два раза короче, - сказал Корепанов. – Потом это ведь их работа – чем больше число восхождений, тем больше счет в банке. Не за любовь к горам, а за деньги. Подвиги за звонкую монету...

- Это ты зря! – в вмешалась Эльвира. До сих пор она слушала рассеянно, поглядывая вдаль, где плато переходит в склон. – Мне Володя много о них рассказывал. Я поняла так, что они истинные альпинисты. Мужчины и настоящие рыцари. Верно, это их хлеб. Но честь им дорога так же, как и нашим ребятам. Не променяют ее ни за деньги, ни за звания. Они каждый день рискуют и умеют жертвовать собой ради товарища, не прятаться за спинами других и делиться последним куском. Они верны законам связки не меньше, чем мы, и забывают в горах, что внизу их ждут гонорары. Людишки попадают и среди них. Но я уверена – как и у нас, таких меньшинство.

Эля высказала мнение, которое сложилось у меня, когда находился в Альпах. Но мог ли я знать тогда, сидя на рюкзаке у пещер, что через три года побываю в Швейцарии и столкнусь с фактами, которые еще раз подтвердят эти слова? Что через два года во время совместного восхождения со швейцарскими гидами-профессионалами на Кавказе попаду в ситуацию, где, как говорится, воочию увижу мужество и верность этих людей: где пойму – альпинист есть альпинист, в каких бы условиях он ни проживал, и мораль его лишена географии, что альпинизм – международное братство?

...В одиннадцать наконец группа собралась вместе и отправилась дальше.

Плато - участок технически простой. Трещин здесь не водится, лазания не требуется. Зато снег попадает рыхлый, глубокий настолько, что порою десятки метров «проходишь» ползком, пробивая траншею. Мы торопимся - быстрее обычного топчем следы, переставляем ноги, но... Чудеса, цирковой фокус! Словно во сне, барахтаемся, оставаясь на месте. Кто сказал, что движение относительно? Это только внизу, если трамвай увеличил скорость, то улица понеслась быстрее. Наша «улица», хоть галопом скачи, — ни с места.

Наша «улица» тянется на двенадцать километров - от пика Парашютистов до пика Кирова. Сперва с небольшим, чуть заметным снижением, к середине сбрасывая высоту метров на двести, а после таким же отлогим . подъемом возвращает свою начальную отметку 5800. В самых широких местах в ней около двух километров. Наша «улица» с одним лишь правым рядом «строений»: пик Ленинград, пик Евгения Абалакова, пик Куйбышева. Слева она обрывается бешеной крутизной - отсюда и сходят лавины, которые мы наблюдаем с поляны. Наша «улица» - Большое Памирское фирновое плато - уникальна: самое высокое из крупных плато. Воздух на ней так разрежен, что не препятствует космическим излучениям. Зная об этом, ученые намерены в ближайшей - перспективе построить здесь научную хижину-лабораторию со специальными ловителями «пришельцев» из космоса.

Мы шагаем сейчас по плотно спрессованному насту, едва прикрытому снегом, - идти

легко - и тщетно поглядываем на вершины. Но они никак не проходятся. Поминутно, через каждый десяток шагов, оглядываемся назад - глаз ищет подтверждения, хочется наглядно убедиться, что мы все-таки движемся - за нами тянется длинный, скрывающийся вдали и переходящий в сплошную линию след. Каждый раз он отрастает все больше и больше. Но впереди ничего не меняется - пик Кирова все так же далек. Эта проклятая вершина может свести с ума - она не сдвинулась ни на метр.

...И вдруг обнаруживаем, что горы все же «про- шлись». Каким-то странным, неведомым внизу диалектическим скачком. Неожиданно видим себя в самом конце плато — перед нами вплотную пик Кирова...

Все эти ощущения для меня неновы, но, даже зная, чем кончится этот зрительный парадокс, не мог отогнать от себя неотступное гнетущее чувство безысходности - так и шел с ним весь путь.

За третий день мы поднялись на высоту 6900, дойдя до Большого барьера. Провели здесь ночевку. А на четвертый, покинув этот последний бивак, вышли на предвершинный склон. Впереди по-прежнему Игорь Рощин, сзади привычно маячит крупная фигура Петра Петренко... Игоря подменяли - ненадолго, но несколько раз - Корепанов, Гракович, Ковтун. Однако на всем маршруте он оставался ведущим.

Высота и усталость все больше и больше «пришивают» нас к склону, и каждое движение теперь добывается волей. Первый отдыхает каждые пять шагов...

На отметке 7200 Рощин остановился, навалился на ледоруб и бессильно обвис. Я подошел и увидел, что больше он группу вести не может. Солнце давно на западе и, к сожалению, в сторону горизонта движется много быстрее нас, а нам предстоит еще триста метров.

Я понял, что на вершину не успеваем, и сказал об этом присевшей на склоне группе. Но всем было ясно и без моих слов. Ясно и другое: если сегодня вершины не будет, то на сей раз ее может не быть вообще.

- Полчаса отдохнем и начнем спуск, - сказал я группе. И тогда все услышали голос Петренко.

- Я пойду первым, - сказал он. - Буду идти до самой вершины. Но восхождение нужно продолжить.

У нас должна быть вершина. Остался пустык - триста метров! Верно, до титула «Снежный барс» оставалось каких-нибудь 300 метров!..

Он вышел вперед и двинулся, как бог, по воде. Нам, вымучившим здесь каждый шаг, показалось это чудом. Он шел легко, быстро, оставляя удобные следы, как резвый, затомившийся в доме мальчик, выскочивший на улицу, как одержимый вдохновением поэт. Бодрый, упругий, веселый - казалось, нет для него ни крутизны, ни высоты, ни вязкой дороги...

До самых скал он шел, ни разу не оглянувшись, не заботясь о том, что и как у него за спиной. Мы отставали, даже следуя по готовым следам, и оторвались на час-полтора пути. Мы наблюдали, как проходил он скалы и как остановился, когда возник перед ним острый

заснеженный гребень: идти по нему в одиночку - безумие. Но читателю, видимо, ясно, что в недостатке здравого смысла этого спортсмена не упрекнешь...

Он остановился и, вспомнив про нас, приветливо помахал ледорубом. Потом обогнул скальный выступ и скрылся из виду.

Час спустя достигли гребня и мы. Но Петренко здесь не было. Это не удивляло: ни секунды не думал, что он решится идти по нему в одиночку. Искать его надо в окрестностях скал. Вопрос «почему его вообще нужно искать?» пришел в голову лишь в первый момент, ко сразу же затонул в нахлынувшей тревоге.

Мы обшарили скалы, обыскали все закоулки, заглядывали в ниши, осматривали впадины, наконец вопреки логике визуально, насколько хватал глаз, изучили и гребень, его склоны, но следов нигде не было. Мы звали его - кричали, складывая ладони рупором, но в ответ слышали только горное эхо...

Я подготовил рацию, чтобы сообщить в лагерь о предполагаемом несчастье, когда вдруг раздался голос Эльвиры.

- Володя, погоди! - крикнула она. - Нашла! Она нашла его в снежной нише, «теплой», удобной, хорошо укрытой от ветра сугробом. Он полулежал, привалившись спиной к стенке, слегка раскинув руки, уронив голову на грудь, и... богатырски храпел. Мы не сказали ему ни слова - здесь не место для крупных разговоров, — разбились на двойки и вышли на гребень. В восемь часов вечера заходящее солнце в последний раз брызнуло на вершину и осветило ликующих восходителей...

Спуск проходил в темноте. На высоте 7300 метров окончательно выбился из сил Валя Гракович. Гипоксия прихватила его еще на подъеме. Высоту хоть и сбросили, но не настолько, чтобы избавиться от этой болезни. К тому же предельное утомление - наш альпинистский рабочий день длился уже шестнадцать часов.

Гракович садился, падал в снег, отказываясь двигаться дальше. Я поднимал его силой и заставлял идти.

Группа, кажется, недовольна моими действиями. Чувствую, но делаю вид, что не понимаю. Знаю: без объяснений не обойтись, но нет уверенности, что настою на своем. Сколько возможно, хочу оттянуть разговор, чтобы успеть спуститься еще хоть на сотню метров.

На высоте 7200 метров меня отозвала Эля. К нам подошли остальные. Они уселись в снег, но я объявил:

- Разговаривать будем стоя.

- Люди устали, - сказала Эльвира. - Больше идти не могут.

- Я тоже. Что дальше?

- «Якать» не надо. Не о тебе - о группе идет речь. Будь ты один, распоряжайся собой как хочешь. Хоть на вершину снова ступай, если охота ее украсить своей могилой. Но ты

командуешь людьми. И пользуешься тем, что дисциплина для них святое дело...

- Ясно. Чего вы хотите?

- Ночевка нужна, Володя! - задыхаясь, сказал Корепанов. Голос его звучал хрипло, натужно, слова вылетали, будто киксы трубы в неумелых руках.

- Где? На чем? Под чем?

- Пусть холодная. Но идти больше нет сил... Еще полсотни шагов, и спустимся головой вниз...

- Холодную?! На 7200?! Тех, кто останется жив, прошу запомнить мои слова: половину из нас пневмония прикончит еще до утра. Будь я один, шагу больше не сделал бы... Поступил бы как хочется - не как надо. Но завтра должен вас всех привести на поляну. Всех! Категорически против ночевки. Мы пойдем вниз... хоть по-пластунски. И ночевать будем в палатках - осталось триста метров...

Я повернулся и двинулся вниз. Шел не оглядываясь и слышал сзади шаги. Идут! Если идут, то идут все. Благословенна альпинистская дисциплина!

В два часа ночи мы были в палатках на высоте 6900. Разожгли примус, согрели чай и в тепле легли спать.

Думы о живых

Говорят, плохое держится в памяти дольше, чем хорошее. Неверно. Это придумали люди, живущие монотонной, однообразной жизнью. Они и в самом деле помнят больше плохое - их «хорошее» так однородно, так повседневно, так буднично, что его не упомнишь. Любая, самая мелкая неприятность - отклонение на их ровной, лишенной событийности линии жизни. По тому и запоминается. Но если линия ломана, если испещрена она всплесками, как развертка на осциллографе, если счастье трудное, добытое, как говорят, в борьбе и невзгодах, если множество отрицательных всплесков венчается одним большим положительным, то и сам такой всплеск видится лучше, и память его удерживает много прочней.

Не прошло и двух дней после спуска, как пребывание на поляне стало меня тяготить. Я был в горах, но меня потянуло в горы. Поляна для альпиниста не горы.

Вечером, распивая чай в компании Рощина, Фомина и Граковича, я им сказал:

- Может, заодно и на Корженевскую ходим?

- А что, золотая мысль! сказал Игорь. - Кто против?

Все были «за». Рано утром другого дня наша четверка вышла на пик Евгении Корженевской (7105 метров).

Мы одолели высшую точку и находились на спуске, когда на поляне случились события вроде бы незаметные, но по смыслу достаточно важные.

* * *

Под вершиной пика Коммунизма, на высоте 7350 метров, на последнем биваке уж год как находится мастер спорта, инструктор альпинизма, московский инженер Блюминар Голубков. Высота, время, погода ему не вредят - он мертв.

Около года назад команда во главе с мастером спорта Борисом Ефимовым совершала высотный траверс. Начинаясь он с пика Ленинград, последней вершиной был пик Коммунизма. Ребята хлебнули все, что «отпущено» восходителю на таком сложном и протяженном траверсе: горной болезни, разнузданной, сокрушительной стихии, смертельной усталости, бессонницы, недоедания...

Еще на пике Ленинград Блюм, как для краткости называли его друзья, почувствовал себя плохо. Но кому хорошо на этих высотах? Как узнать допустимую норму здоровья? И где взять прибор, которым можно ее измерить?

До завершения траверса оставалось меньше ста пятидесяти метров, когда на небольшом пологом пятачке команда Ефимова встретилась с другой группой. Среди ее восходителей был врач Владимир Машков. Ефимова беспокоило состояние Голубкова, и он попросил доктора осмотреть Блюма. После осмотра Машков отвел в сторону руководителя и сказал:

- Срочно вниз!

Оба повернулись, чтобы договориться с Блюмом. Тот сидел на рюкзаке, низко свесив голову.

- Блюм! - обратился Борис. Но, не услышав ответа, повторил: - Блюм! Ты что, заснул?

Блюм не заснул. Он умер...

Спускать тело своими силами они не могли - их не было, своих сил. Их не было даже для того, чтобы спуститься самим, - до поляны доползли на одной лишь воле. И вообще: история мирового альпинизма не знает случая, когда бы тело снимали с такой высоты. Точнее, говорить в этом смысле о мировом альпинизме вообще не приходится. За рубежом восходители оставляют тела погибших товарищей навечно в горах. Там думают так: нужно ли мертвому, чтобы на его пути от одной могилы к другой возникли еще могилы?! К сожалению, подобное было не раз.

Транспортировка тела сложна и опасна. Это «язычество», говорят нам иностранные восходители, когда заходит об этом речь. Они рассуждают... Впрочем, как они рассуждают, понятно. Логика очевидна. Против нее трудно что-либо возразить. Только не все измеряется логикой.

Мы рискуем жизнью, чтобы вернуть тело товарища в лоно земли обитаемой, потому что так нам велит наше сердце. Мы идем за останками смертоносными тропами по зову души. Ведь и сам альпинизм - порождение зова души. А если по логике, то мы воздаем

душе, поскольку она в человеке так же важна, как и разум.

А если по логике: может, ясные, точные, очевидные аргументы наших зарубежных собратьев всего лишь соображения конъюнктуры? Может, они от тактики, а не от стратегии альпинизма? Может, это уже вопреки всякой логике - альпинисту легче, веселее, спокойней, если он знает: случись с ним несчастье, останки его не будут частью затерянного, необитаемого хаоса? Может, ему спокойней, если он знает, что люди зафиксируют значимость его жизни именно тем, что, рискуя собственной жизнью, снимут с горы его тело, чтобы покоилось ближе к ним? А если так, то ведь это в интересах развития альпинизма. Хоть «интересы» - слово здесь неуместное. Но ведь я рассуждаю с точки зрения чистой и очевидной логики.

Может, наконец, это способ напомнить живым о святости человеческой жизни? И это стратегия с далеким, уходящим во все человеческое будущее прицелом?

И все-таки каждый раз, когда узнаю, что при транспортировке тела погибли люди, я отрекаюсь от собственных взглядов на этот счет. Тогда я думаю: жертвовать жизнью можно только в одном случае - ради жизни.

Я не могу скрывать эту противоречивость, поскольку обойти молчанием такую проблему в книге об альпинизме невозможно, а чтобы отстаивать какую-то одну из двух этих позиций, недостаточно компетентен.

И вот теперь, пока штурмовали мы пик Корженевской, семеро восходителей под руководством Вадима Кочнева работали с акьей (транспортировочными санями), где находилось тело Блюминара Голубкова. Сначала их было двенадцать. Двенадцатый - Георгий Корепанов - после одного из акклиматизационных выходов заболел пневмонией. Когда он поправился, Кочнев отпустил его с нами на пик Коммунизма.

Дело в том, что, отправляясь на эту вершину, мы захватили с собой часть транспортировочного груза, чтобы забросить его к снежной могиле Голубкова. Корепанов же был участником того печального траверса и знал, где лежит Блюминар.

Осталось одиннадцать. В этом составе мы встретили их на плато у пещер (5600 метров). Мы спускались - они поднимались. Им еще предстояло... Предстояло с лихвой - добраться до отметки 7350 и оттуда тащить груженую акью.

Но дело обернулось хуже, чем думали, - погода испортилась. От плато до цели их сопровождал ледяной ветер, перед которым не могла устоять никакая восходительская утепленность. Когда добрались до нужной точки, четверо из одиннадцати оказались больны. И Кочнев немедленно отправил их вниз. Тяжесть транспортировки легла на плечи семерых.

Они подвели акью к вершине «жандарма» Верблюд — на 5200, то есть прошли около двух третей пути, и здесь окончательно выдохлись. Вадим Кочнев радировал в лагерь просьбу о помощи. Радиограмма пришла, когда мы - Гракович, Роцин, Фомин и я - спускались с пика Корженевской. Приняла ее Эля. Она сидела на связи, поскольку заниматься ничем другим не могла - на маршруте подморозила палец ноги, врачи сделали ей блокаду, и теперь передвигалась, только наступая на пятку.

Поляна никогда не пустует. И сейчас народу хватало. Но мастеров альпинизма, тех, кто мог бы пойти в помощь кочевцам, кроме Петренко, Корепанова, Ковтуна, нет. К ним-то и обратилась Эльвира. Ковтун заболел. На Корепанова тоже расчет плохой - воспаление легких выбило его из обычной формы на весь сезон. Он хуже многих других перенес восхождение и здесь, на поляне, был еще слаб.

Петренко, подстелив под себя одежду, привалившись к готовому рюкзаку, принимал горное солнце. Он ждал вертолета. Ждал уже несколько дней, чтобы добраться до Оша и оттуда лететь на Кавказ для участия в чемпионате СССР по альпинизму. Вертолет все откладывали, но сейчас сообщили, что он уже вылетел.

Впрочем, Петренко теперь не спешил, ожиданием не томился, не нервничал, поскольку на чемпионат все равно опоздал. Сейчас на Кавказе он мог быть только зрителем, но не участником.

Сама Эльвира, несмотря на больную ногу, тут же, что называется, взялась за ботинки. Хотя понимала - толку от нее там немного. Но нельзя же, призывая других к благородству, оставаться самой в стороне?

- Что будем делать? - обратилась она к Петренко.

- Я не могу. Мне на чемпионат надо. И вообще - Шатаев нас отпустил. Считай, что вертолет пришел вовремя и я улечу.

Вертолет вскоре прибыл. Жители поляны - а здесь, как правило, знают все всегда обо всем - напряженно, как говорят, затаив дыхание смотрели, как направлялся Петренко к машине. Он шел медлительно, чуть вразвалку, лениво опустив голову, как ходят обычно люди его стати. И все, кому этого очень хотелось, видели в его неспешной походке проявление душевных колебаний, нерешительности. Все ждали: вот-вот движение его и вовсе увянет, он остановится, перемнется с ноги на ногу и повернет обратно. Но он подошел к вертолету и легко взобрался в кабину...

Взревел мотор. Пошел винт... Но обороты вдруг заредели, и в проеме фюзеляжа снова показался Петренко. Он спрыгнул и быстро, почти бегом, ринулся к группе девушек, окруживших Эльвиру.

Они смотрели на него, как смотрят близкие на человека, перемахнувшего ограду скамьи подсудимых после полного оправдания судом. Эля потом рассказывала - дескать, совсем позабыла о тех, кто нуждался в помощи. Ей казалось: истинно пострадавший - Петренко. Его хотелось спасти. И как стало легко на душе, когда узрели это счастливое самоспасание!

«Спасенный» подошел к девушкам и сказал:

- Девчата, а где моя пиала? Никто не видал?

Эльвира первая пришла в себя. Ей захотелось быть утонченно внимательной и даже угодливой. Она напрягла память и вспомнила, что вместе пили чай в палатке душанбинцев.

- Девочки, в самом деле, где же его любимая пиала? - захопотала она. - Поищите, пожалуйста... Дайте человеку улететь со спокойной душой.

Пиала нашлась. Петренко направился к вертолету и через минуту исчез «во чреве машины»...

А Эля ушла в палатку, уткнулась в подушку и зарыдала. Истерика длилась до поздней ночи. Ее никак и ничем не могли успокоить. Лагерный врач дал ей несколько сильнодействующих таблеток. Но толку от них не больше, чем от конфеток драже... Вера в человека, мне кажется, - проявление некоего общественного инстинкта. Того, что понуждает людей к объединению и взаимодействию. Известно: любое общество так или иначе вырабатывает единые для всех идеалы, к которым оно стремится, в которые верит. Есть идеалы - есть общество. Если их нет, то могут быть только разобщенные, неспособные к жизни единицы. Чтобы жить, человек должен обладать способностью воссоздавать идеалы и верить в них. Повторяю: думаю, что такая способность заложена в людях в виде инстинкта и обладает его силой. Неудовлетворенный инстинкт, как известно, вызывает порою бурную реакцию. Эльвира была из тех, у кого этот инстинкт особенно развит.

Потом она говорила мне, что чувствовала себя обманутой. «Может, все как Петренко? - думала она. - Только делают вид, фарисействуют, играют рыцарей? Может, это всего лишь театр, цирк шапито? Может, и мой Володя?.. А я, как дура, верю... Выходит, я просто неумный, наивный человек... И все они в душе надо мной смеются... Может, Петренко-то самый искренний из них?..»

...Я рассказал о Петренко, чтобы подчеркнуть высокую нравственность альпинизма. Говорят, исключение подтверждает правило. Можно добавить: чем сильнее оно отклоняется от правила, тем достоверней выглядит само правило.

...В десять вечера мы прибыли на поляну. Пока раздевался, разувался, умывался, мне рассказали о положении кочевцев. А через полчаса в палатку ко мне зашли Гракович и Роцин.

- Ну что, надеваем ботинки? - обратился ко мне Валентин.

- Пока тапочки... Пошли к рации...

Связавшись с Кочневым, я спросил, могут ли они подождать до утра. И услышал в ответ: «Вполне».

Рано утром - пяти еще не было - мы вышли тройкой из лагеря, а в девять, пройдя вертикаль 1300 метров кратчайшим путем, стояли на верхней точке «жандарма» Верблюд. Взяли с собой шестьсот метров трехмиллиметрового стального троса весом в пятнадцать килограммов, блок-тормоз (собственной конструкции и изготовления Граковича) и еще кое-какие средства транспортировки.

Валентин - человек, богатый умом и спортивностью. Талантов у него много больше, чем времени, - на пять жизней хватит: кандидат географических наук, неоднократный чемпион по горноприкладным видам спорта, отличный восходитель, скалолаз, спасатель и, как бывает у людей с пытливым умом, не лишен склонности к изобретательству, благо,

что страсть эта имеет выход - альпинистское снаряжение. Зная об экспедиции Кочнева, он вылетел на Памир, прихватив с собой некоторые плоды конструкторских стараний. На всякий случай, авось кому понадобится.

Понадобились: сберегли силы, сократили время и в какой-то мере снизили теперь степень опасности.

Спускали по скальному гребню, сыпучему настолько, что казалось, он шевелится. Натянули три подвесные канатные дороги, потеряв на это времени в два раза больше, чем намечали. Тяжелая акья, провиснув, скользила по тросу и издали походила на сказочную лодку, чудесно плывущую в воздухе. Темнота надвигалась быстро, и стало ясно, что сегодня нам спуск не закончить. Но пока еще видно, продолжали работу.

Вниз с высоты 4500 тянулся крутой снежно-ледовый склон. Здесь я закрепился на тросе и пошел с телом один. Срываясь с гребня, с визгом летели камни. Засечь их глазами уже невозможно - темно. Они ухали совсем рядом: выше, ниже, слева, справа... Где-то надо мной Гракович и Рощин выдают трос, но их тоже не видно. Страшно - может быть, страшно, как никогда. Мне и нынче не по себе, когда вспоминаю тот печальный «альянс» с телом Блюма...

Мы сбросили с ним вертикаль в четыреста метров. Но на отметке 4100 нас настигла плотная горная ночь. Утром меня подменил Валентин Гракович. Он вошел с акьей в узкий глубокий желоб. Все камни идут сюда - у всего, что сыплется сверху, просто нет иного маршрута. Благо, что утро, - с мерзлых, застывших склонов падают только редкие, случайные булыжники. Но их тоже хватает, чтобы жизнь висела на волоске. Эти последние двести метров стоили Граковичу не меньше, чем мне четыреста...

Через два часа после входа в кулуар тело Блюминара Голубкова было доставлено в базовый лагерь, на поляну Сулоева, потом по воздуху в Москву...

Памир-74

Безобидных гор не бывает. Горы - хищники. Иногда они спят, сытые, ублаженные... Подолгу, помногу лет. И людям мнится, будто они ручные. Все - и самые опытные, самые осторожные, осмотрительные - усыпляются, если горы подолгу спят. Правило «Безобидных гор не бывает» понемногу стирается в памяти...

...Мы идем по спокойной горе. По отлогим, безмятежным, миролюбивым склонам, похожим скорее на зимние равнинные поля, чем на грани семитысячника. Буйствует только свет. Кажется: если этой свирепой светосилы еще чуть подбавить, будет взрыв... Все остальное застыло - выпуклые тугие сугробы, с которых буквально стекает солнце, воздух, небо, панорама Заалайского хребта... Райская благодать - сюда бы детишек, кататься на санках! Откуда здесь взяться опасности! Это там, на Хан-Тенгри, на пике Победы - самом северном семитысячнике мира - гуляют ураганные ветры, лютуют морозы... Это на Хан-Тенгри и на Победе нужно продумывать все «на случай, если», предвидеть непредвиденное. Здесь все известно, все понятно, все спокойно. Сюда бы детишек - кататься на санках...

Мы относились к этой горе как к ручной собачонке, клыки и челюсти которой хозяину неопасны. 45 лет мы относились к ней так, словно и давление здесь безобидно, и разреженность воздуха не удушлива. Поднимались на восьмой километр в небо так же уверенно, без со» мнений в исходе, как на «Седьмое небо» в Останкине...

Она снова заснула, эта гора... Или опять притаилась?

Сорок пять лет - со дня первого штурма - она убеждала людей в смирении агнца. А нынче показала, чего стоит ее оскал...

Второй раз поднимаюсь я на пик Ленина — второй раз за последние две недели... Меня не пускали, отговаривали, запрещали. Я объяснял, убеждал, заверял - вырвался. Зачем? Чтобы увидеть ее в последний раз? Конечно. Но это только полправды... Не мог же я говорить им о чуде, на которое все же надеюсь?! О микроскопической несбыточной надежде, в которую сам не верю умом, но верю душой?!

8 августа, на другой день после страшных событий, когда улеглось, прояснилось, японцы покинули свой бивак на 6500 и во второй раз вышли на поиски женской группы. Они нашли их на предвершинном склоне. От семи тысяч книзу, растянувшись метров на двести, друг за другом вдоль спуска, как пунктир на бумаге, лежали тела. Их было семь... Так и сообщили в лагерь зарубежные наши коллеги...

Семь, а где же восьмая?! И кто восьмая?

...Беспочвенная надежда, ни единого реального шанса. Спустишь она в затерянное, но обитаемое место Памира нынче, через три дня после катастрофы, мы бы об этом знали. Крохотная надежда повисла в воздухе и держится одной лишь силой моего желания. Я пытаюсь ей ставить «подпорки» - придумываю фантастические варианты, но ни в одном из них концы с концами не сходятся. Знаю - глупо. И все же надеюсь... Я должен отыскать восьмую...

Со мной челябинцы. Их четверо - друзья челябинского альпиниста Валерия Переходюка. Его супруга, Галина Переходюк, - одна из тех, кто лежит сейчас наверху... Еще одна альпинистская чета, разведенная горами... И он рвался с нами... И для него «восьмая» - о зыбкая надежда...

Идем слишком медленно. Или так кажется?.. Боль, что копится внутри, сильнее любого допинга. Я пытаюсь ускорить темп, но вместо этого лишь нарушаю размеренность альпинистского шага... Впрочем, быстрее двигаться невозможно. Снегу вдвое против обычного. Отработка следа, как никогда, нынче сложна. Следы нужно делать на совесть, иначе провалишься вглубь, что называется, с ручками...

Странное лето. Аксакалы не помнят такого снежного лета.

Две недели назад, 25 июля, я и мастер спорта Дайнюс Макаускас - мой друг и напарник по восхождениям - ехали к пику Ленина с юго-западного Памира. (Там у нас было несколько выходов с альпинистами ГДР.) По дороге видели, как на альпийских лугах увязали овцы в снегу. Пастухи перегоняли отары вниз, в Алайскую долину, думая, что уж там-то спасут животных от голода. Но и в долине белым-бело... В ночь на 25 июля пришел небывалый циклон и выбелил горы до самых подножий. Международный лагерь

«Памир» расположился на поляне под пиком Ленина, на высоте 3700 метров. Поляна на то и поляна, чтоб быть зеленой. Мы застали ее покрытой снежным пластом сантиметров в тридцать. Позднее в этом сезоне подобное повторялось дважды.

Именно в это время, 25 июля, когда снегопад накрыл район пика Ленина, американская четверка Гарри Улина совершала восхождение на пик XIX партсъезда. Внезапно они почувствовали сильный толчок.

Землетрясение на Памире - явление частое. Но сейсмические волны, двигаясь из отдельных эпицентров - в районе Афганистана - Ташкента, - как правило, приходят сюда ослабленными. На этот раз удар был не менее четырех баллов. Этого хватило с лихвой, чтобы привести в движение созревшие для схода массы снега.

Крупная лавина накрыла американцев. Однако опытные альпинисты сумели освободиться. Видимо, рассуждая по принципу: самое надежное укрытие от снарядов в свежей воронке, они поднялись вверх по следу лавины и поставили там палатку. Но вероятность, как бы она ни была мала, со временем становится фактом. Возможно, этого не было тысячу лет и не будет еще тысячу... Но это случилось теперь - вторая лавина сорвала восходителей и потащила их вниз. Трое сумели выбраться. Четвертый, Гарри Улин - один из сильнейших альпинистов Америки, - погиб...

По сигналу бедствия в воздух поднялся вертолет и сбросил американцам питание и маркировочные стойки, чтобы обозначить местонахождение тела. Из лагеря навстречу потерпевшим вышел спасательный отряд из советских, американских и французских восходителей. Это была первая жертва горы...

Злосчастный ночной снегопад, что случился с 24 на 25 июля, застал женскую группу в пещере на 5200 метров. Девушки оказались здесь по случаю второго акклиматизационного выхода, который планировался до высоты 6000 метров. По научной и практической раскладке подъем на этот уровень должен был дать им необходимое привыкание к высоте, так сказать, акклиматизационный запас, достаточный, чтобы после подняться еще километром выше. Так намечалось, но так не вышло. Опасное состояние снега и случай с Гарри Улином вынудили лагерное начальство дать команду о спуске всем, кто находился на склонах. Такую ситуацию застали мы с Дайнюсом, когда прибыли в международный лагерь «Памир». На поляне не задержались и часа - нас попросили подняться на 4500 и сообщить руководителю американской команды Шонингу о гибели Гарри Улина. (Бивак его находился за перегибом, а рации «Виталки» работают только на прямую видимость.)

По дороге встретили возвращавшихся девушек. Отдали им письма и сказали, чтоб нынче же ждали нас в гости. Они таинственно переглянулись, прицельно сверху вниз осмотрели каждого и ничего не ответили.

В лагере мы принялись разыскивать палатки женской группы. Но нам сказали: команда Шатаевой проживает на той стороне ручья, за крепостной стеной, и вход туда по спецпропускам. Мы переправились, точнее, перешагнули, через ручей и стали искать крепостную стену. Она нашлась: толщиной и высотой в один «кирпич». Правда, за отсутствием кирпичей стена состояла из белых, разложенных кольцевым пунктиром камушков.

Охранник, она же дежурный повар, Ира Любимцева, вооруженная дымящейся, видимо, только что вынутой из стряпни поварешкой, услышав наши шаги, выскочила из кухни-палатки и тут же дала сигнал тревоги. Из «памирок» высыпал гарнизон. Дайнюс, случайно переступивший «стену», тут же был схвачен и выдворен за пределы крепости. Эльвира, сохраняя престиж вожака, соблюдая ритуал, осталась в своей резиденции. Ей доложили. Она Церемонно вышла и, оглядев «чужестранцев», спросила:

- Кто такие? Чего хотят?

- Говорят, в гости... - ответила Элла Мухамедова. - В гости-и?!

Она повернулась и, подав знак, увела всех, кроме Вали Фатеевой. Эта осталась на часах.

Нас мариновали минут пятнадцать. Из палатки слышался женский гомон, то и дело прерываемый взрывами смеха. Потом появилась Люда Манжарова, держа в руках чистые листки бумаги и авторучку. Не замечая нас, она отдала их Фатеевой и сказала:

- Пусть напишут заявление. Каждый в отдельности» Можно в одном экземпляре - мы не бюрократы. ;

Мы написали:» «Просим вас принять нас, так как очень хотим есть». ‘.

Наконец вышла Нина Васильева и объявила:

- Совет рассмотрел ваши заявления и счел причину уважительной. Совет постановил: выдать спецпропуска»

Объявив нас гостями, они некоторое время оказывали нам подчеркнуто вежливый, внимательный прием, стараясь не выходить из ролей. Это всех забавляло, & всем хотелось поиграть этот спектакль подольше. Не иногда они забывались и отпускали в наш мужской адрес вызывавшие взрывы смеха колкости. Наконец Таня Бардашева сказала:

- Нехорошо, девочки! - И, обращаясь к нам, добавила: - Не принимайте близко к сердцу - они тут ходят и ищут: кого бы высмеять?! I

- Что вы, что вы! - ответил Дайнюс. - Мне как-то охотник рассказывал: медведи даже любят, когда их пчелки кусают. Но охотник, как всегда, наверное врал... ‘

Поднялся притворный переполох. Возмущенные, они заговорили открытым текстом, дескать, подумать только: мы пчелки, они медведи!

Они понимали друг друга с полуслова, с одного взгляда и так слаженно поворачивали разговор в свою пользу, будто и в самом деле читали роли спектакля.

А собрались они две недели назад, 10 июля, в Оше, многие из них увидели друг друга впервые. Некоторых Эльвира знала только по прошлым восхождениям, остальных же только по переписке, которую начала в январе 1974 года.

После этого вечера мы провели в женской «обители» еще два дня, получив разрешение

поставить палатку (нас, правда, огородили белыми камушками).

Они жили как хорошо вышколенный экипаж корабля - дисциплина, точность регламента, пунктуальность его выполнения, знание своих обязанностей, своего рабочего места. Ни разу не пришлось нам услышать слова пререкания, оспаривания, увидеть надутых губ, недовольных мин, осуждающих взглядов. Поведение, которое буквально посрамило восточную поговорку: «Две женщины - базар».

Прогуливаясь со мной возле палаток, Эльвира кивнула на маленькую утоптанную лужайку и сказала:

- Это наш «зал заседаний»,

- Вы что, здесь танцуете?

- И танцуем тоже.

- Вообще-то ты молодец. Группу сделала...

- Опять ирония?

- Нет. На самом деле.

- Неужели я дожидая до твоей похвалы?! Чудеса! Лагерь понемногу замолчал. Голоса в женских палатках стихали. Лишь откуда-то из-за ручья слышалась шуточная песня под гитару: Ах, какая же ты ласковая, Альпинистка моя, скалолазка моя...

Скоро и эти полуночники замолкли, а я все не мог чуть, и в голове у меня крутился этот прилипчивый рефрен. Я знал, что Дайнюс тоже не спит, и сказал ему:

- Вот тебе и женщины. Такой порядок в мужских группах еще поискать... - Верно... Но я о другом думаю... Бьют в одну точку - мы, мол, женщины, не уступаем вам, мужчинам, ни в чем. Вроде бы в шутку, игрушечно...

- Не «вроде бы» - точно в шутку. Они и хотят, чтобы мы были сильнее, и любят нас за то, что сильнее...

- Так мы всегда и думаем. И они так думают - думают, что этого хотят... И все-таки «вроде бы». Есть у них несогласие... Вековое несогласие.

- Несогласие с природой? - спросил я.

- Точно так. Подспудное, загнанное в подкорку, накопленное поколениями. Почему они так стараются? Потому как выпала им почетная доля высказать свое несогласие... Отстоять сословие! Над ними тысячелетия тяготеет наш скепсис...

- Наш еще полбеда... Свой собственный!

- Именно. Что получается? Они поднялись на альпинистский Олимп. Вскарabкались. Изодрались, исцарапались, превратились в сплошной синяк, но вскарabкались! Победили

в драке. В какой? В физической! Вышли на Олимп и поверили в свои бойцовские качества. Только глядь, а над ними, как и тысячелетие прежде, все тот же скепсис... Стоят они на этом Олимпе рядом с нами и видят, что мы-то обозреваем панораму с отметки на голову выше. Но в запале победы кажется им, что и эту разницу можно преодолеть... если подняться на цыпочки. Вот и тянутся, а так ведь долго не простоишь...

- Боюсь, не им, а тебе все это кажется, - перебил я Дайнюса. - После их восхождений на пик Корженевской и Ушбу я решил, что сам господь бог ни черта не знает женской породы.

- Возможно, я не спорю, говорю только то, что мне кажется. А еще мне кажется, что, фетишизируя дисциплину, они... Как бы сказать?.. Подводят, что ли, себя?! Они знают: один из краеугольных камней альпинизма - дисциплина. Их восхищает, что сильные, здоровые, волевые, самостоятельные мужики так умеют подчиняться. Думаю, потому восхищает, что им-то самим дается это с трудом. Они, по-моему, больше всего боятся упрека: дескать, женщины собрались - какая ж там может быть дисциплина? Вот тут-то и забота номер один - не дать повода для таких упреков, в первую очередь самим же себе, вести себя так, чтоб комар носа не подточил. Вот тут-то и мое беспокойнее - не перехватили бы лишнего. Боюсь, они так стараются, что не дисциплину, а послушание ладят - дисциплину без инициативы, без самостоятельности. Если разобраться, то у самой независимой женщины самостоятельность все-таки слабое место. У нее в генах заложен расчет на защиту мужчины...

Раньше у меня с Дайнюсом не могло быть на этот счет разногласий. Но события последних двух лет поколебали мое мнение.

В 1971 году Эльвира задумала восхождение на семитысячник женской группой. Всю зиму 72-го подбирала она команду. А летом четверка под руководством Галины Рожальской, где, кроме Эльвиры, были ее подруги, Элла (Ильсиар) Мухамедова и Антонина Сон, покорили пик Евгении Корженевской (7105 метров). В сущности, это первое в мире успешное женское восхождение на семитысячник. Хотя попытки были и до этого. В следующем, 73-м году Эльвира организовала и возглавила еще одну женскую экспедицию, которая совершила траверс легендарной Ушбы. Это и есть факты, с которыми не поспоришь. Однако в чем-то Дайнюс был все же прав. Хотя правота его лишь подчеркивала, умножала их подвиг. Можно только предполагать, до какой степени отягощало их боту наше мужское неверие. В одной из статей, посвященных первому женскому восхождению, Эльвира сала: «Психологический барьер, его преодоление - вот одна из основных задач нашего восхождения-эксперимента... И реплики скептиков: дескать, женщины и суток не, могут прожить без эксцессов - звучали предостерегающе. Может, это иногда и бывает правдой».

Они справедливо считали, что в их лице экзаменуются женщины. Любой промах вызовет восклицание: «Женщины!» А самое главное, - возглас этот при случае готов был сорваться из их же собственных уст. Они старались провести свой поход, загнав «под каблук» женские эмоции, - спокойно, без спешки, с мужской выдержкой и рассудочностью. Все это дало психологическое состояние, которое называют «жизнью с оглядкой».

Они были скромны в своем женском самоутверждении - без замахов на большой спортивный скачок, без желания привести мир в изумление, вызвать овации. Женское

восхождение лишь очередной, последовательный шаг этих спортсменок, тот, что находится рядом с достигнутым. Они пошли на него, хоть в душе и подозревали: а не лежит ли он за пределом их женских возможностей? И не действует ли здесь «табу»? Поэтому подходили к делу разумно, осторожно, больше всего боясь переоценки своих сил. Еще в Москве Эльвира сказала мне: хочу, дескать, провести восхождение под девизом: «Тише едешь - дальше будешь».

То же самое говорила она и Володе Кавуненко, который уговаривал Эльвиру идти на пик Хан-Тенгри.

Этот северный форпост крупнейших вершин Земли по тяжести прохождения можно сравнить с гималайскими восьмитысячниками, хотя формально он в «номенклатуру» не вошел - до семи тысяч не дотянул пяти метров (6995). Образно говоря, стужей тянет даже со страниц истории этой горы. Здесь и в базовом лагере - на высоте четырех тысяч метров - посреди жаркого августовского лета свирепствуют снежные бури. Люд 1 с трудом пробираются от палатки к палатке. Можно себе представить, что наверху... Большую часть года вершину скрывает мощный слой облаков. Кажется, будто они приделаны к ней навечно, как купол зонтика к трости, и так же незыблемы, как и сама гора. Бесконечные снегопады. А лавины идут с частотой метропоездов. Погода меняется быстро, резко и неожиданно. Недаром район этот называют «гнилой угол».

...Кавуненко убеждал Элю ехать в Тянь-Шань, поскольку и сам планировал штурм Хан-Тенгри. Он ей доказывал: ничего, дескать, страшного нет, иной раз и пятитысячник, на который идешь без опаски, такого перцу задаст, что после год неохота смотреть на горы, зато недоступная вершина вроде пика Победы вдруг на всем маршруте возьмет да и «солнце повесит». Самое главное, выбрать нужный момент - мы его выберем. Взаимодействие, мол, двух групп облегчит задачу и принесет успех и той и другой.

Ему, как и всем нам, было немного боязно за женщин. Зная, что служебные дела могут меня увести из района женского восхождения, он решил, что лучше, если женщины будут поближе к нему. Тогда их можно подстраховать незаметно для них.

Но Эльвира не отвлекалась от темы «Женское восхождение». Женское! Она сразу же усекла подтекст и заявила Кавуненко:

- Ты думаешь, мы понарошку? А вы вправду! Володя, мы ведь не за призами. Других, может, иной раз и есть смысл обмануть, но себя-то зачем же? Запомни: самые большие скептики в этой истории сами же женщины. Понимаешь? Я сама в себя верю не до конца, хотя и побывала на Ушбе и Корженевской. Спорю сама с собой и иду на пик Ленина, чтобы еще раз себе доказать. А ты, джентльмен, на Хан-Тенгри под ручку меня приглашаешь.

Но от опеки избавиться нетрудно, если ее не хочешь. И отказалась она, конечно, не по этой причине: она понимала, что Хан-Тенгри им пока еще не по силам.

Они не хотели рекламы, громких газетных статей и безмерных преждевременных восхвалений. Вот письмо, которое написала Эльвира Ильсиар Мухамедовой незадолго до выезда на Памир.

«М о с к в а

Элка, здравствуй!

Вот и начнем отсчитывать денечки до встречи. Уже недолго. Радость через край. Хочу тебя еще раз поздравить с «женским днем» — днем, когда утвердили нашу группу.

Стоит ли изливаться? И так все ясно. Только еще - не верится.

У меня к тебе дело. Первое - не забудь карточку медосмотра взять с собой. Второе - не знаю, возможно это или нет - палатка, в которой вы жили с Галкой на поляне, хороша. Не смогла бы ты такую достать? Нам, конечно, дадут, но, видимо, памирку. И третье. Свое любимое (конфеты, сигареты или что-либо другое) припаси как свое фирменное блюдо к «дамскому столу».

Наши шефы В. М. Абалаков и В. Н. Шатаев верят нам и в нас очень и очень. Думаю, что мы не подведем. Тетки собираются хорошие.

Элка, я очень суеверная. Ради всего - никому никаких интервью. Пусть мы уедем молча, ага? Не хотелось бы никаких упоминаний ни строчкой, ни словом. Хотя в Союзе уже знают, так пусть знают. Но ничего нового ни о себе, ни о группе, ни о восхождении. Раннее толкование не лучший исход нашего дела.

Поняла намек?

Целую. Шатаева».

На другой день — 28 июля - я проснулся, не было еще шести. Парусина скатов желтела, словно подсвеченные витражи. Я приоткрыл полог и увидел чистое небо, яркое солнце и обнаженные горы. Казалось, на всем полушарии ни единого облачка.

Я разбудил Дайнюса, «показал» ему погоду, и без лишних слов, поздравив друг друга с добрым утром, стали укладывать рюкзаки. Через час в память о нашем пребывании остались лишь белые камушки.

Перед уходом я заглянул в памирку к Эльвире. Она спала - крепко настолько, что против губ на подушке виднелось влажное пятно. Глядя на нее, вспомнил слова Евгения Тура, сказанные им где-то в журнальной статье: «Когда мне говорили, что альпинизм делает женщин грубыми и мужеподобными, я всегда приводил в пример Эльвиру, ее изящество, женственность, необыкновенную душевную щедрость».

Мы оставили им записку о том, что пошли «погулять» на пик Ленина, и отправились в лагерь оформить заявку на восхождение. По дороге встретили знакомого парня из Ленинграда. Узнав о нашей затее, он сказал:

- Вы что, рехнулись? Вдвоем по такому снегу?! До пяти тысяч не дотянете - сдохнете!

Дотянем. С нашей акклиматизацией можно на восьмитысячник. За последний месяц мы, что называется, прописались на высоте. Погода и спортивная форма давали все основания рассчитывать на успех.

28 июля поднялись на 4500. Можно было двигаться дальше, но решили, на первый день хватит. Зато назавтра к вечеру оставили под собой полуторакилометровую вертикаль и лагерь разбили на отметке 6000 метров.

Уставшие, но с настроением именинников и с сожалением, что альпинизм не имеет зрителя, мы легли спать. Но перед тем как заснуть, все же устроили сами себе овации, и этого нам хватило.

Утром 30 июля погода по-прежнему стояла хорошая, распалая наш восходительский азарт. Поразмыслив немного, мы оставили рюкзаки и палатку, проглотили по банке сока и двинулись в путь. К 16.00 вертикаль в 1150 метров вся до последней пяди ушла вниз. Под нами пик Ленина... Десять минут на процедуру с запиской, которую заложили в туре у бюста Владимира Ильича. Десять минут счастья - на этот раз особенно обостренного чувства. Может, оттого, что подъем сопровождался постоянным ощущением точности, мастерства, необычного темпа?

В 16.10 начали спуск. Однако...

Еще на подходе к высшей точке черно-серый вал облаков надвинулся на вершину. Сильный ветер со шквальной внезапностью закрутил повалившийся снег. Видимость 10-15 метров. Мелкий след на последнем участке замело через четверть часа.

Положение не просто трудное - критическое: палатки, рюкзаки с едой, примус с горючим, снаряжение остались в лагере на 6000 метров. Надо спускаться, но куда? Выбора нет. Выход только один - положиться на собственный альпинистский нюх, иначе «холодная» ночевка. На вершине да в такую погоду.

Ветер валил с ног, забивая лицо жестким, колючим снегом. Скрючившись, чуть ли не утыкаясь в колени лбом, через каждые два-три шага пережидая невыносимые порывы метели, почти вслепую мы все-таки двигались вниз. Через час, даже при этой ничтожной видимости, нам стало ясно, что находимся на неизвестных склонах... Но куда бы ни идти, лишь бы чувствовать под ногами спуск.

Возможно, мы вышли из этого адского горизонта, возможно, погода попросту начала униматься, но вскоре ветер ослаб, прояснилось, стало теплее.

Книзу склон расходился веером, напоминая метлу. Дайнюс заметил первым и радостно крикнул: «Метла!» Все-таки мы везучие: «метлой» называют хорошо знакомый альпинистам маршрут...

В тот день мы спустились к пещере на 5200. Нашли там все, что нам было нужно: продукты, мешки, снаряжение, а главное - примус с горючим. Переночевали в сытости и тепле. Назавтра поднялись на 6000, сложили палатку и с полными рюкзаками вернулись обратно. Приближаясь к «обжитой» высоте, еще издали заметили знакомые памирки и поняли - женщины. Пещеры пришлось им не по душе, и они устроились на поверхности, поставив палатки шагах в двадцати.

Нас встретили Эля, Нина Васильева, Валя Фатеева. Остальные уже спали. Все трое взялись хлопотать насчет ужина.

Мы принялись рассказывать о своих приключениях... Дайнюс намеренно вскользь, между прочим заметил, что с 4500 на 6000 поднялись за один день. Нам все же очень хотелось аплодисментов. И мы их дождались. Нина, округлив от удивления глаза, переспросила:

- Полторы тысячи?! Вдвоем по такому снегу?! Слышали, девушки?

- Это вредная для нас информация, - вмешалась Эльвира. - Девчата, запомните: как говорят в Одессе, не берите себе это в голову! Мы сами по себе. Ни за кем втянуться не станем. У них свои задачи, у нас свои. Им :с нашей не справиться никогда - пусть попробуют совершить женское восхождение!

- Это не фокус, - сказал Дайнюс. - Случается, и мужчины ходят по-женски... Мы как-то с Володей видели: шесть мужиков забились в нишу и ждали, когда помрут. Пришлось применить силу. В буквальном физическом смысле. Нахлестали троим по щекам - остальные сами пошли... Теперь каждый праздник шлют телеграммы...

- Да... - вздохнула Эльвира. - Грубой мужицкой силы нам не хватает... Ладно, - заключила она. - Пусть так: брюки - хорошо, платье - плохо. Но мы останемся в платье - подражать никому не станем, Опху устраивать не будем. Мы создадим свой стиль восхождения - женский, поскольку не должны и не можем ходить так, как ходят мужчины. Торопиться нам некуда. Контрольный срок у нас 9 августа, и к этому времени траверс через вершину Раздельную выполним.

Задача их выражалась тремя словами: траверс пика Ленина. Это в данном, конкретном случае означало: подняться по маршруту через скалу Липкина, пересечь вершину и спуститься на другую сторону через вершину Раздельная. Это и есть план, к нерушимости которого наши женщины, по понятным читателю причинам, относились более свято, чем в подобных случаях мы, мужчины. Мы посмотрели б на это просто: удался траверс — хорошо, нет, и не надо — будет вершина. Они же считали, что им этого делать нельзя, чтобы не вызвать очередного обобщенного восклицания: «Женщины!»

...Они накормили нас котлетами с гречневой кашей, напоили чаем с вареньем.

Ели мы с аппетитом. Эльвира, улыбаясь, откровенно смотрела мне в рот - ей нравился мой аппетит...! В штормовках и с ледорубами они оставались женщин нами... Минут через десять все, что я съел, было на снегу. Эля забеспокоилась, но состояние у меня было такое, что готов хоть еще раз идти на вершину.

- Не волнуйся. Все нормально. Так у меня уж второй день. Ты же знаешь - на высоте это бывает. Потом мы надели рюкзаки. Но прежде чем уйти, я отозвал Эльвиру в сторону и сказал:

Потом мы надели рюкзаки. Но прежде чем уйти, я отозвал Эльвиру в сторону и сказал:

- Если увидишь, что кто-нибудь на пределе, оставляйте вещи, палатки на 6500, штурмуйте вершину и возвращайтесь по пути подъема – пусть без траверса! Обещаешь?

- О чем речь, Володя? Если кто-нибудь заболит, никакая вершина в голову не пойдет. Тут же начнет спуск. Но если поднимемся на вершину, от траверса отказываться не

станем. Пойми - нам это неудобно. Если база предложит - другое дело...

- База может не знать ваших дел.

- Мы ничего не скроем, все доложим как есть. Дайнюс уже поджидал меня шагах в сорока ниже. Я двинулся в его сторону, но, пройдя немного, обернулся и крикнул:

- До скорой встречи в Москве! Пригласи всех девчонок к нам в гости!

В 23 часа мы прибыли в лагерь и подсчитали, что весь поход длился 80 часов - со всеми блужданиями и повторным восьмисотметровым подъемом - с 5200 на 6000.

Приняв поздравления товарищей, легли спать. Служба призывала меня в Москву. Утром самолетом прибыли в Душанбе, и в тот же день я вылетел домой.

7 августа 74-го года в адрес Комитета физкультуры .. и спорта СССР прибыла телеграмма из международного лагеря «Памир». В ней говорилось о гибели Швейцарской альпинистки Евы Изеншмидт. Причина: экстремальные метеоусловия, сложившиеся в районе пика Ленина.

Вечером того же дня мы с заместителем председателя комитета В. И. Ковалем вылетели в Ош. Прибыли ночью и немедленно связались по радио с лагерем. 8 августа в эфир вышли слова: «Случилось большое несчастье...»

«...2. Заболевание двух участниц в момент нахождения команды на вершине значительно осложнило положение группы и способствовало трагическому исходу.

3. Основной причиной гибели группы явились крайне сложные внезапно возникшие метеоусловия, ураганный ветер со снегом, резкое снижение температуры и атмосферного давления, отсутствие видимости...»

Из выводов официальной комиссии.

Катастрофа

«...Сегодня 13 августа. Шагаем мы третий день. И осталось нас трое... Трижды три девять... А их было восемь. Нет. Сначала их было девять. Одна им не подошла - они единогласно ее отчислили... У Соколова рваная пуховка. Где он ее порвал? Интересно, если распахнуть пуховку, можно на ней полететь при сильном ветре? А если придумать гарпун и стрелять из него веревку с приспособлением, чтоб могла зацепиться?.. В любую непогоду, при нулевой видимости... Выстрелил - зацепилась. Подтянулся... И снова на сорок метров вперед... С такой штукой они, возможно, спаслись бы... Дурацкое солнце палит без меры... Кто это обвязал мне лицо марлей? Ах да... Только что подходил Давыденко и сказал, что на скуле у меня волдырь - солнечный ожог... Он нацепил мне повязку, а я не заметил, потом спохватился, хотел сорвать, но спохватился еще раз - они меня наверх не пускали, а я обещал, что все будет в порядке... О'кэй. Американцы - крепкие ребята. У них все О'кэй. Когда я спросил, хорошо ли маркировали, сможем ли потом отыскать тело, они сказали: «О'кэй». После я видел, как плакал Шонинг... и у меня тоже все будет О'кэй - зря беспокоятся... Зачем я взял на себя руководство... Зачем?! Все верно... Так получилось... Где он заболел?.. Метров триста назад... У него, видно, не ладится с высотой... И сам же отправил его вниз вместе с сопровождающим... Все верно: нас было пятеро — теперь трое... Трое? Все верно — Давыденко, Соколов и я... Надо выйти вперед».

- Соколов! Давай меняться. Я пойду первым. ...Черт, какой жуткий снег! Никак не утопчешь... И тишина... Хоть бы где-нибудь что-нибудь грохнуло... Лавина бы сорвалась... Этот скальный выступ похож на кошку... Я не люблю кошек. Они злобны и лживы... А Эля любила... Она доверчивая... Потому и любила кошек. Ее нельзя было обманывать. Стыдно? Не то слово... Она нежная была... Была?! Была!.. «Горы улыбаются» - поэты смотрят на них снизу вверх... Разве это улыбка?! Это кошачий оскал... Это безмолвный ХОХОТ... Стоп! А где наши лопаты?! Неужели на биваке забыли?! Чем будем рыть могилы?! Тьфу, черт... вот же она, под клапаном рюкзака... А если бы им костюмы с электрообогревом? Крохотный аккумулятор... Или атомный источник? И пломбу на тумблер: «Вскрыть только в экстренном случае». А кислород? Баллон? Тоже с пломбой? Еще десять килограммов на спину? А как быть с давлением?.. Покричать бы, повыть... Уйти куда-нибудь за перегиб и там орать на весь Памир... Взорвать эту идиотскую тишину... Как же могло такое случиться?! Ведь кругом были люди! На той стороне Корепанов с группой, на этой команда Гаврилова — там ведь Костя Клецко! Японцы, американцы... Каких-то пятьсот-шестьсот метров. Это поражает? А почему не поражает другое: когда у постели умирающего десяток врачей, а он умирает, и никто не может ему помочь? Близок локоть, да не укусишь»-теперь до конца ясно, что означает эта пословица... Может, самые драматичные фигуры в этой трагедии те, кто был рядом и не сумел помочь... Я не хотел бы быть на их месте... Так мы и не нашли следов их бивака на шести тысячах... то был еще добрый бивак, Эля передала оттуда: «Пришли на шесть тысяч метров, отдыхаем. Уже шипит примус. Настроение хорошее». ...Это было 1 августа в 20 часов...

...Каждый шаг приближает нас к страшному месту... До встречи осталось немного - каких-нибудь 200- 300 метров по вертикали. С базой было у нас несколько сеансов связи, и каждый раз втайне я ожидал чуда, каждый раз перед включением рации мне грезился голос: «Володя, она нашлась...» Хотя еще в лагере кто-то сказал мне: «Японцы как будто ее опознали». «Как будто»... - тупые ножницы: не столько режут, сколько мнут и

дырвят... Я все-таки верил. Но вера уходил? с каждой новой связью, с каждым метром высоты... Наконец я сказал себе: «Хватит морочить голову — она там, на склоне возле вершины». С этой секунды веру в чудеса сняло как рукой. Я готовился к встрече. Я боялся ее - боялся себя. Я сейчас восходитель. Руководитель. Я обещал, что все будет в порядке. Мало того, меня отпустили не на последнее свидание. По делу. Из всех находившихся в лагере я один хорошо помнил их в горной одежде. На этом сыграл - формальный повод, который под конец пригодился всем, кто устал меня отговаривать, убеждать...

Их нужно опознать и составить описание. Описание обязательно. Через год их снимут и отдадут родственникам. Кто будет снимать? Надеюсь, что я. Но все может случиться. Здесь нужен документ.

Портативный магнитофон «Сони» под свитером давит на ребро. Я держу его здесь, чтобы не замерзли батарейки. Он раздражает, но боли не чувствую. Кто будет диктовать?

Ребята мрачны. Идут, низко согнувшись, надвинув на глаза капюшоны, глядя под ноги. Их сгибает не столько усталость, сколько предстоящая встреча. Я знаю - они предвидят сцену... Жуткую сцену... Где мне взять силы, чтобы этого не случилось? Ясно только одно - на высоте семь километров никто не должен трепать нервы другим ни при каких обстоятельствах. Только сейчас стало понятно, какую моральную обузу взяли они на себя, согласившись идти со мной...

Гребень неподалеку. Где-то здесь 2 августа в 13 часов Эльвира передала на базу: «Осталось около часа до выхода на гребень. Все хорошо, погода хорошая, ветерок несильный. Путь простой. Самочувствие у всех хорошее. Пока все настолько хорошо, что даже разочаровываемся в маршруте...»

Что было дальше? Об этом известно немного. Источник единственный - радиопереговоры, восстановленные мной со слов их участников. В тот же день, 2 августа, в 17 часов женщины передали на базу информацию не менее жизнерадостную и оптимистичную, чем та, что поступила в 13 часов. Лагерь пожелал им спокойной ночи, и связь на этом закончилась.

3 августа, 8 часов утра. Эльвира: «Решили взять день отдыха». База (В. М. Абалаков): «Эльвира, тебе видней. Как ты решила, так и будет. Не спешите. В перспективе прогноз хороший». Сверху после штурма вершины навстречу женской команде шла группа Гаврилова. Мастер спорта Олег Борисенок находился на связи, слышал сообщение женщин и передал им: «Мы идем к вам. Скоро увидимся и поговорим».

3 августа, 17 часов. Эльвира: «Я права, что взяли день отдыха!» База: «Не сомневаюсь, тебе видней, тебе доверяю. Ты предложила - я согласился».

Эльвира: «Завтра хотим подойти под вершину - проделать большую работу за счет отдыха. Может, сделаем попытку выйти на вершину». Утром 4 августа где-то у высшей точки двигалась вверх группа Георгия Корепанова. Они шли с другой стороны. К вечеру, достигнув вершины, начали спуск и до темноты успели спуститься на несколько сот метров в обратном направлении, к вершине Раздельной. Между этими тремя подвижными точками - командами Шатаевой, Гаврилова, Корепанова - и базой поддерживалась регулярная связь - то ли прямая, то ли путем передачи через посредника. Внизу передачи вел Виталий Михайлович Абалаков.

4 августа, 17 часов.

Эльвира - базе: «Пока мы с вами поговорили, ребята «сделали» пик Ленина (имеется в виду группа I); Корепанова. - В. Ш.}, Нам завидно. Но завтра нас тоже можно будет поздравить. Пусть Корепанов нас встречает на Раздельной, греет чай. Поздравляем Жору с днем рождения. Желаем всего доброго. Несем тебе презент. Пик Ленина ты уже покорил, теперь желаем восьмитысячника».

Корепанов - Эльвире: «Жду презент. Подходите. быстрее. Продолжаем греть для вас чай. Идите быстрее. Нужна вам эта гора? Если б меня не гнали, я бы не ходил».

Эльвира - Корепанову: «Погода портится. Идет снег. Это хорошо - заметет следы. Чтобы не было разговоров, что мы поднимаемся по следам». В момент этой связи группа Гаврилова отдыхала рядом с женским биваком на высоте немного выше шести тысяч метров. Один из ведущих участников группы, заслуженный мастер спорта Константин Клейко, запросил лагерь.

Клейко - базе: «Какие будут указания?»

База: «У девушек все хорошо. Эля доложила. Самочувствие прекрасное. Она доложила свои раскладки по времени. Я им подсказал кое-что. Считаю, что вам надо спускаться вниз и завтра спускаться дальше».

Однако о самочувствии женщин Гавриловны имели ^ гораздо больше сведений, ибо видели их воочию, совместно распивали чай. Девушки и в самом деле чувствовали себя хорошо.

5 августа, 8 часов утра. Борисенок - базе: «Погода хорошая. Тепло. Сейчас соберемся и будем спускаться с шотландцами». База: «Хорошо, если они согласны, спускайтесь». Группа Шатаевой еще спала. Связи с ними не было. 17 часов.

Шатаева - базе: «Мы вышли на вершину». База: «Поздравляю!»

Читатель, видимо, догадывается, что общая стратегия передвижения групп была продумана и попутно с личными восходительскими целями предполагала некое патрулирование мужских команд во время нахождения женщин на склоне - для подстраховки, на всякий случай. Однако, как бы тщательно ни скрывался факт подстраховки, там, на месте, он становился «секретом полишинеля». И не исключено, что именно поэтому женщины затягивали восхождение, стараясь вырваться из-под опеки, выбирая для переходов моменты наибольшего удаления «опекунов». Сначала группа Гаврилова - Клецо, по понятным причинам, не спешила со спуском. Но, получив указания с базы, двинулась вниз и 5 августа в 17 часов вышла к японской пещере на 5700. В 17 часов в передачу «База - Шатаева» включился Олег Борисенок. Узнав о благополучном выходе на вершину, он сказал:

«Очень хорошо. Желаем удачного и скорейшего спуска. Жора ждет не дождется своего презента».

Шатаева - базе: «Видимость плохая - 20-30 метров. Сомневаемся в направлении спуска.

Мы приняли решение поставить палатки, что уже и сделали. Палатки поставили тандемом и устроились. Надеемся просмотреть путь спуска при улучшении погоды». База: «Согласен с таким решением. Раз видимости нет, лучше переждать и в крайнем случае здесь же, на вершине, переночевать, если это возможно». Шатаева: «Условия терпимые, хотя погода не балует, видимости нет. Ветер, как нам и говорили, здесь всегда. Думаю, не замерзнем. Надеюсь, ночевка будет не очень серьезной. Чувствуем себя хорошо».

База: «На вершине неприятно и действительно ‘ холодно. Не исключено, что ветер и дальше будет не меньший. Может, и больший. Постарайтесь пораньше проснуться, просмотреть и найти путь спуска и, если будет возможность, сразу следовать на спуск».

Борисенок: «Спокойной ночи. Удачной ночи».

6 августа, 10 часов утра.

Шатаева - базе: «Погода ничуть не изменилась. Видимости никакой. Мы встали в 7 часов и все время следим за погодой - не появится ли просвет в тумане, чтобы определиться, сориентироваться на спуск. И вот уже 10 часов, и ничего, никаких улучшений. Видимость все такая же низкая - примерно 20 метров. Что нам посоветует база, Виталий Михайлович?»

Абалаков: «Давайте в 13 часов поговорим. Перекусите».

13 часов. Шатаева (в голосе слышатся тревожные нотки):

«Ничего не изменилось. Никаких просветов. Ветер начал крепчать, и довольно резко. Видимости тоже нет, и мы не знаем: куда же нам все-таки двигаться? Мы готовы в любой момент выйти. Но время прошло... Мы сейчас готовим обед. Хотим пообедать и быть наготове, чтобы собраться за 10-15 минут, не больше. Имеет ли Жора для нас какие-нибудь рекомендации? Сообщите, не идет ли кто в нашу сторону?»

В группе Гаврилова связь вел Борисенок. Он вмешался в разговор: Борисенок - Шатаевой: «Просим сделать маленький’ перерыв. Мы сейчас свяжемся с Жорой».

Группа Корепанова находилась за перегибом и прямой связи с вершиной не имела. Борисенок вызвал Корепанова и передал ему вопросы Эльвиры. Корепанов - Борисенку: «Ухудшение погоды заметно на гребне и ниже. Вверх сегодня выходят отдельные восходители, но, по всей вероятности, на вершину выхода не будет. Если кто и вышел со своих биваков, будут, видимо, возвращаться из-за непогоды». Через несколько минут Борисенок пересказал Шатаевой содержание разговора с Корепановым.

Шатаева: «Куда же все-таки идти, если стать лицом к обелиску?» Клецко: «Станьте лицом к обелиску и по левую сторону начинайте спуск...» Клецко - Корепанову: «Как спускаться дальше?» Корепанов: «Очень трудно дать консультацию по радио. В принципе там ясного спуска нет, такие... перемежающиеся поля. Спускаться можно в том случае, если есть следы от предыдущих групп. Если их нет и никакой видимости, то лучше сидеть и пережидать непогоду. Спуск в сторону Раздельной неявно выраженный». Клецко - Шатаевой: «Если непогода и ничего не видно, то лучше оставаться на месте». Шатаева: «Мы сейчас обсудим и примем решение».

17 часов. Шатаева - базе: «Погода нисколько не улучшилась, наоборот, ухудшается все больше и больше. Нам здесь надоело... Так холодно! И мы хотели бы уйти с вершины вниз. Мы уже потеряли надежду на просвет... И мы хотим просто начать... по всей вероятности, спуск... Потому что на вершине очень холодно. Очень сильный ветер. Очень сильно дует. Перед спуском мы, Виталий Михайлович, послушаем вас - что вы нам скажете на наше предложение. А сейчас нам хотелось бы пригласить к радиостанции врача. У нас есть вопрос, нам нужно проконсультроваться».

Группа Гаврилова расположилась в тот момент на 4200. Борисенок - Шатаевой: «Подождите, будьте на приеме».

Борисенок: «Просим выйти на связь Толю Лобусева» (находился в лагере на 5300 метров со стороны Раздельной).

Лобусев: «В чем дело? Какая нужна консультация?»

Шатаева: «У нас заболела участница. Ее рвет после приема пищи уже около суток. У нас подозрение, что ее беспокоит печень».

Вопросы и ответы с целью установления диагноза.

Лобусев: «Предполагаю, что это начало пневмонии. Группа должна немедленно спускаться».

Шатаева: «У нас есть небольшой комплект медикаментов» (перечислила).

Лобусев рассказал, что, когда и в какой дозе колоть, какие препараты сразу, какие через два-три часа.

Шатаева: «Мы поставлены в такое положение, что не знаем, как разделить лекарства — у нас еще одна участница неважно себя чувствует...» Снова выяснение симптомов и рекомендации врача.

Абалаков - Шатаевой: «Объявляю вам выговор за то, что не сообщили раньше о больной участнице. Срочно выполнить указание врача — сделать укол — и немедленно спускаться по пути подъема, по маршруту Липкина».

Шатаева: «Я поняла. Хорошо. Сейчас же сделаем уколы, собираем палатки и немедленно - через 15 минут - начинаем спуск. Все, что касается выговора, предпочитаю получить внизу, а не на вершине».

Альпинисты, как и большинство взрослых людей, питаются три, от силы четыре раза в сутки. Эльвира сказала: «Ее рвет после приема пищи...». Значит, этот симптом у больной проявился не более трех-четырех раз. Возможно, больная не придавала этому нужного значения и, чтобы не вызывать беспокойства подруг, умолчала о своем состоянии. Естественно думать: если бы команда об этом узнала раньше, то запросила врача к аппарату при первой же связи.

Другое. У женщин не было никаких причин скрывать болезнь участницы — вершина взята и после тяжелой ночевки траверс вряд ли их соблазнял. Альпинист знает, что это

противоестественно. После таких испытаний вместе с силами из человека уходит и честолюбие. Остается лишь долг и подчинение дисциплине (у сильных людей). У них, как известно, и то и другое было особо обострено. Лишь это удерживало их от самостоятельного решения спускаться маршрутом Липкина. Люди в их положении могут мечтать только об одном: скорее оказаться внизу — неважно как, а лучше всего «взмахом волшебной палочки». В переговорах эта нотка явно звучит. Легче представить, что болезнь участницы послужила бы поводом для спуска всей группы наиболее простым путем. Но нетрудно понять и В. М. Абалакова. Уже более суток женщины находятся на вершине, уже несколько дней в районе семитысячной высоты, в условиях недостатка кислорода и едва переносимого холода, в условиях, где давление в два с лишним раза меньше нормального. Он нервничал и, что называется, взорвался, когда неожиданное сообщение ударило по его и без того натянутым нервам. Всякий другой на месте этого волевого и сдержанного человека сказал бы, возможно, еще более резко.

В тот день связи больше не было. Женщины начали спуск. Но о событиях этого вечера стало известно из утренней передачи 7 августа. Запросив Шатаеву, лагерь услышал:

Шатаева - базе: «Вчера в 23 часа при спуске трагически умерла Ирина Любимцева...»

...Да. Там у болезни особое время - равнинный час подобен горной минуте... Там от простуды умирают быстрее, чем истекают кровью... Мне знакомо состояние человека, потерявшего в походе товарища. Все, к чему рвался, теряет цену, становится лживым и злым...

Они - женщины... Убитые несчастьем, изнуренные высотой, заостеневшие от холода, нашли в себе силы сопротивляться. На узком, продутом ледяными ветрами гребешке - слева обрыв, справа крутой склон - поставили две палатки. В самом широком месте помещалась только одна, вторую разбила ниже...

7 августа в два часа ночи на вершину обрушился ураган. Ураган - в самом энциклопедическом понимании этого слова. Как объяснить, что это значит?.. Тот, что приходит вниз и срывает крыши, ломает стены, рвет провода, корчует деревья, сносит мачты... наверху намного свирепей. Здесь он свеж, не истрепан хребтами... А человек, попавший в него, подобен мошке, затянутой пылесосом, так же беспомощен, и если по сути, то с тем же непониманием происходящего...

Ураган разорвал палатки в клочья, унес вещи - рукавицы и примусы в том числе, - разметав их по склону. Кое-что удалось спасти, и самое главное - рации.

Они передали об этом утренней десятичасовой связью. Лагерь слышал плохо, и Борисенок повторил передачу на базу.

Через пятнадцать минут после принятого сообщения, несмотря на плохую погоду, из базового лагеря вверх вышел отряд советских альпинистов. Самостоятельно, по собственной инициативе на помощь потерпевшим отправились французы, англичане, австрийцы.

Японцы покинули свой бивак на 6500 и двинулись в сторону гребня. Два часа бесплодных, с риском для жизни поисков во мгlistой беснующейся круговерти... Они сделали все, что могли... Увы! Ничего не смогли сделать и американцы.

Следующая связь была около 14 часов. Шатаева - базе: «У нас умерли двое - Васильева и Фатеева... Унесло вещи... На пятерых три спальных мешка... Мы очень сильно мерзнем, нам очень холодно. У четверых сильно обморожены руки...» Гаврилов, слышавший это сообщение, попросил их через 30 минут связаться с лагерем и повторить его непосредственно базе. Около 14.30 группа повторила информацию для базы. База: «Двигаться вниз. Не падать духом. Если не можете идти, то шевелитесь, находитесь все время в движении. Просим выходить на связь каждый час, если будет возможность».

Около 15.15.

Шатаева: «Нам очень холодно... Вырыть пещеру не можем... Копать нечем. Двигаться не можем... Рюкзаки унесло ветром...»

17 часов.

База - Клецко: «Японцы на гребне ничего не обнаружили. Сами обморозились из-за сильного ветра. Все безрезультатно».

19 часов.

База - Клецко: «Наверху трагедия заканчивается. По всей вероятности, протянут недолго. Завтра на утренней связи в 8 часов сообщим, что вам делать. Видимо, подниматься вверх...»

20 часов. Сверху пришло еще одно сообщение о безнадежном состоянии группы. База - группе: «Сделайте яму, утеплитесь. Завтра придет помощь. Продержитесь до утра».

21 час 12 минут. Передачу на этот раз ведет Галина Переходюк. Слышен выход в эфир, но не больше - молчание. Потом плач. Очень трудно понять слова - «простить» или «прости»? Наконец:

Переходюк - базе: «Нас осталось двое... Сил больше нет... Через пятнадцать-двадцать минут нас не будет в живых...»

Еще дважды чувствовалось нажатие кнопки рации - попытка выйти в эфир...

Валерий Переходюк, находившийся с группой (10 человек) на высоте 6000 м сообщил позднее: «Ночью очень сильная непогода. У нас в 23 часа разорвало высотную палатку. Утром 7 августа все пытались выйти, даже сняли палатки, но снова вернулись обратно».

8 августа, 8 часов утра.

База - Клецко: «Шатаеву все известно. Он прибывает сюда».

Альпинисты Японии (6 человек) и США (3 человека) примерно в 11 часов достигли места гибели и обнаружили на высотах 6950-7080 метров 7 тел спортсменок женской экспедиции. Восьмую участницу они не нашли, считая, что она упала вниз со склона.

Японские альпинисты поднялись на пик Ленина и сняли записку, оставленную женской командой. Группа Корепанова и Власова спустилась на 4500, где встретилась с альпинистами из Челябинска. Основная часть группы новосибирцев, а также челябинцев и

поляков в количестве 25 человек, не имея связи с лагерем «Памир», 8 августа спустилась вниз в базовый лагерь.

10 августа. Телеграмма из Москвы в базовый лагерь.

«Приказом председателя Спорткомитета СССР создана комиссия по изучению причин гибели альпинисток на Памире в составе: Коваль – председатель, Журавлев – зам председателя, Хакимова – зам председателя. Члены комиссии: Омурзаков, Абалаков, Ануфриков, Добкин, Рябухин, Сабиров, Шатаев... Запрещено восхождение челябинской группы и Шатаева с целью захоронения погибших на месте в связи с большим риском для жизни людей. Председатель Спорткомитета СССР Павлов».

13 августа.

...Еще один небольшой, но крутой взлет. Сверху склон перегнулся и выпирает остро заструганным поперечным снежным ребром. Может быть, там, за перегибом? Уже пора... Я выхожу на пологий участок. Впереди, шагах в сорока, виден темный крестообразный, вросший в снег предмет... Немного повыше еще один...

Хочу сдвинуться с места, но ноги... Цепляюсь за ледоруб, торчащий из снега, и вглядываюсь со страхом, боясь узнать... Отсюда не различишь — нужно подойти ближе... Но я знаю, что это она...

Сзади Соколов и Давыденко. Смотрят растерянно и оба опускают глаза, когда встречаемся взглядом. Они не знают, как поступить... Обогнать меня, подойти самим или предоставить эту возможность мне? Надо идти...

Я так и знал - это Эльвира. Она лежит лицом вверх, головой к северу, раскинутые руки без рукавиц...

Ребята тактично оставили нас вдвоем и спустились вниз за перегиб. Спасибо им — мне нужно побыть с ней наедине...

Кто-то должен надиктовать на пленку. Магнитофон у меня под одеждой — достать его нелегко... И нужно ли? Шнур микрофона короткий. Если это сделает кто-то из них, я должен стоять на привязи и слушать чужой деловой голос... Стоять и ждать... Лучше самому.

Нажав кнопку пуска, поднес к губам микрофон и сказал: «Эльвира Шатаева... Ногами к югу. Голова в капюшоне. Анорак голубого цвета, пуховка. Брюки-гольф, черные, вибрам двойной, на ногах «кошки». Очков нет. В четырех метрах найдена резинка от очков... В карманах карабин и разные дамские мелочи - маникюрная пилка, щипчики для ногтей, карандаш «Живопись», круглое зеркальце - разбитое (в трещинах).

...Десятью метрами выше. Кажется, Галя Переходюк - узнать трудно... Да, это она - узнаю по шапочке, которую ей связала Эльвира. Пуховка серая. Пояс зеленый на груди. На нем два карабина - один из них «папа Карло». Обута в валенки, сверху чехлы из палаточной ткани. На руках красные шерстяные носки. С правой руки носок сполз, и видно кольцо...»

Мы нашли всех восьмерых. Восьмая - Нина Васильева - лежала в разорванной по коньку палатке под телом Вали Фатеевой, и японцы ее не заметили. Они изучили обстановку визуально, не трогая ничего руками, ибо сочли, что это могло бы противоречить национальным обычаям, этике, ритуалу.

...Мы вырыли две могилы. В одной из них захоронили Нину Васильеву, Валентину Фатееву, Ирину Любимцеву. Во второй Галину Переходюк, Татьяну Бардышеву, Людмилу Манжарову, Эльвиру Шатаеву, Ильсиар Мухамедову. Над могилами из снега торчат черенки лопат и флажки. В туре на куске желтой материи положили консервную банку с запиской о том, что здесь временно захоронены участницы женской команды

Эльвиры Шатаевой. В записке перечисление имен с указанием места расположения каждой...

Прошел год. Все это время ко мне приходили, писали письма, звонили - на Скатертный переулочек и домой — друзья, знакомые и незнакомые альпинисты. Они выражали соболезнование и обращались с одинаковой просьбой: зачислить в экспедицию, которая будет отправлена на пик Ленина для спуска тел.

Незнакомые называли свои восходительские звания, перечисляли заслуги, иногда забывая о скромности, не стесняясь преувеличить, лишь бы попасть в утвержденный список. Иногда на такие звонки я отвечал: «Учтите - вершины не будет...» Но скоро понял, что многих этим попросту обижаю.

Не стану греха таить — слушая эту просьбу от незнакомых, я задавал себе вопрос: «Чего хотят, какую выгоду ищут?» «Выгоду» не нашел, зато нашел ошибку в своих рассуждениях. Оказалось, у задачи неверные данные: они не чужие — они свои. Они альпинисты. Им очень важно сознавать эту братскую близость, быть уверенным в ней, ведь они знают и другое: альпинистская солидарность делает каждого сильнее. Это скорее знание сердца, чем головы. Знание огромной ценности, без которого жизнь альпиниста будет пуста, которое следует закреплять, которому нужно постоянное подтверждение. Они просят включить их в список, потому что всегда ищут повода, чтобы упрочить эту братскую связь. Р1 в этом, пожалуй, их выгода. Им выгодно пойти на риск и лишения, но взамен получить прочную, неколебимую веру в альпинистское братство. Они не могут не пойти еще и потому, что их зовут туда души истинных рыцарей.

Получился конкурс. Утвержденная численность экспедиции - двадцать пять человек. Заявлений - устных и письменных - около сотни. Как отказать, никого не обидев? Я все же думал, не освободившись до конца от своих заблуждений, что многие отпадут сами по себе, что их заявления сделаны в минутном порыве. Но таких оказалось меньшинство. Большая часть все это время аккуратно справлялась о судьбе своих, кандидатур. Пришлось пускаться на всякого рода уловки, придумывать формы отказа.

20 июня 1975 года экспедиция в составе 25 альпинистов выехала на Памир. В нее вошли сильнейшие восходители страны и, конечно же, многие из тех, с кем познакомили читателя эти страницы. Были здесь мастера спорта международного класса Владимир Кавуненко и Геннадий Карлов, мастера спорта Дайнюс Макаускас, Валентин Гракович...

Рвался и Олег Абалаков. Он, разумеется, числился среди первых кандидатур. Но ему не повезло - нелепый случай: получил перелом нескольких ребер во время игры в футбол. К сожалению, к моменту выезда экспедиции он еще недостаточно поправился.

Я был назначен руководителем экспедиции.

Работы проходили строго по графику. Без срывов, без происшествий. Все гладко, как на равнине...

В лагере выросло целое поселение родственников. Через две недели тяжелых трудов тела их близких были доставлены на поляну. Трех увезли домой. Остальных, в том числе и Эльвиру, мы похоронили здесь, поставив им общий и персональные памятники. Поляна поможет сберечь память о них навечно - куда стоят Памирские горы, здесь всегда будут альпинисты...

Был митинг. Были речи — много речей... Непохожих одна на другую — люди здесь говорят от сердца, а у каждого сердца свой голос... И все же звучала в них общая мысль.

Мы альпинисты. Мы испытатели. Легчики проверяют в воздухе надежность конструкции самолета. А мы в горах — конструкцию человека. Его мощь, пределы его физических и психических сил.

А испытатели, случается, гибнут...

Но почему так быстро растут альпинистские списки? Ответу: у нас завидная жизнь! Если даже случилось, что оборвалась она не вовремя, то и тогда ей можно завидовать. Ибо в одну укороченную жизнь проживаем мы много жизней, пересекаем всю историю человечества, восходим к началу людского племени, к трудной судьбе первобытных людей;..

«Секретное оружие»

«Уважаемые господа!

Американский альпийский клуб Соединенных Штатов настоящим приглашает Федерацию альпинизма СССР направить делегацию из шести альпинистов для посещения основных горных центров США. Советские восходители будут почетными гостями Американского альпийского клуба по прибытии в Нью-Йорк и во время всего периода пребывания в стране. Расходы по проезду от Москвы до Нью-Йорка и от Сиэтла до Москвы — за счет Федерации альпинизма СССР. Американский альпийский клуб оплачивает расходы по проезду внутри страны, а также по питанию и размещению. Деньги на карманные расходы, например на сувениры, сигареты и пр., обеспечивает советская сторона. Целью визита с американской точки зрения будет попытка ответить взаимностью на советское гостеприимство, оказанное в 1974 году на Памире, и развитие растущей дружбы, взаимопонимания и культурного обмена между советскими и американскими альпинистами. Нашим гостям будет предоставлена возможность совершить серьезные восхождения на некоторые из лучших американских пиков и стен. Будет также обеспечена возможность встретиться с большим числом американских горвосходителей и посетить предприятия, производящие альпинистское снаряжение. Помимо оплаты проезда, питания и размещения в США, нашим советским гостям будет предоставлена медицинская помощь, почтовое и телеграфное обслуживание, питание и палатки во время восхождений, переводчики русского языка, консультации по маршрутам.

Американский альпийский клуб с надеждой ожидает, что Федерация альпинизма СССР примет это искреннее приглашение, которое направлено на дальнейшее укрепление советско-американской дружбы.

Искренне - Питер Шонинг и Роберт Крэг от имени Совета директоров Американского альпийского клуба».

Нас разместили в роскошном, как выражаются сами американцы, капиталистическом отеле. Словом «капиталистический» они как бы подчеркивают ранг этого заведения, то есть доступный лишь очень богатым людям, капиталистам.

Горный дом «Мохонк» находится в Шавангуке, горной местности, расположенной километрах в ста от Нью-Йорка. Попав сюда, мы сразу поняли, что наши американские коллеги обязательные люди и намерены добросовестно реализовать каждое слово, каждую запятую, содержащиеся в приглашении. Они действительно видят в нас почетных гостей и на самом деле хотят «ответить взаимностью на советское гостеприимство, оказанное...». Заранее скажу: их попытка увенчалась полным успехом. Я не знаю, принадлежит ли «Мохонк» кому-либо из членов Американского альпийского клуба (ААК), или последний субсидирует его, возможно, просто арендует по мере надобности; но отель является своеобразной резиденцией, базой, что ли, клуба - здесь, скажем,

проводится традиционный ежегодный обед с участием наиболее видных членов ААК. По стоимости и комфорту «Мохонк» относится к самым фешенебельным отелям США.

Я не первый раз за рубежом, не первый раз в капиталистической стране, и все-таки каждый раз меня смущало непривычное, сверхслужливое поведение гостиничной прислуги - это распахивание перед тобой дверей, мгновенный подхват поклажи... Более того - меня это просто сковывало. Я боялся робкого, сверх-деликатного стука в дверь, который, как правило, означал появление горничной, портье. Мне было не по себе от этой читавшейся в глазах готовности обслужить, предупредить желание, броситься выполнять любую просьбу. Я бы даже не назвал это услужливостью, лакейством. Нет, людей этих никак нельзя было упрекнуть в потере чувства собственного достоинства. Я понимал, что большинство услуг вовсе не являются плодом собственной инициативы - они традиционны, что называется, слагаемые давно заведенного порядка, который служащие добросовестно выполняют. И все-таки уставал от какого-то неосознанного смещения чувств. С одной стороны, нечто похожее на то, что здесь по ошибке сильно преувеличивают значение моей персоны: дескать, кто я такой, чтобы эти люди предупреждали каждый мой шаг?! С другой... Мне, например, кажется, что я никогда бы не позволил себе сесть в коляску к рикше... А здесь было ощущение, будто меня посадили в портшез и понесли на прогулку. Оказалось, в нашей группе не только я испытывал такое чувство. Вечером в номер ко мне зашли Валентин Гракович и Слава Онищенко. Гракович сел в кресло и с ходу сказал:

- Все хорошо. Нет только одной вещи... И это большой недостаток.

- Какой?

- В коридоре над дверью нужно табло: «В услугах не нуждаюсь!» Нажал кнопку и сиди себе отдыхай спокойно.

- Не поможет.

- Почему?

- Постучат и спросят: «Не забыл ли мистер Гракович выключить табло?»

Валентин засмеялся, потом сказал:

- Зря грешим. В назойливости их, пожалуй, не упрекнешь. Просто неловко как-то. Вертятся вокруг тебя, точно ты принц наследный.

- С непривычки это у нас, - заговорил Онищенко. - Кстати, мне кажется, им все равно - принц ты или дворник. Ты - гость отеля. Их товар - комфорт. Платишь деньги - получаешь товар, кто бы ты ни был. Поскольку деньги сумасшедшие, то и товар, стало быть, высокого качества. Профессионалы здесь вышколены. Качество товара - вопрос их профессиональной чести и... хорошей зарплаты. Постучали.

- Легки на помине, - усмехнулся Валентин. В дверь, однако, вошли Анатолий Непомнящий, наш спортсмен, мастер спорта, и Фриц Виснер, известный американский альпинист, член ААК, прибывший сюда специально, чтобы сопровождать советских восходители. Они недоуменно смотрели, не понимая, почему их появление так распотешило нас. И смеялись вместе с нами, узнав, в чем дело. «Они-то чего гогочут?! - подумал я. - Им это не должно казаться таким уж смешным». Но тут же нашел ответ: у всех хорошее настроение, оттого и готовность смеяться по любому поводу. И понятно: все довольны встречей и той непринужденностью, которая появилась сразу, можно сказать, с первых минут.

Валя обратился к Виснеру:

- Фриц, признайся, вы нарочно поместили нас в этом отеле?!

Виснер знал несколько слов по-русски, мы - по-английски. Зато Толя Непомнящий говорил на английском почти как на русском. Он переводил все речевые тонкости.

- Не понимаю, почему «нарочно»? Вам не нравятся условия? - удивился Виснер.

- Нарочно. Чтобы расслабить нас, разнежить, растлить роскошью. Чтобы подорвать

нашу боеспособность. После такой ночевки попробуй переночуй на скальной полке!

- О да! - засмеялся Фриц. - Это наше секретное оружие.

- Дорогое оружие! - заметил Анатолий. -: Уж не могли придумать что-нибудь подешевле. Вы же, американцы, умеете считать?!

- Умеем. Но нам для русских ничего не жалко.

- Ну, не волнуйся, - вмешался я. - Мы тоже не лыком шиты. - Этот оборот вызвал затруднение с переводом, но Фриц быстро разобрался, запомнил по-русски и потом то и дело употреблял его. - Мы тоже привезли с собой секретное оружие. Сильное, но дешевое. Супердешевое!

- Гм, любопытно. Что бы это могло быть?

- Узнаешь. Завтра же узнаешь. Сережа Бершов на восхождении его продемонстрирует.

- Я хочу узнать еще сегодня. Пойду к Абалакову, Попробую расспросить его. Он добрый человек, он не допустит, чтобы я умер от бессонницы.

На другой день мы поднялись в шесть утра и через час были готовы к выходу на скалы.

Издали, особенно с птичьего полета, они, вероятно, смотрятся так, точно их сотворили люди. Будто специально построили некую тренировочную «натуру». Нам, москвичам, скажем, приходится искать полуразрушенные здания и заниматься на их стенах. А здесь...

Представьте себе скальную гряду, которая тянется всего лишь на полтора километра. Но это серьезные, альпинистски сложные скалы с множеством интересных маршрутов, большинство которых не ниже 3Б категории трудности. Иные участки (таких немало) проходятся буквально на грани человеческих возможностей. Американцы классифицируют их символом «5,11» (в США классификация отличается от нашей - здесь определяют маршрут не в целом, а указывают степень сложности каждого участка в отдельности. Это дает представление о том, что ожидает восходителя на пути подъема), что соответствует нашей «шестерке».

Удивило нас и другое: за скалы надо платить! Они, ссызается, принадлежат хозяину отеля. Цена, правда, слишком высокая: 4-5 долларов в год. Но доход, видимо, отнюдь не символический, если учесть, что по субботам и воскресеньям на маршруты выходят до пятисот человек. Каждый взамен утраченных долларов получает значок.

Мы избрали довольно трудные пути. Но не самые сложные. По американской расценке они тянули от «5,5» до «5,8». «5,8» в переведена наши понятия означает примерно 5б категорию трудности. Нам не хотелось сразу, как говорят, брать слишком круто. Можно и сорваться - всякое бывает! Это не лучшая заявка на уважение. Мы обязаны были побеспокоиться о своей репутации. К тому же, прибыв в чужую страну, хотели сперва выяснить здешнюю реакцию на наше искусство, точно так же как актеры в чужом городе первую сцену проводят осторожно, чтобы выяснить зрителя, узнать, насколько он требователен. А главное, мы вообще смотрели на эти выходы как на разминку. По дороге к нашим маршрутам я сказал Сереже Бершову:

- Вчера мы заинтриговали Виснера нашим «секретным оружием».

Сергей сразу понял, о чем идет речь.

- Ясно, - ответил он. - Нужно обставить это как следует. Вот смеху будет!

У подножия скал много народу. Здесь не все восходители - много зрителей. Их, пожалуй, большинство. Наша группа сразу привлекла к себе внимание. Кроме сопровождавших нас американцев, с которыми нам предстояло выступить в связках, просто любопытных, здесь, как водится, оказались и репортеры. Онищенко с Бершовым составили связку. Они подошли к стене, прицельно осмотрели нижнюю часть маршрута. Потом Сергей, начинавший движение, ухватился рукой за выступ, поднял было ногу. Но, глянув вдруг на нее, словно спохватившись, ударил себя по лбу.

- Слава, - сказал он, показывая на обувь, - где наши пуанты?

Ох, черт, и я забыл!

Они присели на камни, разулись. Потом залезли в рюкзаки и достали предметы, которые привели публику в волнение. Жадная до сенсации, она на этот раз имела ее сполна. Каждый из них держал в руках пару новеньких, блестящих резиновым лаком галош. Ребята надели их на тонкий носок и накрепко привязали тесемками - точь-в-точь как балерины завязывают пуанты.

Виснер сначала смеялся вместе со всеми. Но лицо его вдруг вытянулось, побледнело. Он бросился к Абалакову и заговорил взволнованно и так быстро, что Толя не успевал переводить.

- Они, кажется, и в самом деле хотят идти в галошах. Но это опасно. Это очень опасно! Это сложный маршрут. Нельзя же рисковать жизнью ради шутки. Вы мудрый человек, вы должны остановить их, они вас послушают...

Виталий Михайлович объяснил ему, что это не шутка, что ребята лишь придали этому вид шутки - галоши не только проверенная, но и привычная для советских скалолазов обувь. Меня несколько удивило: Виснер, многоопытный альпинист, мог бы сразу оценить ее достоинство. Но тут же понял: он просто ошалел от неожиданности. Так и есть. Он улыбнулся и смущенно сказал:

- Действительно, как это я сразу не подумал?! Галоши не только хорошее трение обеспечивают, но и сохраняют отчасти гибкость ступни.

Застречкотали кинокамеры, защелкали затворы фотоаппаратов... Виснер, Непомнящий и я составляли другую связку. Мы примерялись к своему маршруту. К нам подскочили репортеры и чуть ли не хором задали один и тот же вопрос:

- Что они делают?

- Как что? Разве вы не видите? Надевают галоши.

- Зачем? Чтобы пойти в них на стену?!

- Конечно!

- О! Это прекрасно! - воскликнул один из них. И, застрочив в блокноте, диктовал себе: «Секретное оружие» советских альпинистов. «Галоши» по-русски звучат так же, как и по-английски...»

Возможно, это его отчет я читал позднее: «Бершов, чемпион Союза по скалолазанию, начал маршрут с такой обезьяньей ловкостью, что сразу вызвал к себе всеобщую симпатию. Разумеется, разделив ее не только с напарником, но и... с галошами...»

Вокруг стоял человеческий гомон. И сквозь плохо понятную мне английскую речь то и дело пробивалось: «галоши, галоши...» Повсюду слышался смех. Но в смехе этом звучало веселое восхищение — то, которое в русском языке очень точно передает расхожее выражение: «Во дает!»

За исключением Виталия Михайловича, который по причине возраста в восхождениях не участвовал, мы все неплохо прошли свои маршруты. Валя Гракович шел в связке с американцем. Двигались в среднем темпе, особо не торопились, памятуя о той особой ответственности, которая ложится на спортсмена за рубежом: не ударить в грязь лицом. Пусть лучше помедленней, но чтобы без срывов - не только в прямом, он и в переносном смысле.

Однако... спускаемся вниз и вдруг узнаем: оказывается, мы провели свои восхождения в неслыханном темпе, в невиданно короткие сроки! Выяснилось, что, скажем, маршрут, на который отводится обычно не менее пяти с половиной часов, пройден нами за три с половиной

Чужой крюк

По окну ползает пчела. Взлетает, бьется о стекло, снова ползет, срывается и опять... Она ищет выход. А в пяти сантиметрах над ней раскрытая настежь форточка. Глупая пчела - отмечает наш глаз. Именно глаз - разум не откликается на подобные пустяки.

Нет, поведение пчелы ничуть не глупее поведения человека в таких обстоятельствах. Она в том положении, когда «за деревьями леса не видно». Она в положении подвешенного на скале альпиниста, которому бескрайний камень горою не видится. :

Камень... камень... камень... Нет конца и края этой шершавой тверди. Нет, потому что глаза в тридцати-сорока сантиметрах от гигантской стены, по которой ползешь, как пчела по стеклу. И ожидание выхода на полку или в какой-нибудь кулуар не снимает до конца тревожного чувства бескрайности этого опасного пути. Разум знает - сердце не верит... Над головой и чуть левее зацепка. Она кажется прочной... А вдруг отвалится?! Вторая точка опоры под левой ногой. Именно точка. Множеством геометрических точек этот уступ в виде двухсантиметровой скальной заусеницы можно назвать только от глубокой иронии к самому себе. Ладно, при большом оптимизме можно уверовать, что благополучие пройдешь эти полтора метра. А дальше что? А дальше все та же степень риска - чуть больше, чуть меньше А потом опять... И снова... И еще раз опять... Я думал об этом. И тогда меня начинает стегать мерзким потным страхом теория вероятностей - шансы на срыв все не временны, весь вопрос, сколько их и из какого числа: из десяти, из ста?..

Как они пробились, через какой лаз проникли мне в голову, эти парализующие, едкие мысли?! Мне сейчас кажется, что по-другому быть не может и никогда не было - они неизбежны в таком положении. Но ведь я точно знаю: ничего подобного не было на тех сотнях маршрутов, пройденных мною за восходительскую жизнь. Я проходил стены весело, с интересом, глядя лишь вверх и думая лишь о том, что любопытного ждет меня там, высоко над головой. Могло ли быть по-иному? И разве не устал бы я от альпинизма, если б каждый подъем проходил столь мучительно?!

Метры все же уходят вниз вместе с душевными силами, вместе с моим весом. Сейчас над головой футов двадцать залезанной, черствой стены. (Здесь считают :а футы, и мне теперь это кажется правильным. Еще 'лучше считать бы на пяди - слишком тяжело дается не каждый шаг.) Ее можно траверсировать вправо, есть за что зацепиться рукой, неплохой выступ для но.. А дальше трещина, в которую можно заклинить кулак, использовать его как искусственную точку опоры, подтянувшись, выйти на полку.

Я уже запустил пальцы в скальную выбоину, когда в полуметре над собой заметил свежесбитый крюк. Пробовал и убедился - сидит прочно. Крюк отмыкал лобовой путь. А он намного короче и надежней. Я подумал: если этот крюк не коварство судьбы, то в нем ее искренняя помощь, и уж хотел было прощелкнуть на него карабин. Однако...

Сперва возник голос самолюбия. Оно вздыбилось с ходу, как второй конец палки, на которую наступили. То самолюбие, что больше всего и движет душой альпиниста. Оно взбунтовалось, поскольку не успело еще подладиться под новые и пока непонятные ему проявления моей психики. Забыв обо всем, я решил пройти стену свободным лазанием.

Я ухватился за верхнюю зацепку, поднял ногу, чтобы шагнуть на уступ, но... ничего не вышло. ЭТО вновь надвинулось на меня. ЭТО заставляет меня смотреть вниз. А там уйма маленьких человечков, многие из которых держат подзорные трубы, бинокли, чтобы подробней меня разглядывать. Нас разделяет метров пятьсот. Около двух троллейбусных остановок. Когда я сорвусь, то пролечу в свободном падении две троллейбусные остановки! Упаду на острые камни и буду выглядеть так, словно по мне колотили кулинарным молотком.

Я смотрел вниз! Делал то, чего научился не делать еще в начале своей альпинистской жизни. Смотрел глазами непривычного к высоте человека. У бывалого альпиниста взгляд вниз предназначен для деловой оценки, не более того. Он не вызывает каких-либо мрачных ассоциаций, не будит гнетущего, чреватого паникой воображения. Восходитель не примеряет себя к высоте - он от нее независим. Что с моими глазами? Они безвольны, против моего желания опускаются вниз, резко падают, как у куклы, о переведенной в горизонталь. Они велики, глаза моего страха! Но, к счастью... Ни один орган не способен так быстро перестроиться, как глаза. Они перестроились, обрели свои прежние размеры — присмотрелись к двум троллейбусным остановкам по вертикали, воспринимают их сейчас более отчужденно, равнодушно. Теперь взгляд на трещину, куда намерен вставить кулак, чтобы подтянуться. И снова сомнение... с неизменным здесь спутником — страхом. Надежна ли трещина? Вдруг раскрошится камень, выскочит кулак? Но и этот страх меркнет в сравнении с паникой, которая меня охватывает оттого, что вижу, как рушится, крошится осыпается мой опыт, как распадаются проходные восходительские понятия, аксиомы. Я впадаю в альпинистское младенчество, теряю способность оценивать простейшие ВЕЩИ. Смотрю на трещину, оценка которой заслуживает лишь беглого взгляда, и сомневаюсь, как новичок. Это равносильно сомнению в обжигающем свойстве огня, охлаждающем действии льда. Что со мной происходит?! Странная, аномальная потребность анализировать и убеждаться в правильности основополагающих, опорных понятий, заново открывать, что стул для того, чтобы на нем сидеть. Откуда она взялась, эта чертова амнезия, эта потеря альпинистской памяти?!

Меня преследует чувство, будто что-то должно случиться... со мной или хуже того - по моей вине. И каждый раз наплывает картина: перед глазами тела на белоснежном скате пика Ленина... В ней, кажется, истоки моей болезни.

Все это мелькает в секунды. Но чудится, будто нерешительность моя тянется часы, видна и понятна всем - партнерам и даже публике, следящей за мной сквозь оптику. Пора наконец сделать выбор. Я говорю себе: сомнение в моем деле, как и деле канатоходца, больше, ЧЕМ что-либо, имеет роковые последствия, его можно ело маркировать черепом с двумя костями. Я должен одолеть себя. Поблажка себе - это поблажка страху. Это хворост в огонь. Дальше может быть только выбор: или конец альпинизму, или конец особенной жизни — рано или поздно, в некий злосчастии момент страх уведет меня в пропасть в самом физическом смысле этого слова.

Я решился. Я изготовился. И в тот же момент поднять во мне от самого живота, буйно воспряло упругое чувство - злобный протест: на черта мне сдалось это приключение, кому и ради чего нужен этот дурацкий, тем более здесь, в чужой стране, где лежит на повышенной ответственность?! О чем я думаю? Вот ж, который открывает прямой и короткий путь, за который можно с гарантией зацепить свою жизнь! Я использовал крюк, быстро прошел стенку и оказался на маленькой площадке. Обеспечив страховку, принял сюда Непомнящего и Виснера. До высшей точки маршрута оставалось немного, и мы

легко одолели этот участок.

Наверху я заметил, что Фриц Виснер чем-то недоволен. Нет, он не сердился, даже напротив: опускал глаза и был явно смущен. Смущен, видимо, тем, что не знал, как деликатнее выразить свое замечание. Наконец, преодолев себя, он сказал:

- Извини, Володя, у нас это не принято.

- Что не принято?

- Пользоваться чужими крючьями. Я говорю не о тех, что попались внизу. Эти - стационарные. Они - принадлежность маршрута, ими пользуются все, без них нельзя обойтись. Речь о последнем - его забила шедшая перед нами связка.

- А что с ним будет, с крюком?! - обиженно ответил за меня Непомнящий. - Что, мы его погнули, сломали?! В конце концов, мы готовы отдать за него десяток. - Толя немного слукавил. Он прекрасно понимал, что Виснер имеет в виду другое.

- Ну что ты! Крюка не жалко.

- Ясно. Дело в принципе: священное право собственности!

- Собственность здесь ни при чем. Это вопрос этики...

- Понятно, Фриц, - перебил я его. - Ты хочешь сказать, что чужой крюк - это чужое достижение.

- Да, да! Именно это. Нас вправе упрекнуть в несамостоятельном восхождении. Мы, по сути дела, воспользовались чужой помощью. Кстати, крюки на этих маршрутах вообще нежелательны. Здесь ценят, когда их проходят свободным лазанием.

- По-моему, излишняя щепетильность. У нас с этим проще: сегодня я воспользовался его крюком, а завтра он - моим. Так же как у нас не считается зазорным в случае крайней необходимости идти по чужим следам. Наша этика позволяет...

- У нас вообще... разный подход к некоторым нормам, - прервал меня Анатолий. - Я вспоминаю, как западные немцы на альпинистских привалах жуют каждый свой бутерброд... Откровенно скажу: нам это не по душе.

- Ты не прав, Толя, - быстро, взволнованно заговорил Виснер. - Виной тому не образ мысли, не национальный характер и не проявление индивидуализма. Дело куда проще. Это всего лишь вопрос тактики переноса грузов. У вас один несет чай, другой - сахар. А немцы считают, что лучше, если каждый будет иметь в рюкзаке комплект продуктов и распорядиться ими, как захочется. К тому же человек может сильно отстать, потеряться.

- А ты не находишь, что такую тактику диктует некое свойство души, которое называется индивидуализмом? Знаешь, эдак незаметно, подспудно наводит на чужую мысль, и в результате отыскиваются именно такие, близкие сердцу варианты?!

- Это слишком сложно... - усмехнулся Виснер. - И умозрительно. Индивидуализм

диктует все и всем. Не только западным немцам. Вы повсюду говорите: коллективизм - основа восходительства. Это снаружи так выглядит. А вовнутрь заглянешь, все оказывается по-другому. Я говорю о большом альпинизме, а не о том, где собираются молокососы, чтобы поклясться друг другу в верности и, возможно, даже за компанию умереть. Мастер альпинизма - это личность. А личность склонна к обособлению. Это у нее защитное свойство - чтобы сохранить - свою цельность. Сильные альпинисты движутся группой, и все-таки каждый идет сам по себе. Он замыкается на своем ощущении гор, переживании трудностей маршрута, побед и неудач. Он держит в себе эти чувства, не испытывая ни малейшего желания с кем-либо поделиться ими... Да зачем я вам все это говорю, будто вы не знаете, что настоящий восходитель связывается веревкой с партнерами только по крайней необходимости?! Что отсюда - явление одиночек?! И что большинство из нас идут в коллективах не по зову души, а по велению разума?! Вам не хуже, чем мне, известно: хождение в группе - сложное, тонкое искусство. Умение во всех случаях оставаться хорошим, честным товарищем - признак высокой альпинистской зрелости. Но это не дает вам права считать, что альпинизм - маленькая модель коммунизма.

- Все это признаки индивидуальности. Индивидуализм - совсем другое дело. Нельзя путать эти понятия. К тому же зря ты так смело говоришь за всех альпинистов мира. Я действительно люблю переваривать горы уединенно. Но я же и люблю ходить в них компанией. Я ни за что бы не пошел одиночкой, даже если б это было совсем безопасно. Все это сложно и не может быть однозначным. И вообще... по-твоему, выходит, что на альпинизме не может оставаться какой-либо национальный или социальный отпечаток. Получается, он не подвержен национальному влиянию?

- Подвержен. Но не в главном. В главном наоборот: это он образует особую международную общность - альпинистов.

- Вот и вернемся к нашим баранам. Мы ведь и не говорим о главном. Разве вопрос, как относиться к чужому крюку, - главное в альпинизме?

- Ну хватит! - вмешался я. - А то этому конца не будет.

Я оставался в стороне от беседы. Мне не до разговоров. Мне сейчас хватало своих переживаний, своих размышлений. И весьма драматичных. Тех, что привели меня к очень удобному, но отторжимому душою выводу: ладно, проживу и без альпинизма. Виснер, видимо, заметил мое настроение, понял, о чем я думаю, и сказал:

- Не надо расстраиваться, Володя. Ваш авторитет от этого несколько не упал. Мы считаем вас сильными альпинистами и высоко ценим советскую восходительскую школу. Смотри, сколько там народу наблюдает, уверен, все они в восторге от вас. А крюк — это маленькая оплошность. Я досадовал... мне хотелось, чтобы все прошло идеально. К тому же по-своему ты поступил правильно. У вас другой альпинизм, поэтому другие правила. Ты сказал: в случае необходимости идете по чужим следам и знаете, что никто вас в этом не упрекнет — ни в душе, ни вслух, и я подумал: ваш альпинизм то и дело ставит людей в условия, когда игра кончается, когда не до спорта — начинается борьба за жизнь. И тут условности не имеют никакого значения. Этот фактор очень влияет на все ваше альпинистское мировоззрение. У нас тоже есть такой альпинизм. Но он представлен всего лишь одной горой - Мак-Кинли, на Аляске.

Разумное объяснение. В целом. Тяжелых для меня частностей Виснер не знал... И все-таки меня радовало уже то, что он сам до этого дошел - не пришлось оправдываться. Я несколько ободрился, хотя в душе оставался свинцовый осадок. Вечером в номер ко мне зашел Непомнящий и снова завел разговор о злосчастном крюке.

- Если разобраться, - сказал он, - в упреке Виснера ничего нового. Хоть и нет такого правила, но и у нас использование чужого крюка не доблесть. Только не бери все на себя. Я себя укоряю. Сделал бы то же самое - не задумываясь подвесился бы на эту железку. По-моему, все мы не в ту тональность попали - что-то вроде экскурсионного настроения. Еще встреча такая: «представители», «делегаты»! Словно не работать придали, а для осмотра экзотики.

Я молчал. Он пришел, чтобы меня успокоить, и наивно думал, будто мне это непонятно.

- А почему мы расслабились? - продолжал Анатолий. - Может, потому, что свысока смотрим на их нравственность? Они, мол, здесь за лучший кусок в глотку друг другу готовы вцепиться. Если у нас такой поступок не осуждается, то здесь тем более? Немного подзабыли, что имеем дело с альпинистами!

* * *

Американская пресса, понятно, не обошла нас вниманием. Отражала визит советских весьма подробно. Мы постоянно глядели на свое отражение и пришли к выводу: утомительная это штука, зеркало. Особенно если оно не слишком точное. Случалось, правда, и так, что приходилось говорить себе: «Нечего на зеркало пенять...» Но так бывало редко, поскольку нас все-таки больше хвалили.

В первые же дни газеты поместили отчеты о наших тренировках в Шавангуке. Много говорили о необычайной скорости прохождения маршрутов, ничуть не жалея превосходных степеней. Пришлось, однако, проглотить и весьма ощутимую ложку дегтя - «чужой крюк» не ускользнул от внимания репортеров. Был юмор по поводу галош Сережи Бершова и Славы Онищенко. Была и некоторая торопливость в оценке и толковании фактов. Кто-то из журналистов, услышав звон, не дал себе труда разобраться, где он, и выдал «уличающие» строчки с броским аншлагом: «Русские приехали без снаряжения!» В этом подобии правды не содержалось ни полправды, ни четверть правды. Наша федерация договорилась с ААК: мы берем только легкое снаряжение (крюки, карабины, закладки); пуховыми мешками, палатками, веревками, ледорубами нас снабдят на месте. На тех же условиях в следующем году должен проходить и ответный визит американцев. Это вызвано ограничением перевозки грузов на самолете. Но... вероятно, соблазн уличить советских в нищенстве оказался сильнее, чем забота о репутации своего печатного органа. Но, повторяю, это были лишь мелкие пятнышки на общем фоне доброжелательства. ...Началась наконец истинно деловая часть нашей поездки. Мы сели в самолет и полетели с востока на запад, в центр страны, штат Вайоминг. Здесь в Тетонских горах нас ожидал популярный в Штатах массив Гранд-Тетон. Ночь провели в Джеконе, небольшом городке неподалеку от Гранд-Тетона, и на другой день отправились в район восхождения.

Утро оказалось не слишком добрым. Накануне весь вечер готовились к выходу - паковали рюкзаки, проверяли веревки, карабины... Но, пробудившись, увидели сырые

унылые окна. Шел дождь, способный вызывать юмор разве что у людей, которым все равно сидеть дома. Мы красноречиво посмотрели на нашу альпинистскую совесть - Виталия Михайловича, — и суровый, несгибаемый Абалаков ответил:

- Куда же, к черту, в такую погоду?! Сидите уж. Может, к обеду пройдет... Протеста это, понятно, не вызвало хотя бы уж потому, что выпал случай поспать лишних пару часов. Однако... В дверь постучали. Вошел местный гид, знакомивший нас с достопримечательностями района. Сейчас он прибыл, чтобы доставить нас на исходную точку маршрута.

- Одевайтесь, пошли! — сказал он.

- Куда?!

- На маршрут.

- Но дождь?!

Губы его искривились в усмешку:

- У вас нет снаряжения на случай дождя?! По-моему, вы просто плохие альпинисты. Непонятно, за что вас хвалят? - сказал он не моргнув глазом.

Фигурального смысла в его ответе не содержалось, доброй иронии тоже. «Плохие альпинисты» значит плохие альпинисты. По лицу его было видно, что он раз и навсегда сделал вывод о нашей квалификации.

Настроение было испорчено. И дело не в грубости гида. Это, как говорят, факт его биографии - ему и расстраиваться. Но он и впрямь попал в болевую точку. У меня нет здесь возможности подробно рассматривать положение с альпинистским инвентарем. Повторю лишь то, о чем неоднократно говорилось в нашей спортивной периодике: проблема эта далека от решения. Сейчас нас заставили краснеть, ибо мы и в самом деле не имели горной одежды от дождя.

У подножия стены нас ожидал Роберт Уоллес - двадцатилетний профессионал, совершивший с клиентами не один десяток подъемов на эту гору. Роберт занимается некоторыми восходительскими исследованиями. Его волнуют проблемы питания и досуга в горах. У него приветливое лицо и вместе с тем цепкий, пристальный взгляд.

Когда сопровождающий оставил нас одних, Уоллес сказал:

- Я, по правде говоря, не думал, что вы пойдете в такую погоду.

- Мы бы не пошли, - ответил Непомнящий, - но нам сказали... - Толя повторил «глубокомыслие» нашего гида и добавил: - Честно говоря, нас это несколько удивило.

- Удивило? Почему? Вы что, решили, что по нашу сторону земли нет дураков?! По-моему, это племя населяет планету весьма равномерно.

Маршруты к самой вершине Гранд-Тетон несложны — не выше 3Б категории трудности.

Отдельные участки, правда, могли бы потянуть на 5Б, но их немного. Ничего достойного описания на подъеме к высшей точке не случилось. Читателя мог бы заинтересовать лишь небольшой, но важный для этого повествования разговор, который вышел у меня на биваке. Но стоит ли давать из-за него малоинтересные подробности?! Мы позорили здесь еще несколько вершин, но с большинством из них не связано сколько-нибудь значительных воспоминаний — лишь отдельные, правда, важные, штрихи. Вот почему я решил отступить немного от фактологической правды и собрать их воедино, начинить ими какой-то один маршрут. Мне придется для этого составить группу из людей, которые ходили со мной здесь же, в Тетонском районе, но в разное время. Надеюсь, читатель простит мне это маленькое литературное ухищрение, поскольку я прибегаю к нему ради его же (читателя) пользы — чтобы не нарушить цельность рассказа.

Итак, идет дождь. Кажется, будто начался он в день первого пришествия и кончится разве что со вторым. В такую погоду забываешь, как выглядит солнце. Холодный, всепроникающий ветер пробивает тепловую защиту, пронизывает душу и вызывает в ней печаль по самой себе. Она почему-то зрится синей и сморщенной, как оципаный заморыш-цыпленок.

Мы несем на себе пуд воды. Карабкаемся по мокрым, скользким камням. Дождь пожирает трение. От него и впрямь - лишь мокрое место. Если оно, трение, где и усилилось, так это между ляжками рюкзака и плечами. Господи, до чего ж прекрасен высотный мороз! Зимняя Ушба мне кажется раем. Этот нижний кусок маршрута - до перевала - считается легким, по бумагам - не более «тройки». Но мне припомнился американский анекдот, в котором гангстер утверждает, что ватой можно убить, если в нее завернуть утюг. Природа плевала на нашу восходительскую арифметику и завернула сегодня в легкую вату тяжелый утюг. Американцам все-таки легче - дождевые анораки спасают наших хозяев. Их пятеро: Роберт Уоллес, наш знакомый по лагерю «Памир-74» Питер Лев и знаменитый первопроходец по западному ребру Эвереста (1963 г.) Вилли Ансоелд с дочерью и сыном.

Идем двойками. Я в связке с Граковичем. Вперед. Онищенко с Бершовым. На Славе Онищенко лежит еще одна нагрузка: он сдерживает молодость Сережи Бершова. Чемпион Союза по скалолазанию торопится - я потому, что умеет торопиться, и потому, что в эту гнусную погоду душа его тянется к биваку, который ждет нас на перевале, и потому, что при всей осторожности большого мастера все-таки молод и увлекается, забывая порою об опасности, о нехватке трения. Но заматеревший в горах Онищенко тоже чемпион того же ранга - только по альпинизму. И если скалолазание — искусство прохождения стен, то альпинизм к тому еще (а может, прежде всего) искусство человеческого поведения. Слава умеет разговаривать с людьми! Ему без труда удается сдержать Сережино рвение.

Такая же забота отягощает и Вилли Ансоелда. Он то и дело покрикивает на дочь. Семнадцатилетней Нанда-Дэви не то что дождь - ей море по колено. Этот бесенок шастает по скалам словно паучок по паутине, И в этом деле всем нам, кроме Сережи, могла бы дать фору. Они с Бершовым могли бы составить блестящую связку. Наш чемпион был бы в ней первым, хотя преимущество его не так уж разительно.

Наконец перевал. Но главная радость в том, что мы вышли из полосы дождя. Зато ветер здесь достигает почти ураганной силы. Страшно подумать, но нужно ставить палатки.

Даже тонкие стойки с трудом рассекают этот плотный, чуть ли не зримый поток

воздуха - вот-вот согнутся, выскочат из гнезда. Полотнища надуваются купе лом. Удержать их стоит большого труда. Кажется, еще немного, и унесут тебя в воздух, как дельтаплан. Каждую палатку приходится ставить всем скопом... Но все имеет конец. Затянут последний палаточный люкс. И тут происходит такое, отчего Валя Гракович зеленеет и, распираемый злостью, выдает какую-то заумь:

- Интересно, как она выглядит, эта стерва?

- Какая?

- Природа. Блондинка она или брюнетка? До чего ж охота ей плюнуть в рожу! - шипит он.

Я - да и вся компания - разделяю Валины чувства: лишь только мы завязали последний узел, ветер утих - резко, внезапно, будто вышел весь воздух, - на западе в клиновидную дыру меж двумя вершинами вывалилось большое хохочущее солнце.

Питер Лев притащил вязанку дров, заброшенную сюда еще кем-то до нас, и мы развели костер. В ожидании ужина Вилли Ансоелд взялся отчитывать Дэви. Он это делал мягко, деликатно, с оттенками нежности в голосе.

- Ты слишком легкомысленна, Дэви, - говорит он, - за такое легкомыслие в горах платят жизнью!

Дэви обнимает отца, прижимается щекой к его овальной густой с проседью бороде и... обвиняет его в трусости. Глядя на нее, думаю: пересек океан, чтобы снова увидеть привычный тип русской девушки. Светловолосая, крупная, с молочным цветом лица и здоровым румянцем во всю щеку, она походила на тех наших сельских красавиц, ядреный вид которых ничуть не лишает их нежности.

- Ты не должна называть меня трусом по трем причинам, - шутливо отвечает ей Вилли. - Во-первых, потому, что я твой отец. Во-вторых, потому, что я почтенный профессор философии. И с твоей стороны непочтительно так говорить. В-третьих, я покоритель Эвереста. Разве я могу быть трусом?! Вот знак моей храбрости. — Профессор снял ботинок, показал стопу без пальцев и, обращаясь к нам, уже всерьез добавил: — 63-й год, Эверест!

Гракович, загадочно улыбнувшись, посмотрел на меня. Я понял его, снял ботинок и показал свою беспалую ногу.

— О! — удивился Ансоелд. — Значит, и ты из клана беспалых?! Где?

— Пик Коммунизма, 72-й год.

— Этот ваш пик, видимо, серьезная гора!

— Вполне. Шутить не приходится.

— Слушай, Дэви, поедem в Россию, сходим на этот нашумевший пик?

— С радостью, папа. Но сначала мы должны побывать на моей горе.

— Знаете, — говорит Вилли — почему ее зовут Нан-да-Дэви?

— Догадываемся, — глядя куда-то в небо, с усмешкой произносит Валентин. — Сумасшедший папа назвал свою дочь в честь Гималайской вершины Нанда-Дэви. Черт меня дернул связаться с этими шизоидными альпинистами!

— О! Надо посмотреть на эту вершину, чтобы понять меня. Красота и величие... Но это не главное. Я никогда не видел более таинственной горы, более недоступной осознанию, проникновению в ее сущность. Поистине вещь в себе! Как юная дева, мечтательна, поэтична. И вместе с тем открыта, обнажена, словно женщина в «мини». И чем больше обнажена, тем недоступней смысл тайны, в которую хочешь проникнуть. Нужно покорить ее, чтобы возникла хотя бы иллюзия проникновения в ее глубину...

— Это хорошо сказано! — перебил Гракович. — Я всегда думал: горы манят нас потому, что они единственная вещь в себе, которая хоть частично позволяет проникнуть в свое нутро.

— Точно, — вмешиваюсь я. — Природа создала кролика, чтобы делать из него зимние шапки, а горы — чтобы лазить по ним. Раз мы поднимаемся на вершины, значит, постигаем их смысл.

— Этот скептик, — показывает Ансоелд на меня, — пытается нас приземлить. Ничего не получится. Мы еще немного летаем на крыльях философии.

— По-моему, здесь больше пахнет мистикой, чем философией.

— Правильно, — вдруг подает свой голос Дэви. — Но мне кажется, нельзя стать альпинистом, не имея на дне души хоть немного этого чувства.

— Мистики?!

— Мистики. Наша тяга к горам замешена на ощущении колдовства, таинственных сил, вере в чудеса. Без этого мы бы слишком рационально смотрели на жизнь, чтобы ходить в горы. Альпинизм и поэзия — близкие понятия. Больше того: альпинизм — это вид поэзии.

Вилли с восторгом смотрел на дочь. Временами окидывал взглядом нас, как бы проверяя: разделяем ли мы его восторг, понимаем ли отцовскую гордость? Мы и впрямь были поражены глубиной рассуждений этой семнадцатилетней девочки.

— Если б вы могли заглянуть ко мне в душу... — продолжала Дэви. — Я все время думаю о моей горе. Мне кажется, есть что-то такое, что связывает меня с ней... со дня моего рождения.

— Дэви, — попросил отец, — прочти свои стихи.

Уж стаи птиц покинули меня,

И облака дрейфующего скрылся лик.

Одна, но рядом башня — Чин-Тинг пик.

Мы вечные друзья, эта гора и я.

Теперь я должен нарушить временную последовательность своего рассказа и забежать вперед, чтобы одним разом сказать все о прекрасной девушке Дэви.

Год спустя в одном из альпинистских журналов Америки появилась иллюстрированная статья. На верху страницы справа - фото Дэви Ансоелд, слева - ее стихи. Затем следовало сообщение:

«Дорогие друзья,

Дэви умерла от острого брюшного заболевания, осложненного большой высотой, 8 сентября на высоте 24 000 футов (7320 м. — В. Ш.) на Нанда-Дэви, горе, по имени которой она была названа, во время альпинистской экспедиции в Индии с ее отцом и рядом других американских и индийских альпинистов.

Тело Дэви будет оставлено с горой, которую она любила...»

История эта и впрямь отдает мистицизмом. Однако мой опыт и некоторое знание восходительской психологии подсказывают достаточно реальное объяснение этому таинственному факту. Оно кажется мне достоверным хотя бы уж потому, что ничего нового в поведении психики человека на большой высоте я в данном случае не вижу. И если не считать это простым совпадением, то могло быть так.

Дэви «разрушила» самоё себя. Она много лет готовилась к такому разрушению. С детства в ней зрело сознание, что ее судьба каким-то образом переплетается с существованием горы Нанда-Дэви. Возможно, в голове у девушки подчас мелькала мысль, будто связь эта для нее роковая, будто тянет ее к той вершине некая черная, inferнальная сила. Все это укладывалось, копилось в подкорке, чтобы потом при удобном случае, в стрессовой ситуации, во-первых, обернуться глубоким, неодолимым страхом и, во-вторых, послужить программой для саморазрушительного поведения организма. Нужен только толчок, чтобы программа эта сработала.

По меньшей мере у половины из тех, кто поднимается на большую высоту, организм где-нибудь, как-нибудь начинает пошаливать. Большинство жалуется на отклонения в работе желудочно-кишечного тракта.

Опытные восходители такие отклонения иногда вообще не принимают за болезнь, считая, что на высоте у них по-другому и быть не может.

Юную Дэви, лишенную опыта высотных восхождений, могли напугать самые первые признаки заболевания. Ее тут же могла ошарашить мысль: «Так вот в чем тайна - она в моей смерти!» Страх, убежденность в подлинности догадки парализовали силы сопротивления организма, открылась возможность к скоротечному развитию болезни, и... этот страшный исход. Словом, вполне допустимо, что Дэви Ансоелд могла убить себя самогипнозом.

Но вернемся к нашему биваку на перевале, где ничто не предвещает будущей трагедии.

«Акция на Эйгер»

...Солнце быстро садится. Сейчас оно застряло меж гор так, словно смотрит сквозь два раздвинутых пальца и уже касается их перепонки. Оно направленно, точно прожектором, высвечивает восточную стену нашей горы - ту самую, по которой нам предстоит подниматься. Я тревожно вглядываюсь в крутые скалы, участки отвесных стен с нависающими каменными карнизами, миновать которые нет никакой возможности; стараюсь унять подло трепещущую душу, когда натыкаюсь глазом на отрицательные углы и многометровые камины.

Рядом со мной полулежит, опершись головой о рюкзак. Валентин. Глаза его тоже устремлены вверх. Временами - я это вижу височным зрением - он косит на меня, коротко, но пристально. От этого мне начинает казаться, что он догадывается о моем состоянии.

- «Пятерка б» тут будет верная, - говорит он. - А то и с лихвой. Кое-где и на «шестерку» потянет. Нужно запастись крючьями, лесенками.

В двух шагах от нас Питер Лев роется в рюкзаке. У костра, где сушатся наши вещи, сидят семья Ансоелдов, Уоллес и Онищенко с Непомнящим. Свесив с валуна разутые ноги, прикрыв глаза, подставил лицо лучам солнца Сережа Бершов.

- Пит, - обращается по-английски Гракович, - расскажи, что там будет? - Он показал пальцем вверх.

Лев нарочито вгляделся в нутро своего мешка, как-то странно улыбнулся и ответил:

- Ничего особенного. Так, пустяки. Сразу же за кулуаром стенка. Потом... Словом, попадутся навесы, пара каминов, возле вершины маятник*- серьезный... Ну, вы -же мастера, для вас нет здесь проблем. - Последние слова он говорит, чуть ли не до самой шеи погружая голову в мешок.

- Ну, хорошо. Скажи тогда, сколько брать крючьев? Пит резко вскинул голову и, посмотрев на нас долгим немигающим взглядом, ответил:

- Крючьев? Ни одного. Всюду, где необходимо, крючья вбиты. Можете их смело использовать. Ими пользуются все. Они стационарные,

- На всякий случай парочку, думаю, надо все-таки взять. Вдруг что-нибудь изменилось?

- Ничего не могло измениться. Я был здесь неделю назад. С тех пор сюда никто не ходил. Американцы вообще бывают здесь редко - очень сложные подступы. И сама вершина находится в стороне, все как-то проходят мимо.

- Что ж, коли так, то совсем хорошо, — по-русски произнес Валентин. Он внимательно

посмотрел на меня и добавил: - Володя, я хочу договориться с Онищенко, чтобы мы с тобой пошли первой связкой. Как ты на это смотришь?

Беспощадный вопрос. Ни грамма возможности увернуться от прямого ответа. Взметнулся как плеть над спиной. Я вдруг понял страшный эффект ловушки: она группирует силы организма в плотный, упругий комок, возникает иллюзия собственной сокрушающей мощи, огромная вера в свою способность вырваться и тут же, с первой попыткой спастись, огорошивает полной безысходностью. Я лихорадочно искал путь ухода от прямого ответа, метался от варианта к варианту, убежденный, что такой существует. И сник, когда понял: возможен лишь односложный ответ. Альтернатива: да или нет - множество слов означает «нет». Я сказал Граковичу:

- Договаривайся.

- Извини, Володя, - просительно заговорил он, - мне хотелось бы пойти в связке первым. Не обижайся, но я нынче... как бы сказать?.. вдохновение чувствую, - произнес он с нарочитым пафосом, - силушка зыграла. «Актер чертов, - подумал я, - делает вид, будто ничего не замечает, не понимает». Валентин сделал мне большое послабление. Но я неожиданно для самого себя закрепил свое и без того прочное положение в капкане.

- Не пойдет. Мне ведь тоже на вторых ролях не шибко весело. Я, конечно, не ставлю вопрос, как ты, но, во всяком случае, отдельные участки хотел бы пройти первым.

В глазах Граковича загорелась веселая, радостная искра.

- Пожалуйста, - сказал он. - Я ведь не настаиваю. Просто я думал, если у тебя нет особого желания... ..Встали, как на селе, — с коровами. Погода оставалась нам верной, и в шесть утра начали подъем. Скалы здесь прочные, не слишком сыпучие. В кулуаре, однако, камней хватает. Мы проходили его осторожно. Но настроение было хорошее. Я вдруг почувствовал былую уверенность - ту, что нынче стал уже забывать Шел быстро и точно, не сдернув ни единого камушка. Минут через двадцать кулуар оказался под нами. Здесь группа связалась двойками, и мы с Граковичем вышли первой связкой.

На коротком отрезке стены, выведившем на небольшую уютную площадку, нашлось много зацепов, уступов, каменных ступенек. Он будто специально создан для лазания. Я поймал себя на том, что испытываю нетерпение охотничьего пса, завидевшего подранка. У меня было чувство, будто вернулся домой после долгих лет странствий. Вот она, долгожданная, счастливая встреча с самим собой. Я узнаю себя... Нет, не вчерашнего. Образца десятилетней давности! Вчера я был уже не таким. Вчера я был тяжеловесней, сдержанней, ироничней. Вчера в горах все было будничным, привычным и мало что могло вызвать этот юношеский трепет. Вчера праздничным оставались лишь сами горы.

Я стоял с задранной вверх головой, пытаюсь придать лицу приличное моему альпинистскому рангу спокойствие. Руки буквально зудели. Гракович кинул на меня тайный взгляд, и в глазах его вспыхнул все тот же радостный огонек.

- Валяй первым, - сказал он.

Я прошел этот участок, как говорят, на одном дыхании. На, площадке, обеспечив страховку, стал ждать Граковича. Он поднялся и, отдуваясь, произнес:

- Ну, ты даешь! За тобой не угонишься. Дальше к вершине нас вел довольно изрезанный скальный рельеф. Путь, однако, просматривался хорошо. Он и впрямь весь маркирован крючьями.

Валентин вышел первым. На пути стоял небольшой скальный барьерчик. Гракович стал ко мне на плечи, ухватился за острый гребешок, подтянулся и перекинулся на другую сторону. Там он натянул веревку, и я, отталкиваясь ногами, шагая по стенке, быстро перебрался к нему.

Здесь перед нами открылась многометровая отвесная стена, венчавшаяся широким карнизом. Путь к нему вел прорезавший скалу, удобный для лазания камин. Поднялись по нему без происшествий и очутились на потолке.

Карниз испещрен крючьями. Вбиты разумно, с пониманием дела. Остается лишь вешать лесенки. Все хорошо. Я увлечен своим занятием, ничто не смущает мою душу, ничто не пробуждает сомнения: ни надежность крюка, на котором я болтаюсь в воздухе, упираясь ногами в две веревочные лесенки, ни страшная высота подо мной. Я чувствую себя здесь уверенней, чем в собственной квартире, когда становлюсь на стул, чтобы вернуть лампочку.

Все было хорошо... пока я не увидел этот перегиб - тот самый, что выводит с потолка снова на стену. Увидел? Все время, что здесь работал, он мелькал у меня перед глазами. Но то были иные глаза - сосредоточенные на трудном, опасном деле. Сейчас перегиб смотрелся на фоне другой картины, на фоне другого перегиба. Снежного, неприметного, каких сотни на пике Ленина, но на всю жизнь отмеченного в моей памяти торчащими из-за белого гребешка, взметнувшимися и навеки застывшими руками женщины. В них застыла мольба о спасении. В них - предсмертный крик. Они - самое страшное, что когда-либо видел я в своей жизни.

Он снова навалился на .меня, мой страх. Я смотрю, с каким трудом преодолевает Гракович этот острый перелом камня, как трется веревка о рашпильное ребро, и покрываюсь холодным потом. Мышцы становятся дряблыми, и кажется, будто хватит небольшого усилия, чтобы они расползлись, как волокна ваты.

Я завис посреди карниза, беспомощно болтаюсь на лесенке, лихорадочно впившись руками в веревку, и панически ищу выхода. Я хочу назад, я хочу вниз, где есть великая опора, именуемая землей. Но назад так же страшно, как и вперед. Назад и нельзя - не пустит веревка... А главное - там, на стене, Гракович...

Нынче, вспоминая тот трудный момент, я с удовлетворением думаю: в самую острую минуту болезни мне ни разу, ни на мгновение не пришла подлая, предательская мысль отвязать веревку - нить, на которой висела жизнь моего партнера. Под натиском хвори дрогнули мои восходительские навыки, но нравственные остались непоколебимыми. И это главный и, возможно, единственный по-настоящему веский аргумент, который дает мне право считать себя до конца состоявшимся альпинистом.

Тянется время. Или оно и вовсе остановилось? Для меня? Кажется, я буду находиться в этом подвешенном состоянии до скончания века, потому что нет у меня сил сделать следующий шаг...

Внезапно что-то скрипнуло надо мной. Я поднял голову и вдруг подумал, что, покачиваясь на лесенках, разбалтываю крюк... Он снова спас меня, этот буйный, разносящий нутро страх. Мне показалось, что крюк вот-вот выскочит, что еще несколько секунд и все, что составляет мое «я», уйдет в пропасть и там, на дне, распадется на мелкие части, раскидается по камням бесформенными ошметками. Мгновенно с неожиданной четкостью я осознал ситуацию, вернулось ощущение времени, и стало понятно: Гракович вряд ли успел обеспечить страховку. Значит, он уйдет вместе со мной... Выход нашелся сразу. Он ошарашил меня своей простотой и легкостью. Господи! До чего же он примитивен! Пустяк, раз плюнуть: повесить на следующий крюк третью лесенку, ступить на нее правой ногой, перевесить сюда же одну из двух, на которых держусь теперь, для опоры левой и полностью перенести сюда свое тело.

А дальше: снимается лесенка, оставшаяся сзади, переносится на следующий крюк... Словом, начинается новый такт. А за ним - пресловутый перегиб.

Я одолел его с легкостью, которой мог позавидовать даже Сережа Бершов. И оказавшись на стене, придя в себя, понял вдруг, что под действием страха изобрел «велосипед». Этим способом такие участки проходят все альпинисты. Именно так прошел карниз Валя Гракович. Именно так дошел до середины потолка и я. Здесь меня остановила паника. Зато страх, который я осмелюсь назвать «мужским», выдав мне иллюзию открытия, заставил двигаться дальше.

Ничего не подозревавший Гракович спокойно ожидал моего появления. Он вышел на полку, набросил веревку петлей на каменную тумбу и на всякий случай крепко держал провисший конец. Мои переживания под дном скалы заняли слишком мало времени, чтобы заподозрить о них человеку со стороны. Информацию эту можно было сделать своим, так сказать, личным достоянием. Но я все-таки решил поделиться: и потому, что он все равно догадывался, и потому, что чувствовал его искреннее дружеское отношение. Устроившись рядом на полке для десятиминутного отдыха, я рассказал ему о случившемся.

Валентин ответил не сразу. Он долго потирал лоб, наконец сказал:

- Володя, я тоже должен тебе признаться в одной вещи... - Помолчав немного, он выпалил: - У меня то же самое! После того как спустили тела, девчонки не выходят из головы. Каждый день снятся. Почему так? У тебя понятно - ты потерял Эльвиру. Но я... В конце концов... мы много раз хоронили товарищей. Это всегда трагично. Но ведь не было же такой реакции. Почему теперь? У меня, правда, это проходит полегче, чем у тебя. Я с собой спокойно справляюсь. Но все равно, почему?

- Не знаю. Боюсь об этом думать.

- А я думал. И придумал. Может, неверно, а может, и верно. Нас пожирает комплекс вины. Мы все, мужики, виноваты перед ними. Я это остро почувствовал там, на поляне Эдельвейсов, когда хоронили. Мы все больше и больше втягивали их в эти игрушки. Мы обязаны были вовремя им сказать: стоп! Дальше вам ходу нет. Играйте здесь - в эту дверь не входите. Далось всем это «чисто женское» восхождение! Ходили бы в розницу - с нами. Хоть на Эверест! Это еще так-сяк. В случае чего за них бы подумали, за них бы решили, их бы спасали. Бездумно мы относились к их делам. Забыли, что на высоте все

решает поведение людей. Что главное там — умение разумом подавлять чувства. Сколько раз сами-то мы - «зубры» альпинизма! - выползали оттуда чуть живыми?! Спасались, потому что не раскисали, когда с кем-то что-то случилось... Ты извини, но я думаю, главная причина трагедии в том, что они все голову потеряли, когда умерла Любимцева. Начался разброд, паника. Группа тут же вышла из подчинения - дисциплина, которую они так старались наладить, тут же рассыпалась прахом. Элементарная вещь - в нужный момент надо уметь и по мордам надавать. Способны они на это? А мы что ж, не знали этого?! Мы, Володя, не напрягались. Все шло самотеком. Им захотелось сделать женское восхождение! Мало ли кому что захочется! Мне вон захочется завтра к зверю в клетку войти. Пустят меня туда?! Не потому, что зверь моими косточками может подавиться, а ради меня, дурака. Наша вина, Володя! Она засела где-то в подкорке и гложет нас. А человек не может всю жизнь тащиться с виной в душе. Он должен избавиться от нее, иначе она его доконает. Вот и вышел у нас в мозгах перевертыш: если виновны не мы, то кто-то другой или что-то другое. Что? Альпинизм! И тут с ходу, в одно мгновение врубилась в башку коварная штука - неверие в альпинизм. Точнее: вера в его уязвимость! В души наши закралось нездоровое сопоставление - то, на которое восходитель не имеет ни малейшего права: цены собственной жизни и гор! Нельзя эти вещи сопоставлять, нельзя их класть на весы, ибо такое взвешивание означает конец нашей восходительской жизни. Мы усомнились в альпинизме, хотя знаем, что в девяти из десяти случаев происшествий в горах виноваты не горы, а люди. Ты статистику знаешь лучше меня. Там все виновники - черным по белому: беспечность, неподготовленность, переоценка возможностей, петушинная бравада, тактическая слепота, недооценка угрожающей перспективы, которая, кстати, в горах - величина постоянная... О последней иногда забывают даже самые опытные люди. Если б тогда, в 74-м, на пике Ленина не забыли об этом, то согнали б девчонок с вершины самое позднее через два часа после выхода на нее. И никакие траверсы в голову не пошли бы.

Мы усомнились в альпинизме, хотя знаем, что квалификация альпиниста как раз и зависит от того, насколько отягощают его искусство эти виновники. Значит, все дело в квалификации восходителя, а не в самом альпинизме. И нечего в нем сомневаться. В конце концов, есть круг мастеров, которые выходят и всегда выходили победителями в самых острых спорах с горами. Значит, это возможно? Между прочим, сдается мне, что мы с тобой находимся внутри этого круга, пусть даже с самого краешка. Это «между прочим» я тебе советую вспомнить.

И другое. Я б к «виновникам» отнес излишнюю готовность нашего начальства санкционировать любую попытку сделать новый шаг в альпинизме. По-моему, сперва надо двадцать раз прокрутить, осмотреть со всех сторон, а потом уже давать добро. Это отчасти ив твой адрес, и в адрес федерации.

- Возможно, ты прав. Но я как-то проще объяснял свое состояние. Раньше я шел в горы, вооруженный принципом: «С нами этого случиться не может». А после смерти Эльвиры ощутил всеми своими клетками, что это может случиться и со мной - в любой момент.

И все-таки от слов Граковича на душе у меня посветлело. Возможно, потому, что хотел ему верить больше, чем себе, и поверил. И оттого еще, что пережил этот психический перепад от сознания близкой гибели к спасению.

...Мы снова в пути. До вершины осталось немного. Работаем слаженно, пожалуй что, весело и, главное, быстро. Маршрут сложный, но из тех, что доставляет умелому

восходителю удовольствие. Горный рельеф здесь настолько четкий, логичный, что кажется, будто кто-то его искусственно составлял, заглядывая при этом в альпинистский учебник. Словом, маршрут, который смело можно назвать классикой скалолазания.

Сейчас, перед самой вершиной, мы подошли к «маятнику». Пройти этот участок можно только одним способом - сделав перелет на веревке по траектории маятника.

Гракович впереди. Он работает легко, точно, ритмично, без единой паузы в движениях. Мне приятно смотреть на его действия.

И вдруг... Что случилось с моим партнером? Почему у него опустились руки? Он растерянно оглядывает стену, ощупывает, словно слепец, шершавый камень и, стоя на выступе, где помещаются лишь две ноги, рискованно тянется рукой в сторону.

- Что у тебя? — спрашиваю я.

- Крюка нет.

- Не может быть. Плохо ищешь. Везде были, даже с лихвой. Здесь тем более - без него тут пройти невозможно. Должен быть. Ищи. Без него тут пройти невозможно. Без него на вершину можно только смотреть, без него она так же недосягаема, как на небе звезда.

Валентин впивается глазами в скальную породу и прощупывает каждый сантиметр участка, где по логике должен сидеть крюк.

- Нашел, — саркастично цедит он.

- Есть?!

- Есть... дырка от крюка. Чья-то злобная рука выбила его.

- Но Пит говорил...

- Говорил. От большой любви к ближнему... Я еще тогда об этом подумал, но не поверил себе и устыдился при этом.

- Что будем делать?

- Не знаю. Хоть вниз чеши... - Гракович прищурился, видимо, что-то обдумывая, потом полез в карман и достал оттуда клемму Абалакова - приспособление, которое в отдельных случаях может заменить крюк. Он вогнал ее в подходящую щель и повернул для прочности. Затем, пристегнув карабин, рванул на себя веревку. Клемма выскочила...

- Похоже, придется спускаться, - сказал он.

- Погоди... Давай еще разок.

Валентин проделал ту же операцию. На этот раз закладка осталась в гнезде. Он проверял несколько раз - клемма застряла прочно. Мы благополучно прошли «маятник» и вскоре поднялись на вершину. Часы показывали 13.15. Весь путь вверх занял менее

трети суток. Час спустя на вершину стали выходить остальные двойки. Питер Лев, завидев нас, с веселой улыбкой спросил:

- Как вы сюда попали?

- Ножками, - ответил Валентин, холодно глядя ему в глаза.

- А «маятник»? Без крюка? Это невозможно. Как вы его прошли?

- Как? - вяло, будто подавляя зевоту, заговорил Валентин. - Я уже сейчас и не помню. Володя, как мы «маятник» прошли?

- На крылышках.

- Ах, да, да... Вспомнил. На крылышках.

Ничуть не смутившись, Питер захохотал - звонким, чистым, праведным смехом. Оставалось предполагать: то ли он ни в чем не виновен, то ли в открытую считает, что плутовство - самая почетная норма общения. Хотелось бы за истину принять первое. Спуск прошел спокойно, без приключений. Часа через два мы были внизу.

Дома меня поджидал гость. Молодой, но уже известный в восходительском мире альпинист. Мы встречались с ним три года назад в Англии, на молодежном сборе. У нас с ним вышел любопытный разговор. Я не уверен, что он дал бы свое согласие на публикацию этой беседы, поэтому на всякий случай скрою от читателя его подлинное имя и назову своего английского приятеля Джоном Икс. Там, в Англии, мы быстро нашли с ним общий язык, в трудных случаях, правда, прибегая к помощи переводчика. Однако была тема, в которой общий язык не сумел нас сблизить - каждый оставался на своей позиции. Но именно разногласия, несговорчивость будили в нас интерес друг к другу, именно они нас сближали. Речь шла о скалолазании. Джо был ярким противником нашей идеи сделать скалолазание спортом (как у нас в Союзе) и проводить международные соревнования. Здесь нам помогал Непомнящий. После радостных приветствий и общих слов я спросил Джона:

- Как ты здесь оказался?

- Приехал полазить на скалах.

- Ради этого пересек океан?

- Почему бы и нет? Здесь они интересней.

- Ты не находишь, что изменил самому себе?

- В каком смысле?

- Как же, лютый враг скалолазания едет из Старого Света в Новый, чтобы пошататься по скалам.

- Не хитри, Володя. Ты же знаешь: я не враг скалолазания. Я только против того,

чтобы его превращали в спорт. Я с удовольствием лазаю, но не хочу регламента - условий, ограничений, правил. Не хочу соревнований, сравнений, соперничества. Я желаю одолевать стены, не ограничивая себя ни временем, ни навязанным мне строгим маршрутом, не заботясь о том, хорошо ли выгляжу снизу.

- Чепуха. Самообман. Свой результат ты все равно сравниваешь с результатами знакомых или незнакомых, но знаменитых альпинистов. Радуетесь, когда он выше, Наоборот: тебя берет за живое, если чувствуешь, что уступил. И обязательно вступишь с ними в соревнование, только неофициальное, неорганизованное. Никакое не лазание по скалам, а именно «скалолазание» - тот же спорт. Вы бежите от него как черт от ладана и надуваете самих себя. Я, кстати, никак не ожидал такого ожесточенного неприятия нашего предложения.

- Ты имеешь в виду вашу пропаганду соревнований по скалолазанию?

- «Пропаганду»! Ладно, пусть будет пропаганда. Может, из-за этого слова у вас такая непримиримость? Английский совет альпинизма предупредил, что он выйдет из УИАА (Международный союз альпинистских ассоциаций), если этот орган одобрит скалолазание как спорт. Австрийский Альпинистский клуб заявил: мы, мол, не хотим заниматься спортом такого рода. Примерно то же сказали американцы - они-де не желают развивать или поддерживать скалолазание или какую-либо другую форму соревнований по альпинизму. А между тем еще в 64-м году, помнится, в Италии, на Гранд-Капуцине, на очень сложном маршруте нас обогнала двойка французов. Шпарили в невиданном темпе и почти без страховки. А как же иначе? Им нужен рекорд скорости! О чем говорить... Хотел бы посмотреть на альпиниста, который не мечтает о рекордах - в том или ином выражении. Рекорд вообще у вас, на Западе, - фетиш. А рекорд и соревнования — понятия, как известно, неразделимые. Словом, не вижу логики в вашем упорном нежелании признать скалолазание спортом.

- Повторяю, мы не хотим организованного альпинизма.

- То есть как?! Можно подумать, что у вас он неорганизован! А значок, без которого не выйдешь на скалы в Шавангукее?! - Джон понял меня: я намекал на плату за «пользование горами». - А контора по найму гидов? А спасательная служба? А двухдневная школа, которая за 75 долларов обещает в два дня сделать альпинистом кого угодно, даже тюленя - были бы доллары?! Наконец, сам ААК, - это ли не организация?! Я говорю о Штатах, но и в Англии, и в любой другой западной стране примерно то же.

- Ты неправильно понял. Я имею в виду сверхорганизованный альпинизм, где восходитель ни шагу ни сделает без разрешений, проверок, ограничений, без строгого надзора, где широта его прав зависит от его квалификации... Мы хотим сохранить положение, которое любому человеку дает право ходить в горах, когда ему хочется, где ему хочется, сколько ему хочется и с кем ему хочется.

- Это ваше положение называется правом на самоубийство! Свобода безумцам, психопатам. Мне непонятно, как может общество, которое считает себя гуманным, так легковесно относиться к человеческой жизни?!

- Человек волен распоряжаться собой, как ему вздумается. Хочет повеситься - пусть вешается. Это его право, его личное дело. Общество не должно лишать его такой свободы.

- Самоубийство - результат аномального поведения личности. У нас больных лечат, а не дают им «свободно» умирать. Если б я увидел тебя с петлей на шее, то вытащил бы насильно.

- У тебя бы сил не хватило. Я сильнее! - засмеялся Джо.

- Хватило! Потому что мое желание спасти сильнее, чем твое - умереть.

- Но альпинисты не безумцы, не самоубийцы. Напротив, они идут в горы от потребности полнее ощутить жизнь. Они идут сюда, чтобы подышать вольным воздухом, хоть немного отдохнуть от жестоких ограничений жизни. А вы и здесь хватаете за глотку, регламентируете каждый вздох.

- Ты не хуже меня знаешь, что горы — это огонь, что с огнем надо уметь обращаться. И что к нему ни в коем случае нельзя подпускать маленьких детей. Разве можно человека, который прошел двухдневное обучение в вашей сверхскоростной школе, пускать, скажем, на Мак-Кинли, на Эль-Капитан или на нашу Ушбу?! Ведь он рвется туда потому, что в нем сочетается желание мальчишки, возмечтавшего стать героем, с младенческим непониманием, с чем он имеет дело. Точно с таким же непониманием младенец сует палец в огонь. Извини, но позволять такое, по-моему, не только безнравственно, но и преступно.

- И тем не менее ваша восходительская система мне не по вкусу. Она мешает свободному самоутверждению. Она препятствует быстрому развитию таланта - он у вас вынужден проходить все ступени альпинистской иерархии, хотя мог бы перескакать через две на третью. Ваш порядок порождает бюрократизм и бюрократов. Это не только мое мнение. Альпинисты, побывавшие у вас в горах, не раз говорили об этом в газетных отчетах. Они Видели, сколько бумажек - всяческих разрешений и справок - должен собрать альпинист, чтобы отправиться на маршрут. Сколько сезонов - стало быть, лет - нужно провести в горах, чтобы получить право на более или менее серьезное восхождение. Жесткая система.

- Жесткая! И самый ее существенный недостаток в том, что она еще недостаточно жесткая. Вот железнодорожная, авиаслужба или газо-, электроснабжения - хороши! Там военная дисциплина. Потому что эти системы обязаны обеспечить безопасность людей. Нам бы такую жесткость! Что касается бюрократизма... Я бы это скорее назвал формализмом. Разрешения, справки - это мера предосторожности. Они нас тоже иногда раздражают. Но мы в душе понимаем: в таком деле лучше перебор, чем недобор. В вопросах, связанных с риском для жизни, порою уместен и формализм. Впрочем, есть и бюрократы, потому что есть чиновники. Я и сам в свое время переживал из-за них неприятные минуты. Эти люди портят нервы, однако довольно редко решают исход событий. Все это издержки системы - те самые издержки, без которых не обходится ни одно дело, - но не ее порочность.

- Ладно. Хочешь скажу тебе откровенно, без утайки, почему я против того, чтобы альпинизм у нас становился спортом?

- Почему?

- Потому что спорт порождает страсти не только возвышенные, благородные, но и

низменные. И возможно, низменные не меньше, чем высокие. Понимаешь, мы боимся черной биржи...

- Справедливо.

- Как только скалолазание станет спортом, к нему тут же прикоснутся дельцы. Распахнутся двери для проходимцев. В горах появятся авантюристы, всякие типы с отмычками, с набором разбойных способов делать деньги. Они осквернят альпинизм.

- Но что поделаешь? А футбол, хоккей, бокс? Не упразднить же их из-за этого?! Во всем есть своя оборотная сторона. Если судить по-твоему, то человечеству следует отказаться, скажем, от такого домашнего животного, как корова, и только потому, что из-под нее приходится убирать навоз.

- А мы не приучены к молоку. Мы его не знаем и не хотим знать, поскольку пьем продукт более ценный: амброзию. Спрашивается, зачем нам корова с ее навозом?! Да, мы - спортсмены. Но в первородном понимании этого слова - когда «спортсмен» и «джентльмен» были почти синонимы. Мы вправе считать себя спортивной элитой, покуда наш альпинизм не получил статус спорта. Мы считаем себя элитой, потому что наши горы и наши души не осквернены мелкими, пошлыми страстишками. Мы держим наши горы в чистоте и не хотим превращать их в плацдарм для мышинной возни.

Джон Икс прошелся, прижег сигарету и, пристально посмотрев на меня, как бы оценивая, можно ли говорить, пойму ли правильно, продолжал:

- Я почти уверен, что появится некий тотализатор от скалолазания. На нас будут ставить как на лошадей. Отсюда шулерство и шулеры. А для таких типов человеческая жизнь гроша не стоит. Пойми: это не прогноз труса - вывод просто напрашивается. Если понадобится, нас не задумываясь станут убивать. Это не хоккей и даже не скачки. В горах убить человека - плевое и безнаказанное дело. Пойди докажи, что восходитель не поскользнулся, что камень упал ему на голову не случайно или что веревка оборвалась не сама по себе. Дальше. Представь себе, что альпинист слышит о случаях, когда в связку подставляют наемных подонков. Ведь подозрительность буквально забьет все его поры. Разве можно выходить на маршрут без полного доверия к своим спутникам?! Отсюда неуверенность. Отсюда снижение альпинистского мастерства.

Джон, конечно, явно перебрал черной краски в нарисованной им перспективе. Он сделал крайние выводы, забывая хотя бы о том, что на каждый яд всегда найдется противоядие. Однако мне показалось, что определенная правда в его речах все же звучит. Я тогда подумал: им, в конце концов, лучше знать, что им годится, а что нет.

Толя Непомнящий, занятый до сих пор только ролью переводчика, обращаясь ко мне, сказал: «Жаль, нет здесь Виснера. Может, понял бы после такого разговора, что социальный след на спорте куда более четок и глубок, чем ему кажется».

...На другой день с утра снова шел дождь. После обеда прояснилось, и мы отправились в Джексон. В магазине альпинистского снаряжения мы напомнили себе тех женщин, что подолгу стоят у прилавка, невзирая на легковесность кошелек и вообще отсутствие каких-либо шансов на покупку. Провели здесь часа полтора и отправились бродить по аккуратному симпатичному городку. В городской парк входила арка,

удивившая нас своим странным видом. Никак не могли понять: из чего она сделана? Переплетение ли тропических лиан, или это оголенные древесные корни? И поразились, когда узнали, что сие - олени рога. Их здесь тысячи. В былые времена арку можно было принять за символ богатой охоты. Но теперь, зная, как строго охраняют природу в национальных парках Америки, следовало сделать обратный вывод: смотрите, люди, на деяние своих рук и стыдитесь!

На одной из улиц по обочинам дороги толпились люди. Мы задержались здесь, и не зря. Актеры, возможно местные, разыграли сцену из жизни города еще времен «золотой лихорадки». В запряженной тройкой карете, сопровождаемой верховыми в ковбойской одежде, едет молодая женщина. Неожиданно экипаж подвергается нападению бандитов. Пальба из пистолетов, крики, ржание лошадей... Но все кончается хорошо. Ковбои отбивают нападение, захватывают вожака банды и собираются его линчевать, но милосердная героиня просит о помиловании. Потом мы отправились в кино. В альпинистском городе, понятно, демонстрируют альпинистские фильмы. Нам показали ленту «Акция на Эйгер». Детектив, добротный сделанный не только кинематографически. Он достоверен и поучителен в альпинистском смысле. И все-таки я не стал бы о нем говорить. Но в нем смоделирована ситуация, которой так опасался Джон Икс. А главное, она, на мой взгляд, очень правильно, правдиво решена.

Некий босс засылает в группу восходителей, которая готовится к подъему на гору Эйгер, агента с целью уничтожить одного из членов группы. Но на пути к вершине альпинисты попадают в исключительно трудные обстоятельства. В этих условиях агент, что называется, прирастает душой к товарищам и забывает о своем задании. Гибнет один из его спутников. Потом на льду срывается тройка и уходит в пропасть. Агент остается один. Ему удастся спуститься вниз... В последних кадрах звучит упрек его шефа, убежденного, что катастрофа подстроена: агент, дескать, переусердствовал - все понятно, но зачем убивать троих?! Вопрос звучит нелепо - шеф задал его, хотя только что услышал искренний, правдивый отчет о восхождении. Фильм будто нарочно отсняли для того, чтобы рассеять мрачные сомнения моего английского приятеля. Горы обладают таинственным свойством. Могучим, но скрытым, незаметным настолько, что даже мы, бывалые восходители, не всегда способны его различить. Что ж говорить о влиятельном мафиозо, который живет... ниже уровня моря? Откуда ему знать, что горы лечат тяжчайшие нравственные пороки гораздо лучше, чем, скажем, швейцарские курорты туберкулез? Этот босс убежден: все, что случилось в горах, - рядовое, привычное дело, в очередной раз пополнена его воля. Обычный, будничныи расчет дал ему столь же будничныи выигрыш. Он не подозревал, что перед горами не способны устоять даже слуги дьявола.

Прежде я уже говорил о счастливой особенности альпинизма - той способности самосохранения, которая дает ему возможность оставаться в чистоте. Я рад, что в фильме «Акция на Эйгер» (снятом, безусловно, знатоками нашего дела), с авторами которого я, естественно, не сговаривался, заложена та же самая мысль. Если разные люди в разных местах планеты независимо друг от друга приходят к одному и тому же выводу, то есть основание считать, что вывод этот правильный. Рад хотя бы потому, что это дает мне право с уверенностью ответить Джону Иксу: не надо бояться за альпинизм — он сам умеет постоять за себя. Разумеется, нет правил без исключений. Но главное, не принимать исключения за правила и не перечеркивать правила ради того, чтобы избежать исключений!

С обратным знаком

Самолет поднялся над Тетонскими горами и понес нас на запад, к побережью Тихого океана, в столицу штата Вашингтон Сиэтл. Отсюда рукой подать до Такомы, в районе которой мы поднялись на одну из главных вершин Каскадных гор - Рейнир, высотой 4392 метра. По нашим памирским понятиям - пустырь, пригорок. Однако читатель, вероятно, уже понял, что американский альпинизм отличает вовсе не высота. У него своя характерность - сложный рельеф, где на каждом шагу попадаются скальные иглы, башни...

Я не стану описывать это восхождение именно потому, что оно прошло для меня (и для всей группы) благополучно. Слишком благополучно, чтобы быть интересным. К тому же событий много, а места на бумаге мало. Приходится говорить о самом главном. Оценку этого восхождения американцы дали в одной из своих газет заголовком «Советские избегают на вершину Рейнир».

...Снова самолет. Курс на юг. Навстречу тому альпинизму, о котором мы много слышали, который пытались представить - обязаны были представить! - и к которому не слишком напряженное воображение приблизило нас не более, чем театральный бинокль к луне.

Калифорния. Оклэнд. Среди встречающих - владелец бюро путешествий, один из руководителей альпинистского района, член ААК Алан Стэк и молодой человек, привлечший наше внимание своей немислимой для альпиниста юностью - на вид ему лет семнадцать, не более - и могучим телосложением. Это Майк Уорбертон, один из сильнейших горопроходцев Америки, начавший свою восходительскую жизнь, как выяснилось, с десяти лет.

Радужная встреча. Размещение по квартирам. Обед «в честь...». Ужин «в честь...». Осмотр офиса Алана Стэка. Показ слайдов. Объект нашего внимания носит знаменитое имя Эль-Капитан. Американцы называют эту гору по-своему: Эль-Кап. Сейчас я вижу перед собой это чудовище, и у меня язык не поворачивается, чтобы именовать его столь панибратски. Я говорю себе: прежде чем похлопывать по плечу, нужно сперва до него дотянуться. Картографы могли бы считать его малышом - перепад высоты от подножия до верхушки немногим более километра. На альпинистов эта громада производит впечатление не менее грандиозное, чем гималайские гиганты. Это оттого, что есть возможность вплотную подходить к его стенам. Верхнее ребро километровой башни, похожей на небоскреб, теряется где-то в небе. Представьте себе небоскреб без малого в четыреста этажей. Вообразите, что вы смотрите глазами человека, который должен подняться на его крышу по гладкой, отвесной стене. Как только вам это удастся, считайте, что вы получили треть впечатления, которое переживает альпинист, находясь у основания этой махины. Треть! Потому что две трети создают другие особенности...

Даже со слайда он затронул наши души. Вид столь внушительный, что вызвал неуместные, предательские возгласы изумления. Неуместные, поскольку они противоречили заранее продуманной нами тактике поведения: ничему не удивляться и делать вид, что это нам не впервой, бывало и похлестче. У нас на это имелись основания. В предыдущих районах доброжелательные американцы предупредили нас, что в Йесемитах (Йесемитский национальный парк) местные распорядители постараются сделать все возможное, чтобы мы отказались от попытки подняться на Эль-Капитан. Такую политику они проводят по отношению к большинству претендентов на эту вершину. Почему? У меня есть на этот счет по меньшей мере две версии. Во-первых, берегут маршруты — их девственность, естество, рельеф, представляющий во-

сходительский интерес. Но, я думаю, и другое.

Здесь, на Эль-Капитане, жизнь заставляет администрацию местного отделения ААК корректировать положение о «свободном альпинизме» — кому куда вздумалось, туда и пошел. Чувство гуманизма понуждает ее пользоваться доморощенными методами спасения безумцев от гибели. Я в этом убежден, ибо никогда не поверю, что альпинист способен равнодушно смотреть, как растет число жертв, сидеть сложа руки, зная о причинах этого роста. (В скобках оговорю, что в сезон нашего визита в Штаты жертвами сей горы стали еще шесть человек.)

Здесь хозяева района, упорно продолжая считать принципы западного альпинизма единственно правильными, не менее упорно ведут борьбу именно с ними - ставят рогатки новоиспеченным наивным выпускникам двухдневных школ на пути к роковому, но логическому, естественному исходу. Справедлив вопрос: нам-то чего бояться? Мы не новички. Американцы достаточно высоко оценили наше искусство. Какой смысл препятствовать нам? Может, из боязни, что чужестранцам нет резона беречь их национальное достояние? Им, дескать, лишь бы на вершину взобраться, а после хоть трава не расти, испакостят маршрут и уедут. Все, конечно, может быть. Но... сомневаюсь. Мы встречались с умными людьми, с тонкими психологами. Они прекрасно видели, с кем имеют дело, понимали, что дорожим своей репутацией и не пойдем на столь низкие дела. Это мнение о нас так или иначе неоднократно высказывалось в печати. Причина скорее всего другая. Несмотря на положительную оценку восходительского опыта советских, они знали, что здесь, в условиях калифорнийского климата, мы все-таки новички, что столкнемся с новым, незнакомым видом восходительства - альпинизмом «с обратным знаком». В беседах с Аланом Стэком, Раффи Бедауном и другими лидерами Йесемитского отделения клуба я почувствовал, что они не ставят перед собой цели во что бы то ни стало закрыть нам дорогу на Эль-Капитан (захотели бы - не пустили!). Нам просто предлагали сперва попробовать блюдо на вкус и решить, подойдет ли, по зубам ли? Нас немного промурыжили, чтобы насторожить: это, мол, Эль-Капитан! Хорошо подумайте, прежде чем решитесь. Их можно понять. В конце концов, они несли и некоторую политическую ответственность за нас. Случись что-нибудь, их могли упрекнуть: не объяснили, не показали, не убедили!

Принимали нас сердечно. Старались не уступить знаменитому русскому хлебосольству. И, по-моему, им это удалось. Устраивали пикники на открытом воздухе, возили на званые обеды, и каждый старался «заманить» советских к себе домой. 19 сентября мы были в гостях у Алана Стэка. Он выбрал минуту, чтобы поговорить о серьезных вещах, и взял, что называется, быка за рога, тут же предложив нам для начала подняться на небольшую тренировочную вершину. Мы сразу поняли: началось!

- Мы бы с удовольствием излазили все ваши скалы, - ответил Толя Непомнящий, - но вы же знаете,, у нас нет для этого времени. Через десять дней мы должны вернуться в Нью-Йорк и оттуда вылететь в Советский Союз.

- Но спешить надо медленно, или, как у вас говорят, тише едешь - дальше будешь. Я полагаю, вы сэкономите много времени на самом маршруте, если предварительно внизу отработаете отдельные его элементы. Мне хотелось, чтобы вы поняли: маршруты Эль-Капитана, как выражаются музыканты, не читают с листа. Все, кому удалось подняться на его вершину, сначала долго тренировались внизу, отработывали аналоги отдельных его участков. Мы знаем каждый метр стены. Это дало нам возможность смоделировать внизу все ее подробности. Для каждой отыскалось подобие в окружающих микроскалах. Эль-Капитан — это всегда проблема, к решению которой надо готовиться даже нам, людям,

прошагавшим почти все его основные дороги.

- Но вы забываете, - сказал Слава Онищенко, - что мы не вчерашние выпускники вашей двухдневной школы. Я не думаю, что в рельефе Эль-Капитана на шлось что-либо такое, чего не пришлось бы нам встретить, скажем, на том же Кавказе.

- О! Я очень высокого мнения о вашей квалификации. Охотно верю, что вам приходилось иметь дело и с более трудными элементами. Но здесь другие условия. Сверху восходителя буквально плавит солнце, а снизу его, словно на сковородке, поджаривают раскаленные камни. К ним невозможно притронуться голой рукой - тут же ожог! Это самый настоящий классический ад, где грешников ко всему мучает еще и страшная жажда!

Я лихорадочно думал: как быть? Согласиться с такой программой - значит наверняка отказаться от основного восхождения. Группа не успеет вложиться в пять-шесть дней, которые останутся после тренировочных выходов. Рискнуть? А потом пройдет срок, и придется уходить из-под самой вершины. Пустые труды, реки пота! Нет, план Стэка - это отказ от Эль-Капитана. И дело не только в нехватке времени.

Я видел эти самые скальные фрагменты в отрогах массива: аналоги сложнее натуры. На них пойдет уйма сил. Верный забой мышц! И не только мышц - что самое главное: мозгов! Волшебное превращение психики - из кошки в мышку. Парни начнут воротить друг от друга глаза и ждать, кто первый скажет: провались он, их Эль-Кап! Скорей бы домой! Нужно по меньшей мере два-три дня отдыха, чтобы вернуться к прежнему строю мышления, к прежнему восприятию жизни. Нет, вариант Стэка не годится. Но Алан прав: он объясняет, что нужно делать тем, кто хочет побывать на вершине. Метод есть метод. А наш расклад времени — это вопрос нашего невезения.

Как быть? Мои спутники исподволь поглядывают на меня. Речь идет об изменении плана поездки. Не в лучшую сторону! Руководитель группы Онищенко и наш старейшина Абалаков хотят знать мнение представителя спорткомитета, государственного тренера СССР, благо он под рукой.

Я думаю: зачем же мы приехали сюда? Чтобы погулять по склонам Рейнира и Гранд-Тетона? Но для этого нет резона пересекать океан. Такие вершины найдутся у нас на Кавказе. Что мы тут сделали, если прошагали мимо незнакомого нам альпинизма, не вкусили альпинистской экзотики? В чем смысл нашей поездки?! И вообще, почему надо отказываться, вместо того чтобы сделать попытку?! Ей-богу, Алан все же заморочил мне голову!

Горы научили нас разговаривать молча. Я обмениваюсь взглядом с Виталием Михайловичем. Он согласен. Смотрю на Славу Онищенко. «Да!» - отвечает он. Сережа Бершов усмехается: тут, мол, двух мнений быть не может. Так же думает Толя Непомнящий. Валя Гракович отвечает мне моим же вопросом: а зачем мы сюда приехали? Алан Стэк оглядывает нас, пытаюсь выяснить ответ. Он отличный альпинист и не хуже нас может беседовать молча «про себя», но дело в том, что он ни слова не понимает по-русски...

Отвечает Толя Непомнящий. Он просто продолжает разговор, который, по сути дела, и не прерывался - лишь легкая заминка на несколько секунд.

- Алан, вам, я уверен, приходилось бывать, к примеру, на Мак-Кинли. Вы знаете, что такое лютый мороз. Это та штука, которая в жару кажется благодатью. Но это та штука, во время которой даже описанная жара кажется благодатью. Ошибочно думать, что русские привычны к морозу. Мы не снежные люди. В наших квартирах поддерживается температура 22 градуса. А на улице мы не мерзнем, потому что умеем тепло одеваться. Тем не менее каждый из нас в горах переживал нечеловеческий холод. И у каждого был свой «первый раз». Я надеюсь, что завтра наша группа или часть группы в первый раз будет переживать адскую жару. И полагаю, переживет. Дело в том, что мы вообще приучены к экстремальным условиям. Это самое главное.

Толя, конечно, слукавил. Мы все же больше морозоустойчивые, чем теплостойкие. Но это неважно. Важно было сообщить Алану Стэку, что мы твердо решили завтра же выйти на стену Эль-Капитана. Алан пожимает плечами.

- Ну что ж, - говорит он, - я сделал все, чтобы вы отнеслись серьезно к этому шагу. Но раз так... На маршрут с вами хотел пойти Майк Уорбертон. Он очень хороший парень. Уверен, что вы его полюбите. Несмотря на молодость, он отличный альпинист. Трижды поднимался на Эль-Капитан. Думаю, его опыт вам пригодится. Вечером мы изучали кроки маршрутов «Нос» и «Салафе» - два наиболее трудных пути к вершине. Потом все-таки вышли к подножию скал, отыскивали рельефы посложней, решив, что проходить их до конца не станем, сделаем лишь прикидку.

Лазание очень тяжелое. Судя по кронам, на маршруте встретятся подобия... не сказать, слабые, но все-таки послабее. Впрочем, об этом нам говорили. Упрямый Сережа Бершов засел в трещине. Его задело за живое - решил во что бы то ни стало пройти ее до конца. Он бы прошел, но мы в пять глоток кричали, чтобы спускался: не забивай, мол, мышцы, побереги. Сережа вспомнил, что он здесь не сам по себе, и спустился.

Возвращались с некоторым подъемом в душе, поскольку пришли к выводу, что Эль-Капитан нам вполне по зубам. Настроение, правда, подтачивал некий червячок. Был один пункт: вечером нет такого солнца, камня остывают, и наши пробы не дают нам полного представления. Здесь, кстати, на лето вообще закрывают сезон. Подниматься сюда в это время можно только в порядке политического протеста - на предмет самосожжения. Описывая обстановку на Эль-Капитане, Алак Стэк имел в виду май или сентябрь. Американцы ходят сюда в одних плавках, надевая на руки кожаные налокотники, на ноги - такие же наколенники.

Дома нас поджидал Майк Уорбертон. У Майка открытое, честное лицо, веселые глаза. Несмотря на юность, он независим в своих мнениях и твердо знает, чего хочет.

Сразу возник разговор о выборе маршрута. Еще до встречи с Майком мы пришли к согласию: выходим на «Нос». У американца наше решение восторга не вызвало.

- Откровенно говоря, - сказал он, - мне не очень хотелось бы подниматься этим путем. Я уже был здесь. А на такие маршруты дважды не ходят. Но в конце концов я готов пренебречь своими интересами. Вы - гости. Только с одним условием: состав группы не должен превышать трех человек.

- Это невозможно, - ответил Онищенко. - Здесь собрались сильнейшие альпинисты Союза.

Никто из нас не хочет и не должен попасть в положение мальчика, которого не взяли с собой. На восхождение не претендует только мистер Абалаков. Он сюда приехал с другой целью: показать свои конструкции - закладки, крючья и прочие приспособления. Но чем вызвано такое ограничение?

- Каждый человек - это время на маршруте. Трое веревку пройдут, скажем, за два часа, а шестеро - в полтора раза дольше. Каждый лишний человек - это лишняя вода. А грузы здесь приходится вытягивать на веревке, с рюкзаком много не наработаешь. Каждый лишний человек - это лишняя вероятность заболеваний...

- На «Салафе» разве будет по-другому? - спросил Гракович.

- «Салафе» все-таки проще. Там может взаимодействовать двойка и тройка. Двойка наверху обрабатывает участок, тройка внизу вытягивает грузы.

- Но все равно кто-то один должен остаться, - нахмурился Толя, - вместе с тобой нас шестеро.

- Я не понимаю такой солидарности. Такая солидарность необходима наверху, а здесь нужна другая. Каждый должен понимать ситуацию и ради общего успеха пойти на какие-то жертвы. Почему обязательно все должны побывать на вершине? Я слышал об этой вашей традиции... Если поднимется даже один, то все равно это успех всей группы и заслуга всей группы.

Было не по себе оттого, что этот мальчик читает нам нравоучения. Но если не в целом, то в частности он прав. Группа должна оставить вымпел на Эль-Капитане. Это самое главное.

- Давайте пойдем на «Нос», - продолжал он. - Я предлагаю такой состав: мистер Шатаев, мистер Гракович и я.

Могу лишь догадываться, почему Майк отдал предпочтение нам. Он, видимо, знал о моей должности и, заметив, что друзья часто интересуются моим мнением, решил, будто я руковожу группой. К тому же в начале нашего визита в американской печати допустили ошибку — сочли меня за руководителя. Граковича он избрал как моего напарника по связке. Уорбертон считал, что никого не обидит, если назовет руководителя и его партнера. Все это поняли, и всем пришлось по душе деликатность этого паренька. Я не мог удержаться от улыбки.

- Спасибо, Майк! - ответил я. - Но дело в том, что я не считаю себя здесь лучшим альпинистом. Здесь есть мастера посильнее. По части скалолазания лидер у нас Сережа Бершов. Думаю, что следует остановиться все же на «Салафе». Пойдут пять человек. Я от восхождения отказываюсь. Не потому, что приношу себя в жертву, — просто не совсем хорошо себя чувствую.

Я вышел подышать свежим воздухом. Долго смотрел на стену, от подножия до верха залитую лунным светом, и ощущал в себе здоровое беспокойство, напряженность скакуна перед стартом. Казалось, дай себе волю, и впрямь побегу на вершину. Это хороший признак - значит, работа пошла бы легко, споро. Однако я не имел права рисковать успехом всей группы. А если наверху на меня снова «найдет»? Я не забывал этого

мучительного чувства. Обычно эмоции, пережитые в горах, внизу быстро стираются в памяти, но эти запомнились прочно. Если есть хоть шанс на их повторение, то при сложившейся ситуации лучше сидеть дома.

Рано утром отправились к стене. Онищенко, Гракович, Бершов, Непомнящий и Уорбертон с тощими, но тяжелыми рюкзаками - много железа, вода в канистрах... лапшой нарезанная морковка да кое-какие сухофрукты. Больше ничего не возьмешь - все портится, как в термостате. За ними плетемся мы с Абалаковым. Я впервые иду к маршруту как наблюдатель.

Но все впустую. Маршрут занят. На «Салафе» работает четверка. Слева от него - двойка. Весь день ломали голову: как обойти эту компанию. Все упирается в вопросы такта, этики.

К шести вечера парни, перебежавшие нам дорогу, навесили веревки и спустились вниз. В семь утра следующего дня они опять были на стене. Копошились там до двенадцати, не прошли и веревки и снова спустились. Мы посмотрели на их изможденные лица, воспаленные глаза с багровой сеткой на белках, трясущиеся руки и поняли, что маршрут свободен. Картина эта, к сожалению, оптимизма ребятам не прибавила. Никто, конечно, в панику не ударился, но чувствовалось, что рвение слегка поувяло.

Я понимал: обращаться с праздными вопросами к измученным, чуть живым, к тому же еще и морально задавленным людям по меньшей мере неприлично. Но в том-то и дело: вопросы только с виду казались праздными.

На тонус моих спутников больше всего повлиял тот факт, что внешне спустившиеся не выглядели новичками в альпинизме. Я смотрел на них более трезво - как ни волновался за успех группы, но выходить-то на маршрут не мне - и понял, что перед нами все-таки дилетанты.

- Это ваша первая попытка подняться на Эль-Капитан? - обратился я к одному из них.

- Да, - ответил он.

- Извините, а вы давно занимаетесь альпинизмом?

- Давно.

Я готов был откусить язык. Кажется, не туда попал. А у меня, как говорят, единственная монета. И все-таки на всякий случай спросил:

- Сколько лет?

- Три года. Что еще надо?! Оставьте меня, я не способен сейчас давать интервью!

Я с удовольствием тебя оставлю и больше не попадусь тебе на глаза, прекрасный Наивный человек! Он давно занимается, очень давно - три года!

Ребята отвернулись, чтобы по их улыбкам он не смог догадаться о своей наивности. Но главное сделано: улыбки с лиц не сходили.

В 13.00 Валентин Гракович начал движение. И сразу стало ясно, в чем альпинистская сущность Эль-Капитана. Здесь нужны силы. Самые что ни на есть физические. Нужны выносливость, двужилость, распутиная живучесть. Нужна способность вскрывать в себе запасные резервы, переступать через второе, третье дыхание, и, видимо, просто... молодость.

Монолитная стена, местами словно облитая, искрится глянцем. Здесь бессильна и наша сверхобувь - галоши. Без скальной техники здесь не пройдешь. Об этом сказано в описании маршрута. И Валентин не выпускает из рук молотка, обливаясь потом, сажает крючья. И все-таки... Это большое удовольствие - наблюдать за работой мастера. Радоваться, глядя, как постепенно начинают просматриваться контуры его изделия. Сейчас я болел за каждое движение своего друга, огорчался всякому его промаху. Время мое растягивалось переживанием этой тяжелой борьбы за каждый сантиметр высоты, Но душу теплили горячие волны удовлетворения всякий раз, когда окидывал взглядом края отработанной веревки. Она разматывалась все больше и больше, лениво - очень лениво! - распрямленной змеей ползла вверх. Где-то на двадцатом метре сделала легкий зигзаг вправо и пошла дальше. Она на глазах, как паутина от паука, отрастала от безумца, который неизвестно зачем карабкается по стене. Сейчас он примеряется ногою к чуть заметной каменной нашлепке, выступающей не больше, чем вышивка на глади носового платка. Человек пробует перенести опору тела - нагружает понемногу, - но галоша скользит, ибо выступа, по сути дела, нет - так, легкая заглаженная кривизна. Валентин ставит ногу по-другому. Еще попытка. На этот раз он успевает уцепиться за край маленькой щели, куда войдут разве что кончики пальцев. Но и это неплохо. Можно считать, что пройден еще один метр. Гракович снимает перчатку, чтобы сбросить с лица пот. Я хорошо вижу, как отлетают в сторону брызги. Он проходил эту веревку два часа. Это, пожалуй, самый тяжелый отрезок маршрута. Я бы еще добавил: бездарный. Бездарный, ибо скучный, однообразный, требует не столько ловкости, сколько огромного напряжения физических сил. Нужно монотонно повторять одни и те же приемы, каждые три-четыре метра вбивая крючья. Дальше во многих местах рельеф позволяет продвигаться свободным лазанием. И больше нигде нет подобной необходимости в применении такой уймы искусственных точек опоры (ИТО), как здесь. Да, Эль-Капитан сразу может отбить охоту покушаться на него. На следующем участке первым отправился Слава Онищенко. Еще час. Дальше - Сережа Бершов... В 20 часов ребята спустились метров на пятнадцать вниз и на просторной полке разбили бивак для ночевки. И так, три веревки за семь часов! Сто двадцать метров за неполный рабочий день. В среднем с этой скоростью наши восходители двигались до самой вершины. В дальнейшем они работали по 11-12 часов в сутки, одолевая перепады высот чуть более двухсот метров ежедневно.

Мы с Виталием Михайловичем тоже трудились - «работали» не опуская головы. С утра занимали позицию поудобней, следили за движением группы. Днем чаще всего покидали этот наблюдательный пункт, поскольку выполняли свою программу. Абалаков демонстрировал свои конструкторские достижения. У американцев в моде слово «фантастический». Этим словом местные альпинисты оценивали многие работы нашего инженера. Я вместе с калифорнийскими восходителями поднимался на небольшие, но сложные вершины. И все-таки половину времени мы выступали в роли болельщиков. К концу дня слезились глаза, ныла шея. Но много больше нас утомляли эмоции, о которых, к сожалению, ничего положительного сказать нельзя. Радоваться было нечему. Оптика позволяла нам рассмотреть даже выражение лиц. Я уже сказал однажды, что со стороны иногда переживания ближнего видятся в более драматичном свете, чем есть на самом

деле. Глаз тоже оптика. Но у него вместо свойства увеличивать есть способность преувеличивать. Это теперь, много лет спустя, я могу судить о тех событиях спокойно, объективно. Тогда я верил своему глазу и делал выводы, не слушая второй стороны — голоса рассудка. Виталий Михайлович определял положение более трезво, но мне тогда казалось - более черство. Он считал, что ничего страшного там не происходит, все так и должно быть, и вообще: что это за восхождение, если глаза не лезут из орбит?! Он по натуре аскет, и аскетизм, по-моему, значительно повлиял на его альпинистские взгляды. К тому же, думал я, старческое зрение не позволяет ему рассмотреть все, что там происходит. Я забыл, что к старости у людей развивается дальность зрения, но не близорукость! В разговорах с ним я утверждал, что это восхождение основательно припахивает авантюризмом и чем-то вроде «шапкозакидательства». Что здесь особый альпинизм, и к нему следовало специально готовиться, хорошо продумав методику и тактику, и что вообще ему, такому альпинизму, надо обучаться. И даже если б все так и было, то все равно перед выходом альпинисты должны пройти своеобразную акклиматизацию. Словом, Алан Стэк предостерегал нас не зря.

Впрочем, Виталий Михайлович со мной и не спорил. Он, по сути, был того же мнения и просто старался меня успокоить. Потом, когда я вспоминал наши беседы, осмысливал их, то каждый раз поражался выдержке и силе этого человека. Сначала факты подтвердили мою оценку положения группы. Перед сном я принял ванну и собирался лечь в постель. Виталий Михайлович что-то записывал.

- У нас действительно была возможность подготовиться. Еще дома, в Союзе, - заговорил он внезапно, словно продолжал прерванный разговор. - Провести «жароустойчивую» акклиматизацию. Выехать куда-нибудь в пустыню, скажем в Каракумы, с ограниченным запасом воды и просидеть там, в песках, несколько дней. Мне кажется, об этом вообще надо подумать. Сейчас понятно: в альпинизме для нас еще масса «белых пятен». Если здесь, на 36-37-й параллели, сдыхаем, то что будет, когда нас позовут куда-нибудь в Перу или Эквадор? Предложат подняться, к примеру, на Чимборасо? А с этой горы, если стать на цыпочки, можно увидеть экватор. Думаешь, там восхождения невозможны? Возможны... Все возможно - если не сегодня, то завтра.

- Надо поговорить о таких тренировках. Вы правы... Я не договорил. Открылась дверь. На пороге стояли Гракович и Онищенко. Черные, обросшие лица, помутневшие, пытавшиеся улыбаться глаза. Испуганные их появлением, мы почти в один голос спросили:

- Что случилось? Где ребята?

- Все нормально, - ответил Слава. - Ребята на маршруте. Дайте сесть и принесите ведро воды. «Ведро воды» им не дали. Заставили потерпеть несколько минут и напоили чаем.

- Так что там произошло? - спросил Абалаков.

- Ничего особенного, - заговорил Валентин. - Мы могли бы продолжать восхождение, но с водой плохо. Не рассчитали. Осталось мало, на всех не хватало. Мы поговорили и сочли, что в этом составе группа двигаться дальше не может. Вопрос о том, кому спускаться, по сути дела, и не стоял. Остаются, разумеется, Сережа Бершов, Майк Уорбертон и Толя Непомнящий, поскольку он еще и «средство» преодоления языкового барьера. Слава принял это решение, и мы с ним отправились вниз.

- Я уверен, - сказал Слава, - ребята теперь дойдут. Самое тяжелое позади, дальше будет легче. Не в смысле техники лазания - там еще встретятся очень сложные участки. Но это не преграда, мастерства у ребят хватит. Главное, что группа теперь уже вошла в нужный рабочий режим и, кажется, начинает втягиваться в эти чертовы термоусловия. Ну а мы...

- Мавр сделал свое дело, - перебил его Гракович, - мавр может удалиться.

Я понимал Валентина. Досада его относилась только к существующему порядку, по которому ни Онищенко, ни Гракович не могут считаться покорителями Эль-Капитана. Хотя Валентин с самого начала взял на себя наиболее тяжелую работу, подставил свои плечи для успешных трудов партнеров. Роль Онищенко и Граковича напоминает мне роль ракеты-носителя (или по меньшей мере одной его ступени), которая выводит корабль на орбиту. Что касается Онищенко, то он руководитель группы, и его тактический маневр - умное организационное решение о выделении штурмовой тройки - обеспечил успех.

Мы снова на своем «наблюдательном пункте». Теперь нас четверо. Несмотря на раннее утро, полно народу. Советским сегодня, предстоит пройти очень трудный участок - об этом знают многие, поскольку каждый рабочий день нашей группы освещается сводкой в местных . газетах. Среди наблюдателей много знакомых альпинистов. Рядом с нами Алан Стэк.

В объективе трубы наша тройка. Парни возятся с веревками, готовятся к выходу. Судя по всему, первым собирается идти Бершов. Я вглядываюсь в рельеф стены и в это время слышу голос Онищенко. Он лениво, с какой-то певучей интонацией говорит:

- По-моему, господь пробовал на этом куске стены новую модель утюга. И судя по всему, остался доволен. Алан, решив, что реплика Славы обращена к нему, выжидающе смотрит на Граковича. Валентин переводит, и, кажется, удачно. Алан смеется, кивает головой:

- Да, да! Пожалуй, новую. Все остальное выглажено не так хорошо.

В описании маршрута сказано, что этот участок проходится без применения крючьев. Но я не представляю себе, как это можно сделать. Смотрю на Валентина:

- А тпј их знает! - роняет он.

- Что-то здесь не так... - произносит Виталий Михайлович.

На полке наконец приступили к работе. Сережа двинулся вверх. Идет легко, пока еще есть зацепки. Он подается вправо. Еще правее, еще... Все логично. Мелкая структура стены подсказывает именно такое движение, Но... Все. Микротраверс исчерпался. Дальше нельзя и нет смысла. Мне это напоминает некую шахматную иллюзию: в голове вдруг мелькнет красивое начало комбинации, очертя голову схватишься за нее, сделаешь два-три хода и вдруг выяснишь, что нет никакой комбинации, дальше тупик... Но это мое сравнение сильно хромает. Здесь нет и быть не может иллюзий, ибо передо мной не начинающий игрок, а гроссмейстер. Должно быть продолжение, Бершов что-то задумал. Он останавливается и долго стоит, вглядываясь в какую-то точку. Потом, не отводя глаз, привычным слепым движением отцепляет от поясного карабина маленький

металлический предмет...

Слева от меня раздается тревожный возглас и короткая английская реплика. Я понимаю ее и без перевода.

- Все! Сейчас он забьет шлямбурный крюк, и маршрут будет испорчен! - с едкой досадой произносит Алан.

«Этого не может быть! Это невозможно! - хочется мне крикнуть. - Сережа никогда не пойдет на это. У него хватит не только порядочности, но и просто ума, чтобы этого не делать. Здесь в конце концов не стоит вопрос о жизни и смерти». Но я молчу именно потому, что уверен в своей правоте и не хочу предвещать события,

Теперь видно: в руках у Бершова маленькая втулка с кольцом. Сергей вкладывает ее в обнаруженную им мелкую поперечную щель и для прочности пристукивает молотком.

- Боюсь, что, вкладыш слишком легко вошел, - с хрипом выдавливаю я из себя.

Но здесь восходители. По их тревожным лицам можно судить, что они понимают это не хуже меня. Человек наверху тоже об этом знает. Однако выхода нет. Ему и в голову не приходит применить шлямбурный крюк. Для него это невозможно, как невозможно, скажем, испортить чужую ценную книгу чернильными пометками. Он и в самом деле не так воспитан. Алану неловко. Он переживает свой промах - прячет глаза и даже отходит в сторону. Он действительно не должен был так думать об АЛЬПИНИСТЕ! Альпинисты бывают всякие? Бывают. Но всякие - это не альпинисты, это просто восходители. Я часто подменяю один синоним другим только для гладкости письма. Бершов цепляет веревку и начинает подтягиваться... Мне показалось, будто раздался щелчок, хотя на таком расстоянии услышать его невозможно. Зато хорошо было видно, как из гнезда пробкой выскочила втулка. Сергей пролетел метра полтора-два и задержался. Кажется, столько же и в том же направлении пролетело мое сердце... Еще попытка. Снова подтягивание и... снова срыв. На этот раз пострашней - Сергей падал не менее восьми метров. На страховке стоял Толя. Напружившись, сложившись пополам, упираясь ногами в камень, он принял рывок, качнулся вперед под его действием, но выдержал.

Бершов отступил - как потом он рассказывал - впервые за свою восходительскую жизнь. Его подменил Майк Уорбертон. Та же операция и тот же результат.

Еще попытка. Снова срыв - опасный, глубокий. Майк болтается на веревке и что-то кричит.

Бершов и Непомнящий благополучно вытягивают его на полку. Я отрываю от глаз трубу и смотрю на Алана. Он пожимает плечами.

- Не понимаю этих мальчишек! - говорит он. - Зачем им понадобились такие опасные эксперименты?!

- Почему эксперименты? Какие эксперименты? - спрашивает Гракович.

- Потому что нечего выдумывать, нужно проходить этот участок обычным способом.

- Ничего не понимаю, - встрепенулся Онищенко.- Валентин, ты что-нибудь слышал там, наверху, про обычный способ?

- Увы, нет. Алан, что имеется в виду под обычным. способом?

- У Майка в кармане должны быть «крабы». Он хорошо знает, что без них там пройти невозможно. Об этом сказано в инструкции... Я думал, это инициатива Бершова - сделать попытку пройти в галошах. Возможно, он хочет рекламировать их как альпинистскую суперобувь, - шутливо добавил Стэк.

А наверху в этот момент Уорбертон подтверждал правдивость своего патрона. Майк достал маленький, похожий на рыболовный, крючок и передал его Сергею. Американцы называют его «небесный крюк». Острый конец из легированной стали хорошо держит, зацепившись даже за едва уловимый глазом, миллиметровый выступ. Сергей снова начал подъем. И теперь, дойдя до злополучного места, с артистической легкостью одолел его за несколько минут. У меня не выходил из головы вопрос: почему Майк умолчал о «крабах»? Чем больше думал, тем больше приходил к выводу: из альпинистской дерзости, из желания опровергнуть традиционное отношение к этому участку, доказать, что невозможное возможно. Он исключительно высоко оценил альпинистский талант Сережи (потом они стали большими друзьями) и решил не упустить редкий момент совместной работы с сильнейшим восходителем. Молодой американец считал, что лучше пока скрыть существование «крабов» - пусть, мол, думает, что по-другому пройти здесь нельзя. Это повысит его упорство.

В дальнейшем на маршруте ничего особого не приключилось. На шестые сутки группа вышла на вершину и в тот же день благополучно спустилась вниз.

Шесть суток не рекордный срок для Эль-Капитана. Находились американцы, проходившие его много быстрее. Но и по американским понятиям это хорошее время. Однако, если учесть, что ребята все же «прочли маршрут с листа», то восхождение можно считать прекрасным достижением советской альпинистской школы.

Эль-Капитаном завершилась деловая часть нашего визита в США. Должен упомянуть еще и о том, что в северных Каскадах, неподалеку от Сиэтла, в районе пика Бананза, наша четверка - Онищенко, Гракович, Бершов и Непомнящий - вместе с известным американским альпинистом Алексом Бертулесом прошла новым маршрутом на пик Бананза. Этот подъем в то время явился единственным первопрохождением советских спортсменов за рубежом. Потом мы узнали, что Алекс Бертулес долго «хранил» сей путь для себя. Но теперь решил «подарить» его советским гостям. Скажу без всякой натяжки: это большая жертва! Алекс назначил оптимистичный, по его мнению, срок: трое суток. Группа поднялась на вершину за девять часов.

В Денвере нас, хлебосольно принимал видный альпинист США Боб Крег. В Сиэтле - уже знакомый читателю Питер Шонинг. Он оказался исключительно радушным хозяином и, ко всему прочему, предоставил нам возможность покататься на водных лыжах по озеру Вашингтон. Здесь же мы побывали в гостях у родителей погибшего на Памире Гарри Улина. Они принимали нас как близких людей и бесконечно вспоминали о чуткости и заботе, которыми их окружили в Советском Союзе. Всем им, а также Ди Моленару, или, как он называл, Диме Мельникову, прекрасному альпинисту, художнику, картографу, и многим другим, кого, к сожалению, не смог здесь назвать, хочу выразить глубокую,

искреннюю признательность, выполнив тем самым поручение группы.

Потом самолетом мы пересекли всю страну с запада на восток и приземлились в городе Спрингфилде. Здесь : состоялась наша третья встреча с президентом ААК господином Путнамом. Вильям Путнам, веселый, остроумный человек, хорошо говорит по-русски. В нашу честь он устроил большой прием, на котором были все члены восточного отделения ААК. Представляя некоторых из них, он в каждом случае использовал слово «великий». Заканчивая эту вступительную часть встречи, он сказал:

- С остальными не стану вас знакомить, чтобы вы не подумали, будто я их знаю.

Затем он выступил с речью, в которой говорил о нас с теплотой и симпатией, восторженно отзываясь о нашем восходительном мастерстве. Путнам сообщил, что ААК получил очень много писем, в которых американские граждане горячо благодарили правление клуба за приглашение советских альпинистов.

Президент ААК пригласил для ответного слова руководителя группы Вячеслава Онищенко, кандидата географических наук Валентина Граковича, инженера-конструктора Виталия Абалакова и автора этих строк. Все выступавшие выражали надежду на продолжение обмена, на новые встречи.

Бросок

Пожелания сбылись. В 1976 году американские альпинисты поднимались на наши горы. А в 1977-м мы вновь посетили Соединенные Штаты Америки.

* * *

Она появилась внезапно. Чудотворно возникла в студеном пространстве, словно сотворилась из белого неподвижного тумана. Зависла на мгновение, мелко помахивая крылышками, и села на плечо Олега. Мы замерли, с изумлением глядя на это непонятно, как сохранившееся здесь существо. Олег повернул голову, обдал гостью клубами теплого, но мгновенно осевшего инеем пара и, тут же смекнув, что несет ее перьям гибельное оледенение, прикрыл рот рукой.

Ниже, намного ниже, на леднике, где стужа лютует не так беспощадно, мы много раз наткнулись на этих птиц. Они... валялись в сухом снегу, рефлики ледяную броню, вращая камнями в ее поверхность. Но здесь! Здесь, высоко над уровнем джек-лондонского Юкона, в мире белом, но не таком уж безмолвном, мире, который оглушающе дышит смертоносным морозом, увидеть этот трепещущий комочек жизни?!

Борисенок, боясь шевельнуться, неподвижно стоял в неловкой позе, расставив ноги в широких снегоступах, выставив ледоруб вперед. Считая, возможно, свое поведение излишне сентиментальным, решив, что в моих глазах выглядит глуповато, он в смущении опустил глаза, но исподволь поглядывал на пернатого пришельца. У него были веские основания оценивать свое поведение, мягко говоря, безответственным: несколько минут неподвижности чреваты в лучшем случае сильной простудой - на термометре 35 градусов ниже нуля! Птичка явилась прекрасным тому примером: продлила себе жизнь на минуты, может быть, даже на часы тем, что, выбиваясь из сил, продолжала полет и решила на остановку, лишь завидев теплое пристанище. Олег не двигался, он опасался вспугнуть это

хоть и обреченное, но пока еще живое существо. Он только позволил себе негромко сказать:

- Нашла где устроить бивак! Что с ней делать? Не сажать же в рюкзак?!

Птичка погостила недолго. Чувствуя, видимо, что застывает, она взмахнула крыльями и полетела дальше. Потом, когда стали на бивак, я вспомнил про нее и некстати сказал:

- Ничего не сделаешь. Погибнет! Олег сразу понял, что я имею в виду:

- А вдруг нет? Они здесь привыкли... Живое приспосабливается. Мне иногда земля кажется опытной фабрикой, рассадником, где постепенно отодвигается барьер непереносимости. Когда он дойдет до нужной отметки, когда вырастет устойчивая рассада, кто-то и как-то начнет закидывать ее на другие планеты. Может, во вселенной еще только готовится жизнь?

- Слушай, Олег, - усмехнулся я, - не понимаю, почему ты не стал фантастом?

- Смеешься! Чем гоготать, лучше вспомни Рея Жакета. Человек пережил на этой горе 60 градусов мороза! Не сидя внизу у печки, а на большой высоте, при скудном кислородном пайке. А кислород - питание крови, а кровь - наше отопление.

- Он долго привыкал. 21 раз ходил сюда с клиентами!

- Вот-вот! Привыкал! О том и речь.

Внизу, на леднике, где стоит наш базовый лагерь, соседи-американцы познакомили нас с этим человеком. Сенсационные подробности его жизни произвели на меня понятное впечатление. Забывшись, я смотрел на него так, словно находился в музее. Это было не только хорошее, но и полезное чувство.

В тот же день чуть раньше, когда маленький, спортивного типа самолет высадил на ледник последнюю нашу связку, на глаза нам попала двойка канадцев. С поникшим видом они сообщили, что заперлись на тяжелом ледовом участке. Они говорили: это адово место, ничего подобного нигде никогда не встречали и преодолевают его скорее всего только те, кто пользуется какими-то специальными, хитрыми приспособлениями. Но сильнее всего они хлестнули нас информацией о своем близком знакомстве с Мак-Кинли-прежде они уже поднимались на вершину этой горы, однако другим, более легким путем.

Здесь со мной Эдуард Мысловский, Олег Борисенок, Валентин Иванов, Сергей Ефимов и Алексей Лебедихин. Все мы опытные высотники, хорошо знаем нрав высотной стихии, научились с ней ладить. Но сознание наше буквально гвоздем прошивает мысль, что нас ожидает спор с высотой, которая находится в трех градусах от Полярного круга, что мы на Аляске и хотим покорить знаменитую гору Мак-Кинли (с 2015 года – возвращено исконное наименование – ДЕНАЛИ). Еще в Сиэтле, принимая у себя дома, руководитель района архитектор Алекс Бертулис, интеллигентный, искренний человек, ставший нашим другом, откровенно сообщил нам, что связывался по телефону с шефом пилотов и тот передал: на Аляске сейчас холодней, чем обычно бывает в это время года.

- Можно остаться без пальцев! - предупредил Алекс. - В этом сезоне на вершину еще

никто не поднимался. Хорошо подумайте, прежде чем выберете маршрут. В случае осложнений вам, конечно, будет оказана помощь, но скажу, прямо: спасательный вертолет обойдется американским альпинистам в немалую копеечку.

Нам были дороги эти слова. Мы оценили доверие Алекса - он полностью доверял нашей совести. Он не стал нас уговаривать двигаться легким маршрутом, а предложил взвесить свои возможности и учесть при этом, как говорят, привходящие моменты. Позднее, в Москве, один мой знакомый сказал на сей счет: это все равно, что угощать гостя и объявить ему, во что обошлось угощение, Ничего общего! В альпинизме действуют законы деловой этики. Подмену деловой этики бытовой мы называем неуважительным словом «коккетство».

К вершине горы ведет много маршрутов, из которых несколько традиционных, наиболее легких, если это слово вообще применимо к самой высокой горе Аляски. Статистика, со свойственной ей пунктуальностью, установила основные причины несчастных случаев на Мак-Кинли: здесь 2 процента погибли от срывов, 7 процентов - от болезней и 91 процент - в результате плохой погоды. Но статистика не рассуждает - она что видит, то и поет. Зато она наводит на размышления. Такой процентный расклад обусловлен другим фактором: большинство восходителей двигаются к вершине наиболее простыми дорогами. Боже упаси нас узнать, как бы выглядела статистическая арифметика, если львиная доля претендентов потянулась бы маршрутами Кассина и Вестриб (Западное ребро). Боюсь, что в пункте «срывы» цифра бы сильно подскочила.

С этим нелегким для нашей психики информационным грузом прибыли на ледник, и здесь, сочтя, вероятно, что слишком высоко все-таки держим головы, судьба послала нам встречу с двойкой канадцев. Мало того, почерпнутые из их уст неутешительные сведения пополнились еще одним фактом. Парни тянули за собой сани, груженные мусором: банки, коробки, полиэтилен, бумага, ящики... Да, хозяева держат горные склоны в идеальной чистоте. Уж как им удалось создать эту традицию, не знаю, но ни один местный альпинист не позволит ни себе, ни другим замарывать горы отбросами. Все отходы человеческого быта собираются в тару и спускаются вниз. На наших глазах канадцы высыпали мусор в контейнер. Потом его заберет самолет и унесет с ледника. Это прекрасно! Но на наши плечи легла еще одна забота. Всю сумму условий следовало учитывать, выбирая маршрут. Однако идти к вершине путем наименьшего сопротивления - в буквальном смысле этого выражения - значит сразу спасовать, объявить уровень нашей альпинистской школы весьма незавидным. Поэтому о простых путях подъема у нас просто и речи не велось. Их словно и вовсе не было, в каком бы мрачном свете ни представляла перед нами картина будущего восхождения.

В Анкоридже, куда мы прилетели из Сиэтла, сопровождавшие нас американцы Майк Хелмс и Рейли Мосс потешили нас веселеньким разговором о том, что два дня из трех на горе стоит плохая погода, и о том, что это такое, когда здесь плохая погода. Они вдруг затеяли воспоминания о своих, так сказать, ампутированных знакомых, покорителях Мак-Кинли. И у нас сложилось впечатление, что среди их знакомых вообще нет неампутированных. Разумеется, они это делали без всякого умысла, ибо хорошие, веселые парни и относились к нам с самой искренней дружбой. Просто они настолько привыкли к своему району, что вести подобный разговор для них столь же несложно, как, скажем, прозектору закусить за анатомическим столом. В общем все здесь складывалось так, чтобы мы, не дай бог, не вздумали как-нибудь по-своему толковать популярную формулировку: «Мак-Кинли - самая скверная гора в мире».

И вот сейчас, на леднике, как ясный день, явился нам Рей Жанет. Вот альпинист, который 21 раз поднимался на вершину (правда, одним и тем же путем, и не самым сложным) и жив, здоров, весел. Да! Мы не могли тогда знать, что два года спустя этот самый морозостойкий человек на земле замерзнет на Эвересте при спуске - побывав на вершине! - на высоте 8500 метров при очень непонятных обстоятельствах...

Хороший шанс из трех возможных выдался сразу. Пилот Хадсон высадил нас на юго-восточной ветви ледника Кахилтна на высоте 2134 метра и сказал: «Это я вам включил хорошую погоду».

У нас четыреста десять килограммов груза. Доставить его в базовый лагерь можно лишь в два приема. Мы делим нашу поклажу пополам, начинаем рюкзаки, раскладываем на двое саней и отправляемся в первый рейс. Кажется, весь снег Мак-Кинли природа сгребла на ледник. Вымороженный и потому на редкость сухой, этот зубной порошок не держится на склонах, ветер сносит его на глетчер. Мы идем на широко расставленных ногах в непривычных нам снегоступах и даже в них проваливаемся по колено. Пятнадцать километров в один конец. Четыре с половиной часа. И пятьсот метров подъема.

Тут же взялись ставить палатки. Работали не спеша. Внезапно Эдик Мысловский, спохватившись, сказал:

- Когда это было, чтобы на ночь глядя строили лагерь и так прохлаждались? Обычно носимся - язык на плече! - чтоб до ночи успеть. Ведь время - скоро одиннадцать!

- Это потому, - ответил Валентин Иванов, - что, глядя на ночь, видишь белый день.

- Ну благодать! - радостно воскликнул Сережа Ефимов.

И впрямь: всем вдруг становится весело. В утомленных душах вспыхивает свет, усталости как не бывало. Дело к полуночи, а на небе солнце! Низкое, большое, красное... но солнце! Полярный день.

В 23 часа по Анкориджу мы становимся на снегоступы и трогаемся в обратный путь. Солнце остается у нас справа и сзади. Оно все-таки садится. Прямо на глазах в него понемногу врубается отдаленный скальный клин. А справа и спереди холодно, беспощадно и как-то пугающе пристально смотрит луна. Она навевает на землю лютую стужу, и мы это чувствуем с каждой минутой все больше и больше. Час назад термометр показывал тридцать пять градусов мороза. Сколько теперь?

Мне надо бы подтянуть ремешок на снегоступе. Он слишком свободен, вихляет нога, затрудняется и без того нелегкий путь. Но я не решаюсь на это. Страшно и опасно снимать рукавицу - стужа мгновенно сковывает пальцы, и они на глазах белеют.

Утром 21 мая забрали оставшийся груз и через несколько часов доставили его в лагерь. Мы рассчитывали оставаться здесь долго. Статистический срок восхождения - три-четыре недели. С этим расчетом в Анкоридже запасались продуктами, с этим расчетом сейчас строили лагерь. Перед самым выездом в Штаты на Эльбрусе, где проходили высотную акклиматизацию, мы все десять дней учились складывать эскимосские иглу. Сейчас эта практика пригодилась. Каждая связка сооружала из смежных кирпичиков округлый,

конусообразный домик на двоих. Прекрасное, теплое, прочное, уютное жилище, непроницаемое для сильных ветров и лютого мороза. На «улице» под сорок, а в иглу минус два-три градуса!

Здесь мы провели решающий разговор о выборе маршрута. Речь шла о путях Кассина и по Западному ребру. Позднее в Москве, когда отчитывались о результатах экспедиции, некоторые внимавшие нам (видимо, не очень внимательно) альпинисты постоянно путали маршруты: по Западному ребру и по Западному гребню. Звучит, конечно, очень схоже. Но по степени сложности они отличаются примерно так же, как автомобиль от велосипеда. Поскольку Западный гребень считается не очень трудным, то нас упрекнули в неполноценной, так сказать, отдаче опыта, мастерства, сил. Я не убежден, что этим альпинистам удалось в конечном итоге усвоить разницу между Западным ребром и Западным гребнем. Кстати, последний тоже далеко не самый простой из путей, ведущих к вершине.

Заодно хочу откровенно сказать: у меня всегда вызывали недоумение люди, которые рассматривают альпинизм как средство повергать мир в изумление. Я уж не говорю о том, что это профанация самой сущности нашего вида спорта, но за этим стоит неоправданное и никому не дозволенное высокомерие, чванливость. Истинные альпинисты стремятся к достижениям, а не к эффектам. Нас не без основания станут называть самоубийцами, как только задачу произвести впечатление мы сделаем для себя самоцелью. В Америке мы не работали только на впечатление, трудились, как говорят, по мере сил и возможностей и потому получили самую высокую оценку американской альпинистской общественности. Наш спортивный уровень хорошо был виден специалистам. И вряд ли мы сумели показать его выше, чем он есть, если бы стали для этого, что называется, лезть из кожи вон. Мы остановили свой выбор на маршрутах Кассина и Вестриб не только потому, что они самые сложные, но прежде всего потому, что они нам по плечу.

Боюсь, что читатель этот упрек может отнести в адрес Спорткомитета. Это было бы большой ошибкой. Как раз наоборот: именно руководство Спорткомитета всеми силами стремится противостоять подобным настроениям некоторых авторитетных восходителей из Федерации альпинизма - тех, кто старается во что бы то ни стало быть «святое самого папы». Даже если смотреть с позиций чистого престижа, то уж лучше играть главной козырной картой советского альпинизма: безаварийностью восхождений. Этичней, гуманней!

Перед отъездом в Штаты в Спорткомитете мне десять раз повторили: «Помни! Главное - безопасность! Пусть поскромнее, но чтобы все вернулись живыми и здоровыми». Это были очень хорошие слова. Мы постоянно помнили их и заработали в Америке оценку «отлично» мастерством, а не бесшабашной удалью.

Итак, набившись вшестером в иглу, мы обсуждали вопрос: как лучше пройти на вершину? Я сказал, что надо сделать выбор, который гарантировал бы нам две вещи: неременный выход хоть частью группы на вершину и минимальную вероятность несчастных случаев.

- Насколько я знаю, - возмущенно ответил Валентин Иванов, - из тридцати с лишним групп, которые осадил сейчас Мак-Кинли, двадцать претендует на Западный гребень. Давайте тогда и мы... Будем двадцать первой. А можно найти и того проще.

- У нас свой разряд, - сказал я. - И всем ясно, что на Мак-Кинли мы должны выступить в своем разряде. Кассина и Вестриб - маршруты нашего разряда. И о других не идет разговор.

- Почему? - возразил Иванов. - Мы можем сделать первопрохождение.

- По климатическим условиям, - вмешался Борисенок, - Мак-Кинли не только не уступает Эвересту — она считается более суровой. К подъему на Эверест экспедиции готовятся годы. И это всем понятно, для всех естественно. А Мак-Кинли, ты почему-то считаешь, можно прийти, увидеть, победить. По-моему, сперва надо испытать на собственной шкуре вообще этот район. Кроме сведений, почерпнутых с печатных страничек, мы о нем ничего не знаем. Я считаю, что мы достаточно дерзко решаем вопрос, выбирая между Кассином и Вестрибом.

- А почему вообще надо непременно выбирать? - заговорил Мысловский. - Почему надо обязательно всем скопом выходить на одну тропу?! Можно сделать и тот и другой маршрут...

- Кстати, - перебил его Алексей Лебедихин, - Майк и Рейлн уверяют, что разница между Кассином и Вестрибом очень незначительная, они, по существу, почти равноценны.

- Я бы этого не сказал, - не согласился Сережа Ефимов. - Кассин сразу о себе заявляет. В нижнем кулуаре сплошной лед. Какой?! На вид его отбойным молотком не возьмешь. Там метров триста будет.

- Я лично, - снова заговорил Валентин, - хотел бы пойти маршрутом Кассина. - Он выразительно посмотрел на Эдика. Заметно было, что предложение партнера по связке не привело Мысловского в восторг. Как руководитель группы, он чувствовал особую ответственность за судьбу людей и восхождения. Ему близки были мои доводы. Однако все понимали: это ивановское «я лично» означало вовсе не «я», а «мы», то есть двойка Мысловский - Иванов. Если желание одного партнера идет вразрез с желанием другого, то какая же это двойка?! Психологическая совместимость—это изначальное условие связи. Но неписанные законы альпинистской этики обязывают партнеров и к солидарности в намерениях, действиях. И если партнерам небезразлична прочность их веревки, то ради солидарности им иногда приходится наступать себе на горло.

С минуту Эдик молчал. Потом, чувствуя, что группа ожидает его ответа, сказал:

- Я должен подумать.

Мысль о разделении группы пришла мне по душе. В самом деле, почему бы одной двойке не попытаться счастья на этом столь высокопrestижном маршруте. Мы же двумя связками: Шатаев - Борисенок и Ефимов - Лебедихин для верности пойдем Западным ребром. Уж кто-нибудь из нас на вершину поднимется. Ребята охотно согласились на такой вариант.

Позднее сказал свое ответное слово и Эдик Мысловский. Он согласился сделать попытку пройти маршрутом Кассина.

Было принято и еще одно решение. И уж если нам полагалось сделать что-нибудь «первое», то эта затея - одна из самых первых на Мак-Кинли.

Увидев меня возле иглу, Майк и Рейли с округленными от удивления глазами спросили:

- Это правда?
- Что «правда»?
- Вы хотите идти на вершину в альпийском стиле?
- Хотим.
- Но это... Мак-Кинли!

Именно потому, что это Мак-Кинли, мы хотим идти без промежуточных лагерей, без предварительной обработки участков, без предварительных забросок. Все при нас - в рюкзаках. Мы считаем, что по Мак-Кинли нельзя разгуливать туда-сюда - слишком она норовиста. Но у нее, к счастью, довольно замедленная реакция. Прежде чем эта гора возьмется стряхивать с себя мошкарку в образе альпинистов, мы, возможно, успеем подняться на вершину и спуститься с нее.

22 мая рано утром решили сделать небольшую рекогносцировку. Отправились по северо-восточной ветви ледника Кахилтна и, преодолев перепад высоты около 750 метров, вышли на отметку 3400. Отсюда хорошо видны подробности предстоящих маршрутов. Если б не отдельные темно-серые плещи, пробившиеся скальные пики или проросшие двускатными крышами острые каменные гребешки, на которые изредка натывается глаз, можно было подумать, что мы попали на огромный айсберг. Бесконечное царство льда! Им заросли склоны, кулуары, перегибы... Повторяю, ветры оголяют его поверхность, сдувая сухой снег вниз, на ледник. С тяжелой душой мы вглядывались в верхний ледопад, сплошь испещренный трещинами, напоминавший морщинистую шкуру слона, - искали пути прохода. Впрочем, нет худа без добра. Нас отчасти успокаивал тот факт, что вероятность схода лавин на редкость низкая. Наши хозяева говорили, что в этом смысле нам повезло: нынче стояла сухая весна и структура снега не позволяла ему вовремя закрепиться на склонах.

Насытившись этими далеко не радостными для нас ландшафтами, отправились вниз. Уж пару дней стоит плохая погода. Оправдывается статистика: из семи дней нашего пребывания на Аляске четыре скверных. Сегодня, 24 мая, Мак-Кинли затянута облаками. Наши альтиметры «низко пали», так что ничего хорошего по части метеоусловий нынче не предвидится. Сегодня не выходит ни одна группа. И... это большая ошибка. Человек, понятно, слабее природы, но он иногда может оказаться хитрее. У меня есть ощущение (я ему доверяю: способность предчувствовать погоду — одна из сторон альпинистского опыта), что нынче эта, так сказать, непогожая волна достигнет кульминации и к завтрашнему дню пойдет на спад. Я предложил группе немедленно выступить. Пока мы будем находиться достаточно низко, чтобы не бояться катастрофических исходов даже в случае сильного шторма. Трудности перетерпим. Зато есть надежда, что самые тяжелые участки, где-нибудь в районе вершины, нам высветит солнышко. Я сказал:

- Погода неважная. Американцы, канадцы в такую, как правило, не выходят. Можно и

нам подождать. Но вслед за хорошей может случиться ужасная, невыносимая - по закону затишья перед бурей. Лучше идти теперь с реальной надеждой на улучшение, чем потом неделю отсиживаться где-то в пещере... Убеждать никого не пришлось. В увесистых рюкзаках запас продуктов, горючего на 7-8 дней, теплые вещи, среди которых по 4-5 пар рукавиц, два примуса - на каждую связку по штуке. Третий у Мысловского с Ивановым. Они, как уже известно, идут другим, кстати, параллельным путем. Нам здесь дали две рации: дальней связи - для переговоров с базой - и ближней - для общения между группами.

Еще в Анкоридже наше снаряжение дотошно проверяли представители спасательной службы. Они осмотрели палатки, спальные мешки, обувь, рукавицы, носки, набор продуктов — не только их количество, но и качество. Спасатели прочитали в наших глазах недоуменный вопрос: «Здесь, стало быть, кончается игра в «свободный альпинизм»?» - и ответили так: в прошлом, 1976 году каждая пятая группа имела несчастный случай, каждый 20-й восходитель стал жертвой такого случая, а каждый 30-й нуждался в эвакуации (всего в ледниковой зоне побывал 671 человек).

Итак, мы на снегоступах снова бороздим ледник. Ночью выпал обильный снег, полностью замел наши прежние следы. Ноги проваливаются в сыпучий полуметровый пласт. Чем выше поднимаемся, тем злее становится ветер. Кажется, здешняя метеослужба такой тоже называет порывистым. И впрямь порывистый... если периодические пятнадцати-двадцатиминутные ураганы считать порывами. В интервалах ненастье до конца не стихает. В такие минуты чудится, будто некий великан порциями набирает в легкие воздух, с каждым разом все больше и больше, чтобы потом с огромной силой выдуть его обратно. Все-таки в этот день мы прошли ледник, ледопад с его уймой трещин и оказались у начала скального ребра. Можно было двигаться дальше, силы еще до конца не иссякли, но за густой облачностью не представлялось ни малейшей возможности рассмотреть маршруты. Я говорю «маршруты» во множественном числе, потому что Эдик Мысловский и Валя Иванов пока еще с нами. Лишь отсюда наши пути разойдутся. Здесь, на высоте 3570 метров, организовали первый бивак.

Рано утром, когда группа еще спала, я приоткрыл полог, чтобы поинтересоваться погодой. Ветер поутих, но через несколько секунд стало ясно, что и без того коротенький ртутный столбик опустился еще ниже. Мой взгляд упал на сильно провисшие скаты палатки Ефимова и Лебедихина. Это естественно: изнутри полотнища заросли толстым слоем инея, сантиметров в шесть-семь. Наша палатка выглядела как раз «противоестественно» - на внутренней стороне ее стенок едва заметен легкий след изморози. Мы с Олегом благословляем эту «противоестественность», ибо она следствие изоэнтальной человеческой мысли. Наша палатка сшита из нового материала - гортекса. Мельчайшие его поры пропускают молекулы пара, но задерживают молекулы воды, которые во много раз больше. Таким образом, пар, образованный нашим дыханием, выходит наружу, а талый снег или дождевая вода стекает вниз. Правда, наш матерчатый домик чуть холоднее. Именно поэтому Сережа и Алексей предпочли палатку из традиционного материала - нейлона.

Я подумал: вот такие, казалось бы, совсем незначительные, крохотные детали влияют на успех восхождений. Ночь, проведенная в условиях кислородного голодания да еще в душной палатке, вряд ли могла пройти бесследно. Неудивительно, что порою у самой цели, под вершиной, восходителя неожиданно охватывает полное бессилие и он в двух шагах от воплощения мечты поворачивает, чтобы следовать вниз. В таких вот душевных

палатках, возможно, и «копятся» гипоксия и всякие губительные на этих высотах болезни.

Однако, думая об этом, я чувствовал некое тайное, едва уловимое беспокойство в душе, что-то тяготило мою совесть. И вдруг стало понятно: я радуюсь послаблениям в своей альпинистской жизни. Тем послаблениям, которые несет цивилизация. Все-таки она просачивается в альпинизм, как ни стараемся мы от нее отгородиться? Впрочем, судя по моей реакции (и не только моей), можно сделать вывод: недостаточно стараемся! Не исключено, что только делаем вид, будто стараемся.... Кто нам мешал, скажем, добираться до ледника собственными, ногами, а не лететь на самолете? А мы, между прочим,! тем самым упустили интереснейшую альпинистскую возможность: преодолеть самый большой в мире перепад высоты - пять километров! Но мы этого не сделали, поскольку уже давно сложилась традиция: восходителей на ледник доставляют самолеты. Подъем на вершину начинается с высоты две с половиной тысячи метров. Словом, главный принцип альпинизма: первородный способ покорения вершин, восхождения без использования механизмов — оказался не таким уже незыблемым.

...Необычно долго длятся сборы. Холодно. Пальцы шевелятся с трудом. Надеть на себя обувь - целая история. Много времени занимает приготовление пищи. Увы! Снег тает гораздо медленней, чем наши запасы бензина. Прежде чем станет водой, он, снег, сожрет уйму горючего.

Когда начинающие альпинисты спрашивают у меня: «Что труднее - технические восхождения или высотные?» - я, как и положено, говорю: и то и другое по-своему трудно. Так, наверное, и следует ориентировать новичков. Самому же мне казалось сейчас, что, работая на скальном куске гребня, я отдыхаю. «Это прогулка! - говорил я себе. - Приеду домой, пойду по отрогам кавказских хребтов». Глаз то и дело наткнулся на продолжение скального острья - протяженные участки плешивого льда, к которым приближал меня каждый пройденный шаг.

Вот они, «ягодки»! Не поймешь: лед это или какие-то незнакомые кварцевые отложения? Разве что искры не летят из-под «кошек»! Впрочем, мне знаком такой - или почти такой - по незабвенной зимней Ушбе. Мог ли я тогда думать, что она станет прелюдией к легендарной Мак-Кинли?! Сейчас я порадовался, что там, на Кассине, есть Эдик Мысловский, прошедший вместе со мной ушбинскую школу.

Снова изнурительная работа молотком - сотни ударов по крюку. Снова летящие вниз плоские, блюдцеобразные сколы льда... Отсюда хорошо можно рассмотреть группу японцев. Левее нас, словно насекомые на хребте огромного белого животного, копошатся люди. Они уже неделю трудятся здесь в поте лица, обрабатывают скалы и успели навесить метров четыреста перильной веревки. А мы обходимся без перил, поскольку движемся самостоятельными двойками...

Японцы фундаментально относятся к этому восхождению. И не только они. Их тактика — суть традиционного взгляда на эту гору. Мы хотим доказать - и себе и другим, - что ее можно пройти легким, изящным стилем. Позднее выяснилось: знатоки истории штурмов Мак-Кинли не считали нашу затею бредом сумасшедших. Несколько лет назад тем же способом сюда поднялась двойка англичан, покорившая перед тем Эверест. Однако люди, знакомые с этим фактом, решили, что англичане проскочили случайно! Теперь, если наш поход закончится благополучно, альпинистский мир поймет: подобный стиль правомерен. Я, правда, не убежден в полезности такого переосмысления, ибо далеко

не все, кто захочет повторить сей пример, будут иметь опыт взятия Эвереста или хотя бы зимней Ушбы...

Пройдено наконец тяжелое скально-ледовое ребро. Мы выходим на небольшую ровную площадку, на то самое место, где погостила на Олеговом плече полузамерзшая птичка. Дальше острый ледовый гребень. Но на него еще надо попасть. Вот этот-то поход, маленький семиметровый отрезок, и наводит нас на мысли, которых, полагаю, за свою практику не миновал ни один альпинист, но которые никогда еще никого не украсили. Перед нами ключевой участок маршрута - тот самый, что заставил повернуть двойку канадцев. Нам захотелось немедленно последовать их примеру...

Зеркальная грань голубоватого льда, твердостью уступавшая разве что бронированному стеклу, взмывала вверх под углом около семидесяти градусов! Мы смотрели в глаза друг другу и видели, как отступает внезапно захлестнувшая каждого волна малодушия.

- У нас с Алексеем титановые «кошки», - произнес Сережа Ефимов, - попробую пройти.

Коротким, но сильным точным ударом он врубил клюв ледоруба, потом потянул его на себя - держит!

- Это хорошо, что лед крепкий! - неожиданно весело сказал он. Р-раз! - вонзились в прозрачную гладь остро заточенные передние зубья левой «кошки». Два! - зацепился ледовый молоток. Три! - правая «кошка» сколола кусок льда и скользнула вниз. Но это не страшно. Еще один удар, чуть повыше, дал правой ноге хорошую спору.

Метр пройден. Но главное - Сергей почувствовал лед. Почувствовал, как музыкант, взявшийся за чужой инструмент, поигравший на нем несколько минут, начинает чувствовать гриф или мундштук.

Следующий такт. Мастерски точная работа «кошками», ледорубом, молотком поднимает Ефимова еще на метр. В наших глазах он поднимается значительно выше. Забыв, где мы, что под нами и что еще предстоит пройти, словно цирковые зрители, любуемся захватывающим номером. Адова стенка пройдена без единого промаха! За несколько минут.

Нам проще. Нам сброшена закрепленная наверху веревка. Теперь этот участок не проблема для группы. В десять часов вечера на высоте 4120 метров мы расположились на отдых. Двенадцать часов непрерывной работы продвинули нас на вертикаль в 550 метров. Не густо... если не учитывать характер рельефа.

Я долго не мог заснуть. Ворочался и Олег. Он включил фонарик, чтобы посмотреть время. И вдруг спросил:

- Володя, на какой мы высоте?

- А сам не знаешь?! Четыре тысячи сто двадцать.

- Вот и нет. Четыре сто восемьдесят!

- Не болтай. Перед тем как ставить палатки, показания прибора видел не я один...

- На-ка глянь на альтиметр.

Я взял прибор и увидел на нем цифру, которую назвал Борисенок. Выходило, что, лежа в палатке, мы прошли еще шестьдесят метров. Сей эффект в изумление нас не поверг. Он нам знаком. Сильно упало давление - до той величины, которая при нормальных условиях должна быть на шестьдесят метров выше. Альтиметр тут же показал эту разницу. Я еще раз подумал, что мы слишком прямолинейно, однозначно относимся к оценке маршрутов. Один и тот же путь в разное время может иметь разные, далеко отстоящие друг от друга степени сложности. Даже высота, номинально оставаясь всегда величиной постоянной, фактически, по объективным условиям, переживаемым организмом, может весьма ощутимо вырасти. Хорошо было бы ввести некий погодный коэффициент.

На другой день погода дважды менялась. С утра даже пробилось солнышко. Но ненадолго. Во второй половине дня - снова облачность, резкий ветер, видимость очень низкая. К тому же усиливается крутизна склона. И все же при всех этих условиях мы прошли очень много - подскочили на 1100 метров! В этот день порадовали нас и Эдик с Валентином. На радиосвязи они сообщили, что до выхода из кулуара им осталось три веревки. А в этом кулуаре вся, как говорят, соль маршрута Кассина. Дальше их путь достаточно прост.

Это было 26 мая. А 27-го... И впрямь: за все надо платить! Вчера мы, видимо, сильно перерасходовали отведенный нам природой дневной лимит сил, взяв в долг у сегодняшнего дня. Но прошедшее время по счетам будущего не платит - может быть лишь наоборот, и теперь мы еле волочимся по широкому, окаймленному скальными бастионами кулуару. Возможно, сказывается высота, хотя до традиционной кризисной отметки, что ощущают восходители в начале седьмой тысячи, оставалось еще немало. Но это Мак-Кинли! Географическая широта, я думаю, повышает ее рост минимум на полтора километра. Болела голова. Рюкзак - и в самом деле тяжелый - казался свинцовым. Ужасно ныли ноги, скованные «кошками», которые мы не снимали уже третий день. Был момент, когда в группе слышались реплики, содержащие в себе намеки на необходимость в немедленном спуске. Честно говоря, они были близки и моему сердцу. Казалось, если напрячь остаток воли, то можно сделать еще с десяток шагов вверх, но не более. Мы вышагивали этот десяток, потом еще десяток, еще... Я точно знал: скажи я сейчас, мол, хватит, ребята, разворачиваемся и двигаем вниз, и мне в один голос ответят: погоди, Володя, давай попробуем еще немного... Нет, никто из них не повернет! Просто... на высоте иногда охота покапризничать перед самим собой.

В этот день мы все-таки продвинулись на 730 метров, вышли на высоту 5940 и разбили бивак в двухстах пятидесяти метрах от вершины. 28 мая - самые долгие сборы за все восхождение. Дважды выкидывали примус в снег - вспыхивал бензин. Примус виноват или руки? Думаю, что руки - неуклюжие, нечувствительные, с плохо гнущимися пальцами... Вышли только в двенадцать часов.

Вот она, вершина! Совсем рядом. Мнится, будто взять ее можно в один момент. Нужно только посильней разбежаться. Хочется бежать вприпрыжку, прыгать, ибо сегодня мы вышли без рюкзаков!

Тем не менее неторопливо, осторожно идем по предвершинному плато. Под небольшим слоем сыпучего снега - лед. Попадают участки открытого глетчера, трудные, но не столь коварные. Нам остается лишь траверсировать предвершинный склон, чтобы выйти на Западный гребень. А по нему - несколько десятков совсем простых метров к вершине... И вдруг... Станный, забытый нами, чужеродный для этого края шум, мерно нарастающий рокот. Из-за отдаленных скал на западе вынырнул маленький красный самолетик и полетел в нашу сторону... А мы-то за эти растянувшиеся в вечность четыре дня жизни в первозданном хаосе льда и снега начали думать, что в мире нет и не может быть ничего другого. Цивилизация казалась нам далекой и не очень достоверной легендой. Самолетик пролетел над нашими головами и весело помахал нам крыльями. Мы вскидывали в воздух ледорубы и кричали «ура!». Потом он вышел на круг и повторил свой маневр. О нас заботятся, помнят! Нас любят, как должен любить человек человека! Пилот кружил над нами не менее получаса и улетел, лишь когда вышли на вершину. Под конец звук мотора начал нас раздражать. То ли просто привыкли за эти несколько дней к тишине, то ли тишина этих укрывшихся от посягательств людей ландшафтов гораздо ближе человеческому сердцу, чем грохот цивилизации.

Итак, 28 мая в 13 часов мы поднялись на высшую точку Мак-Кинли - 6194 метра. Поход длился всего лишь четыре дня! Теперь ничто не мешало нам до конца уверовать в нашу восходительскую стратегию. А я ощутил потребность в очередной раз повторить важнейшую альпинистскую заповедь: если природа приоткрыла дверь, то нужно в нее шмыгнуть, проскочить как можно скорее, ибо отворилась она совсем ненадолго — вот-вот захлопнется, прищемив при этом нерасторопных. Нужно двигаться, пока есть силы, не прохлаждаться, не нежиться на солнышке так, словно оно всегда стоит на месте и будет над тобой вечно.

Оставив на вершине советский вымпел с нашими автографами, сфотографировавшись, мы тут же начали спуск. Лютый холод не позволял стоять ни минуты. Как и было намечено, спуск проходил не по пути подъема, а по Западному гребню. Это была оживленная дорога, людная, как городской проспект. Нам то и дело попадались встречные группы.

Едва начали спуск, сбросили метров триста, как встретили канадцев. Им оставалось до вершины еще часа два. Узнав о наших сроках, они округлили глаза. Сами-то они вышли, когда мы еще были в Москве, - уж пятнадцатый день на подъеме. Потом шестерка американцев, завидев нас, еще издали стала хором кричать по-русски: «Ура! Молодцы!» Они затащили нас к себе в палатки и угощали самым ценным здесь - питьем в разных видах: лимонад, кофе, чай... Они буквально заставляли нас принимать все это «от пуза». Они покачивали головой, всплескивали руками, изумленно восклицая: «Мак-Кинли! За четыре дня?! В это не верится!» Еще ниже нам попался лагерь альпинистов ФРГ. Здесь то же самое, тот же восторг. На дорожку они вручили каждому по пакету сладостей. Были и другие встречи, которые нас несколько задержали на спуске. Впрочем, мы теперь не слишком спешили, ибо главное дело сделано. И вниз пришли только на другой день, 29 мая. Нас ждали, ринулись нам навстречу. Получилось нечто похожее на импровизированный маленький митинг, на котором нас буквально утопили в теплых приветствиях, приятных словах - в плане тех, из которых потом сложились формулировки в американской печати: «Они не спустились даже во время шторма на высоте 13000 футов». Или: «Это практически самое быстрое восхождение, какое здесь до сих пор было»; «До них самое быстрое восхождение было в июне 1959 года - за одиннадцать дней. Обычно на это требуется от 20 до 25 дней».

30 мая на связи с Мысловским и Ивановым узнали, что они уже были на вершине и теперь находятся на спуске. 1 июня мы с ними встретились. В тот день на нашем небосклоне все-таки появилась мрачноватая туча. Исчезли Майк и Рейли! Из базового лагеря они вышли вместе с нами и отправились по крутому пятидесятиградусному ребру, расположенному западнее Западного ребра. С тех пор их никто не видел. Весь день мы рассматривали в бинокль склоны на этом маршруте. И вдруг в разрыве облаков увидели их живыми и здоровыми. Вскоре они спустились. На вершину этим путем им выйти не удалось. На отметке 4200 их застала непогода, иссякли силы, и они приняли решение спускаться.

И последнее, о чем хотелось бы сказать в этой главе. В ожидании Мысловского и Иванова группа времени не теряла. Я и Олег предприняли попытку пройти на красавицу Форакер, вершину, которая манила нас еще на Мак-Кинли. Путь к ней лежал через гору Кроссон. Мы поднялись на Кроссон и увидели: для того чтобы попасть на Форакер, нужно травесировать еще одну гору. Нас поджимало время: как раз здесь мы и узнали по радию, что Эдик и Валентин уже на спуске. Решили ограничиться Кроссоном. В это время Лебедихин и Ефимов впервые поднялись на сравнительно небольшую, но сложную безымянную вершину. Это стало вторым первопрохождением советских альпинистов за рубежом!

Обыкновенный супермен

У него приятная улыбка и наивные глаза с широкими зрачками. Глаза, в которые легко смотреть и от которых не ждешь, что они увидят тебя больше, чем этого хотелось бы. Владелец таких глаз удобен и легок в общении, поскольку верит словам и не читает мысли.

У него, однако, многообещающая челюсть. Киногерой с такой челюстью сулит зрителю надежду на острый эпизод единоборства с медведем.

Он, конечно, высок, поджар и пластичен, как балерун. Но все в нем до бедности просто – и в одежде, и в манерах, и в выражении лица. Все говорит, что он простой парень.

Скальная стена, которую предстоит ему пройти, не проста. Гигантская ломаная вертикаль – где-то гладкая, как могильная плита, где-то с нависающими скальными карнизами, жуткими со стороны, с каминами и отрицательными углами. Выше стены – слепящая фирном и льдом вершина. Там не всегда, как сейчас – солнечно, неподвижно... Часом спустя может все измениться. Бывает парят там пуржистые непогоды, клубятся снежной пылью лавины, лютуют холода... Но пока что стена. Все, что выше – завтрашний день.

Простой парень тем и прост, что презирает завтрашний день. Думы обременительны. Парень не думает – он только хочет. Неудержимо, самозабвенно хочет!

Туда, к непогодам и холодам он пускается в путь налегке: в ковбойке, в обычных брюках, в обуви с гладкой, как у тапочек, подошвой, с худосочным, обвислым рюкзаком и без защитных очков. У него нет штормовки, горных ботинок на вибране, нет защиты от ослепляющей светосилы... Но у него есть челюсть, крепкие зубы и одержимость – все, что нужно Д'Артаньяну гор.

Не ищите партнера по связке. Связки нет. Восхождение сольное – парень прост и, подобно кошке, гуляет в горах сам по себе.

Он ловок, спор и точен. И стена уходит вниз для «пешего» альпиниста быстротой – словно маршрут проходится на подъемнике. Издали кажется, будто за спиной у него невидимые, прозрачные, как у стрекозы, крылья. И он порхает – изящно, непринужденно и беззаботно. Порою метры высоты набираются красивыми, тактически остроумными комбинациями.

Но во всем должно быть чувство реальности – этот участок стены «в лоб» не дано взять никому, не исключая и суперменов. Пройти его можно только траверсом – набирая высоту не откровенно по вертикали, а двигаясь вбок, как бы по куску спирального витка.

Высоко над головой, на расстоянии вытянутой руки он вбивает крюк. Видно, как дрожат от усталости онемевшие пальцы. Но лицо простого парня не теряет своего обаяния, безмятежной открытой улыбки.

Закрепив веревку на карабин, он отталкивается ногами и маятником прицельно летит к торчащему в отдалении выступу. При этом не сумев до конца одолеть инерции, больно ударяется скулой о шершавую скальную породу. Но у парня на такие вещи своя собственная простая реакция – ему смешно. Он ощупывает ссадину и улыбается. Начинает почему-то казаться: а не подозревает ли парень, что его снимают в кино?

Однако, прежде чем включили свет, «простой» парень еще не раз удивлял зрителя своей сверхчеловеческой реакцией на боль, усталость, смертельную опасность. Вот он проходит многометровый, куполом нависающий над головой, скальный карниз, срывается и повисает на веревке. Но на лице его не проступил испуг даже тогда, когда она дернулась под тяжестью его тела. Ни тени того, что в момент падения возникает даже у самого отчаявшегося, обезумевшего самоубийцы. Вместо испуга – досадливый прищур незлобивых глаз и жадный взгляд на желанный край карниза. Тот самый, к которому рвется его душа. Он смотрит и облизывается – в самом буквальном смысле этого слова. Он делает это всякий раз, когда смотрит вверх, на конечную цель своего пути. Что сие символизирует, сказать трудно. Одержимость? Таинственную, неукротимую тягу к труднодостижаемому – ту, что лежит в основе природы альпинизма и является его непознанной сутью?

Теперь я несколько не сомневаюсь, что фильм этот дает право на иронию. Хотя с точки зрения киноремесла сделан он динамично, увлекательно, захватывающе. Страшная вещь: внешне авторов не упрекнешь в дилетантстве – герой грамотно пользуется снаряжением, достаточно силен в тактике восхождения, мастерски владеет приемами. И потому в момент, когда включили свет, я еще не мог сказать, что именно меня не устроило в нем. Тогда я интуитивно и довольно слабо усомнился в образе, в его типичности. Хотя хорошо понимал, что речь идет об одиночке – о том особом случае, который всегда вызывал недоумение и не находил понимания у нас, альпинистов, профессиональная страсть которых пока еще тоже не поддалась никакому объяснению.

Большинство из присутствующих в зале – альпинисты. Предстоял просмотр еще одного фильма и потому никто не трогался с мест.

Я принимаюсь, что называется, шарить глазами по лицам. Ищу подобие. Ищу лица умиротворенные жевательной резинкой с интеллектом, ушедшим в скобяные подбородки.

Впереди меня, чуть левее сидит худощавый человек с бритой головой. Он поворачивается ко мне и улыбается. Я отвечаю ему деланной улыбкой, потому что весь ушел в другое занятие – рассматриваю его. У него большой череп и маленькое заостренное книзу лицо. По-новому, точно впервые увидел, всматриваюсь в хорошо знакомое мне выражение. О чем-то говорит это лицо.. О чем-то самом главном, что упрятано в скрытый угол души, что есть глубокая тайна личности. И вдруг меня осеняет. Мне начинает казаться, что я понимаю это главное, а может не так уж и сложно его понять... Просто мы редко по настоящему всматриваемся в лица хорошо знакомых нам людей.

Так вот я понимаю: известная всем воля этого знаменитого альпиниста не числилась, не значилась, не предусматривалась ни в одном из его генов. Он придумал ее, сконструировал и внедрил в самого себя.

Мне приходит в голову: мужество надо искать там, где есть природный ум и интеллект. Где нет ни того, ни другого может быть только бесстрашие – а это не одно и то же.

Но откуда же тогда идет это принятое, стереотипное отождествление примитива с мужеством? Не от ранних ли мальчишеских впечатлений, когда больше всего уважать себя заставляет физическая сила и авторитет добывается кулаком? Разве секрет, что по какой-то неизвестно где и когда набранной нами инерции мы части верим в способность к подвигу у людей физического труда гораздо больше, чем у интеллигентов?

Но от умения танцевать со стокилограммовым мешком на спине до истинного неподдельного мужества – как говорят, дистанция огромного размера. Физически сильному нетрудно создать себе ореол бесстрашия, поскольку вокруг него сплошь и рядом ходят более слабые. Но это лишь бесстрашие сильного перед слабым. И это не повод для предположения, что в тяжелом испытании он поведет себя мужественно, не запятнает мужскую честь. Для этого куда больше, чем телесная, нужна сила духа, короче, емче и точнее: «Ничто не страшно только дураку». В таких случаях иногда приводят в пример младенцев. Они действительно самые бесстрашные люди, поскольку не опосредствовали понятия «опасность», не знают его смысла.

Опыт и логика подсказывают, что если оно, бесстрашие и существует, то лишь от непонимания, недооценки опасности.

Выражение «презирать опасность», которое нередко попадет в литературе, могут употреблять только люди, знакомые с опасностью все больше по переходу через проезжую часть.

Вот передо мной сидит человек, вся жизнь которого была сплошным доказательством его мужества. В 1936 году, после восхождения на пик Хан-Тенгри у него отняли по половине ступни на обеих ногах и четыре пальца на руке. Но с тех пор он совершил десятки сложнейших и интереснейших восхождений. И именно с тех пор пошла у него известная, ставшая притчей во языках, абалаковская безаварийность. Он не презирал опасность. Почти полвека он искал ее в горах, чтобы избегать и обходить. Он чуток к ней и научился видеть ее быстрее и раньше, чем многие другие. В этом его преимущество перед другими.

Говорят, ему как-то задали вопрос: дескать, боится ли он опасности? Он ответил: «Не боится ее только разъяренный бык, которого раздражил матадор. И не боится на двух основаниях. Во-первых, по причине бычьего интеллекта. Во-вторых, от ярости даже бык глупеет, хотя казалось, глупеть больше некуда». Не знаю, был разговор на самом деле. Но думаю, что мог вполне быть.

«...Потому как был я физически слабый, интеллигентный, начитанный...» - сказал про себя Абалаков. Исходная точка: «уровень моря», ноль, от которого пошел отсчет. Абалаков ваял Абалакова – всю жизнь, ежедневно, ежеминутно. И в результате... Искать сравнение зрелому Абалакову нужно, разве что, в Гималаях...

Понятно – нельзя сделать из ничего нечто. Где-то, что-то в нем пряталось – где-то, что-то, именуемое потенцией. Но разве в этом только его исключительная особенность?

Известная вещь: наука говорит, а практика подтверждает сплошь и рядом – человек сильнее, чем думает о себе. Где-то глубоко залегает в нем скрытая неосознанная сила. Не она ли действует, когда приходит «второе» дыхание?

«Второе» дыхание приходит, однако, семь потов спустя, порою холодных, если человек на моральном пределе. До него еще надо добраться. И это труднейшая из дистанций. Некоторым удается ее одолеть.

Жизненный подвиг Абалакова начинается именно с того, что он сам в себе повседневно воспитывал ее – осознанно и целенаправленно, как осознанно и целенаправленно само мужество.

Абалаков, как уже сказано, был классик, образец. Но все это в той или иной мере можно отнести к большинству альпинистов. Хочет или не хочет горовосходитель, но ему не обойтись без такой муштровки – самонаблюдения, самоанализа, воспитания выдержки, воли и других «само», которые вообще называются длинным словом «самоусовершенствование». В любом возрасте, покуда он альпинист, надлежит ему заниматься тем, чем занимаются романтические юноши, когда, втайне веруя в свою исключительную судьбу, готовят себя к подвигам, и над чем нередко почему-то сами не смеются, становясь взрослее. Альпинисту нужна особая стойкость, отличная от той – количественно, как и качественно – что дает гарантию просто на некий выигрыш. Как и всякий спортсмен, он естественно, рискует проиграть. Но здесь иной проигрыш. Здесь дело не обходится просто душевными и физическими ссадинами – пусть даже более серьезными травмами. Здесь проигрыш, порою, может стоить жизни – собственной и товарищей!

Сейчас же еще раз скажу: те, кто готовит себя для штурма вершин, не упускают возможности лишний раз, что называется «перескочить через пропасть». Они тренируют в себе силу духа не попутно, - «заодно» - а специально и продуманно, как балерина добивается пластики, канатоходец чувство равновесия. Без этого нельзя стать альпинистом.

Что касается альпиниста, то он и рад бы оправдать свою страсть, доказать логичность и важность своего дела без исключения всем, но не знает как. Поскольку в цели его нет практического, утилитарного смысла. Она, так сказать, иррациональна. И в этом еще один аргумент: тот, кто задается такими целями и сам далеко не прост – и натурой, и по складу мышления.

Поэтому из всей пестроты недостоверностей, что видели мы в этом фильме, больше всего режет глаз ограниченность, духовная простота героя. Это не типично и потому, не принимается...

Но дело не только в этом.

Цивилизация дает человеку не одно лишь блага, но и вносит в его жизнь немалую сумятицу.

Один человек пошутил: дескать, жизнь неандертальца отличается от жизни современника тем, что у первого была лишь одна ценность – сама жизнь, у второго же кроме нее - миллион других.

Может быть не одним этим, но этим – наверняка. «Миллион» - недолговечных, изменчивых, противоречивых и, в общем не только относительных, но и нередко попросту иллюзорных ценностей. В мире этих ценностей – моральных и материальных – человек блуждает, как в джунглях, ибо запутаться в них нетрудно, как говорят, самому господу Богу.

Не всегда понимая, точно не зная, насколько они лично ему нужны, стоят ли они платежной цены и по плечу ли погоня за ними, цивилизованный человек добивается и защищает их, порою не щадя живота. Нужно ли говорить, что драматизм человеческой жизни во многом, если не в основном, идет именно от тех несоответствий, которые возникают в гонке за ценностями?

Маленький человек то и дело попадает под удары больших несоответствий. А реальность каждый раз швыряет его от одного к другому и заставляет, что называется, искать «пятый угол». Он часто теряется в этих несоответствиях, буквально шалест от них. Жизнь начинает казаться ему нелогичной.

Бывает, что человек трудится талантливо, мужественно и вроде бы плодотворно, а отдачи для самого себя не видит - еще и наоборот: все против него же и обернется. Тогда его одолевают сомнения: то ли это он ничего не стоит, не умеет или говорит, что «Такова жизнь»»

Во многих начинаниях его то и дело подстерегают неожиданные и нелепые концовки, т.е. что находятся в странном и непонятном ему противоречии с видимой логикой – все ладилось. Все клеилось, все делалось разумно, прочно и надежно и вдруг...

Он начинает чувствовать по отношению к жизни то, что чувствует пианист, который играет на расстроенном рояле.

Понятно, жизнь не может быть без борьбы. Не будь ее, человечество заболело бы «пенсионной» болезнью. Борьба – биологическая и духовная потребность человека. Он интуитивно, подсознательно ищет удовлетворения этой потребности. Но он нередко теряет желание к борьбе, волю к сопротивлению там, где проигрывает без видимых и понятных ему причин, где проигрыш с его точки зрения не логичен – ибо делает вывод, что успех никак не зависит от его усилий.

На все, конечно, есть свои причины. И то, что иной раз кажется бессмыслицей, имеет свою скрытую логику. Но «пострадавшему», попытавшему на себе эту нелепость, она не видна. У него остается впечатление, что нелогичность – одно из свойств жизни.

Вот и выходит, - «асфальт» с его, казалось бы, простой и ясной логикой плоскости сложней, запутанней и непонятней, чем иррациональные, как говорят про них, непостижимые горы.

Естественно – альпинистами становятся не потому, что, живя на «асфальте», так сказать, теоретически приходят ко всем этим выводам. Совершив несколько восхождений, человек интуитивно чувствует: горы вступают с ним в честный и логичный спор, ведут с ним равную борьбу. Здесь куда более благодарное поприще для трудов и стараний. Что сделал, то и получил. Как сделал, так и получил. Здесь человек чувствует прямую зависимость от собственных возможностей, от силы своей личности. Он наглядно видит, на что способен, что ему по плечу – короче говоря, собственное соответствие. И если вообще борьба – стихия человека, то такая борьба ему больше всего по душе. Она доставляет ему удовольствие и увлекает, как ничто другое.

Можно лишь повторить: горы логичней, чем «асфальт». Они дают прямой ответ каждому – что для него есть возможное и невозможное. Ответы там прямые, грубые и беспощадные. Камень, что летит с высоты – плохо. Лавина – плохо. Ненадежный крюк – плохо. Солнце над головой – хорошо. Удобная зацепка под рукой – хорошо. Трение под ногами – хорошо.

Там все, что сделал – сделал сам, чего достиг – достиг сам. И ни малейшего люфта для оправдания, самообольщения. Горы не оставляют «авостных», ненадежных надежд, что унижают душу, и, как правило, подводят: авось поймут, авось посочувствуют, не понимают, не жалеют. И это нравится тем, кто не любит для себя допусков и скидок.

Альпинисту известно: горы коварны и изменчивы... Верно. Но и коварство, и изменчивость их постоянны. Это их неотъемлемое и откровенное, гласное свойство. И в том их четкая, стабильная логика. Когда идешь сюда, хорошо об этом знаешь и на иное не рассчитываешь.

Там в горах до конца осознаешь главное: единственно абсолютная ценность, которая есть у человека – жизнь. Не существование, а именно жизнь – со всей полнотой ее ощущений и таких, как борьба за нее и радость победы. А вслед за этим неминуемо переоценка, понимание второстепенности множества других ценностей. Тех, за которыми каждый из нас, порою, гонится лишь оттого, что за ними гонятся все.

Стоя на вершине, обозревая жуткие кручи, только что пройденные тобой, обнаруживаешь и осуждаешь в себе многое оттого, что называют конформизмом. От способа жизни, смысл которого в том, чтобы жить, как живут все, желать, чего желают все, думать, что думают все и получить, что получают все.

Конформизм коварная штука, поскольку часто и не заметишь: что в тебе свое, что чужое. Чего желаешь, потому что это самому тебе по душе и чего – потому что этого желают все.

Кто ходит в горы, тот знает: они неплохо вентилируют не только легкие, но и душу. Там на многое открываются глаза, появляется более ясный взгляд на жизнь. Оттуда, сверху, становится виднее, что есть хорошо, а что плохо, что на самом деле важно, а что лишь кажущаяся важной ерунда и что – часть, а что – целое...

Персимфанс

Когда-то, в тридцатых годах, лучшие музыканты нашей страны, каждый из которых был солистом не только по своей фактической квалификации, но и по официальному положению, собрались вместе и составили оркестр. Он получил название «Персимфанс» - Первый симфонический ансамбль. Ансамбль, а не оркестр, потому что играли без дирижера. Сочли, видимо, что дирижеру и вообще единоначалию нет места там, где взаимодействуют корифеи искусства. Поначалу Персимфанс и впрямь одарил общественность исполнительскими шедеврами. Но вскоре распался. Исход, думаю, естественный для случая, когда в одну берлогу загоняют такое количество медведей...

Я вспомнил об этом, потому что стою сейчас перед необходимостью сформулировать основные черты группы, с которой совсем недавно, в августе 1981 года, побывал на пике Победы.

У нас был своеобразный Персимфанс. Но группа блестяще выполнила свою задачу, достигла цели и разошлась лишь потому, что исчерпала свою миссию. Закон несовместимости «медведей в одной берлоге», так хорошо проверенный и подтвержденный жизнью, на этот раз не сработал. Было бы, однако, ошибкой считать сей факт исключением из правила, ибо он в альпинизме - явление настолько логичное, закономерное, что сам может служить основой для выведения правила.

Я уже обмолвился однажды, что искусство человеческого поведения - это альма-матер альпинизма. Так вот, сказав, что в группе собрались большие мастера, я тем самым скажу: большие мастера этого искусства. Понятно, что они сразу сумели найти общий язык, хорошо ладили меж собой и, отлично делая общее дело, оставались все-таки очень индивидуальными, как говорится, в массе не растворялись.

Группу составляли двенадцать человек. Тринадцатый, журналист, претендовал лишь на то, чтобы попасть в базовый лагерь. Ему, кстати, досталось немало, ибо наиболее трудоемкой частью восхождения стал именно пот участок пути. О нем-то в основном я и хочу рассказать в этой главе.

Среди моих спутников не было знакомых читателю к мен. Исключение составляет только Дайнюс Макаускас - руководитель. Здесь собрались представители хоть и не самого юного, но более молодого поколения, чем наше. Большинство из них хорошо известные, авторитетные в альпинистских кругах спортсмены.

Мастерство у нас растет ничуть не меньше, чем в других видах спорта. Каждое следующее поколение сильнее предыдущего. Неудивительно то невольное внутреннее почтение, с которым мы с Дайнюсом смотрели на наших более молодых коллег, таких, как Володя Прокопенко, Гриша Артеменко, Володя Башкиров... Надо сказать и другое: ребята знали цену и себе и товарищам. Кроме того, многие познакомились только здесь, хотя каждый друг о друге был немало наслышан. Все это создавало хоть и здоровую, но не совсем обычную обстановку.

Я бы не сказал, что в отношениях этих людей наблюдалась намеренная сдержанность, настороженность, излишняя пристальность друг к другу. Была доброжелательность, была искренность, но общались скуповато, немногословно, с достоинством, может, чуть поверхностно — во всяком случае, никто не торопился сойтись накоротко, не стремился проникнуть в душу другому, никто никому себя не навязывал. Я замечал, что иные даже радуются такой обособленности, несвязанности личными отношениями и довольны тем, что есть возможность остаться одному или помолчать, когда хочется.

Думаю, оттого, что собрались сильные, твердые мужские натуры, привыкшие рассчитывать в основном только на себя, и что другие тоже рассчитывают на них. Они в большинстве случаев лидеры в своем альпинистском кругу. Каждый — личность!

Нужно было найти руководителя. В принципе это дело несложное. Но отыскать лидера именно для такой группы непросто. Так по крайней мере сначала казалось. Здесь вроде бы нужен человек, который имеет моральное право на жесткий, императивный тон. Считали, что за это дело следует взяться мне: мол, право на мое лидерство признают все, памятуя о моем положении гостренера в сочетании с некоторыми альпинистскими заслугами. Но я вдруг подумал о нестандартности этого случая и понял: деликатность здесь сработает

больше, чем жесткость. Если так, то лучше Дайнюса Макаукаса кандидатуры не найти.

Я оказался прав. Эти люди достаточно сильны, чтобы в экстремальных условиях не нуждаться в жесткости пастуха. Подгонять же их при нормальных обстоятельствах тем более не надо: все они долгие годы мечтали подняться на пик Победы, и нынче счастливый, редкий случай открыл им наконец дорогу.

Раньше я уже говорил, что эта гора — самый северный семитысячник мира. Впрочем, «гора» — слишком легковесное слово для огромного горного массива с тремя вершинами, основание которого тянется с востока на запад более десяти километров. Победа, конечно, много южнее Мак-Кинли, но если учесть континентальность климата и превосходство на километр с четвертью в высоте, то нетрудно представить суровость и недоступность этого пика. Он активно не желает покоряться людям. Успех им обходится дорого — счет: один к пяти. Из ста восьмидесяти человек, выходявших когда-либо в сторону вершины, вернулись лишь сто пятьдесят. Тридцать навечно остались на склонах...

Снег шел всю ночь. Ни на минуту не прекращался утром и уж который раз сопровождает наш поход. Мелкий, колючий временами сменяют влажные, крупные - чуть ли не в пол-ладони, - похожие на ошметки мыльной пены хлопья и валят так обильно, что чудится, будто с неба на нас медленно оседает лавина. Потом верху снова сыплется «манна небесная», и мириады крупинки, словно замешенные на густом тумане, образуют вокруг тебя плотные грязновато-серые стены, вызывая ощущение, похожее на чувство замкнутого пространства.

Мы наугад шагаем сквозь эту светлую темень, подаемся то влево, то вправо, каждый раз натываясь на трещины. Невозможно понять: разные? Или это одна: так хитро извивается, рассекая ледник? Скорее всего последнее. Но должен же где-то быть проход, не могла же она разломить ледник поперек от края до края?! Где она, спасительная лазейка, как найти ее в этом молоке? Продвигаться сейчас можно только одним способом, и мы им пользуемся...

Впереди в двух шагах от меня идет Гриша Петрашко. Я с трудом различаю очертания огромного запорошенного движущегося рюкзака. Каждые пятнадцать-двадцать секунд он останавливается - это хозяин его нагибается, лепит снежок и кидает перед собой. Метра на три, не более. По рисунку следа он определяет рельеф: если складка - один след, впадина - другой. Только так. Иначе надо ставить палатки, на что не имеем нынче ни малейшего права - времени нет!

Я иду, и в голове у меня крутится некая мысль. Острая настолько, что, едва коснувшись, может на корню подрезать мое альпинистское мировоззрение, мое оптимистическое убеждение, будто успех и безопасность восходителя зависят больше всего от его квалификации: от живости ума, опыта, дерзкой тактики, мужества... Удаче, стечению обстоятельств я отводил совсем малюсенькую роль типа «кушать подано». И вот сейчас, когда позади у меня столь длинный альпинистский путь, судьба заставляет усомниться в самом себе, предлагая доверяться больше ей. Пожалуйста: собрались чуть ли не сильнейшие альпинисты страны, а удачи нет, и все дело сейчас под большим вопросом!

Началось с того, что мы прибыли в Пржевальск с опозданием на два дня - последние прилетели 28 июля. Никто из нас не подозревал, что может быть вообще какое-либо

опоздание, за исключением тех, что связаны с окончанием сезона или ограниченностью отпускного времени. Но мы опоздали... на вертолет. Последний проработал два дня (25-го и 26-го) и убыл по своим делам. Без заброски вертолетом на ледник восхождения здесь не практикуются. На это надеются экспедиции и с этим расчетом берут с собой груз.

А что такое груз? Он определяется современными принципами методики и тактики подъема — теми, на которых воспитаны нынешние альпинисты. Мне рассказывали, что в свое время В. М. Абалаков кормил группы хлебными шариками. Вероятно, и нынешние альпинисты могли бы подниматься на таком «горючем». Для этого нужно, чтобы в голове у них была соответствующая психологическая установка: «По-другому быть не может, идешь на восхождение, значит, рассчитывай только на хлебные шарики». Но в том-то и дело, что установка другая. И вот теперь неожиданно ее нужно ломать. А такое, как говорится, не всякая голова выдержит.

Но дело не только в грузе. К месту базового лагеря, откуда начинается восхождение, ведет ледник Южный Иныльчек, который тянется на шестьдесят километров! Его надо пройти весь! С тяжелыми рюкзаками!

Сразу полетел весь наш так хорошо продуманный график. Появилось серьезное сомнение - успеем ли? Надо пройти ледник, после него хотя бы два дня на устройство жилья, подготовку и отдых. Затем акклиматизационный выход с последующим отдыхом, необходимым для восстановительного эффекта. Тоже дней пять. На основное восхождение остается не более двух недель... Мы связались с памирским центром, пробовали выклянчить вертолет, но безрезультатно - там его тоже нет.

Макаускас собрал группу и попросил каждого изложить свое мнение — как он намерен решить альтернативу: идти ледником или возвращаться домой? Оказалось, что для большинства ее просто не существует. Приемлем только один вариант: если есть хоть какие-то шансы покорить вершину, то надо их испытать. Кто-то сказал:

- Предположим, вертолет еще не изобрели. Что бы мы стали делать? Может, вообще не стали бы собираться здесь, в Пржевальске? Стали! Счастливые, довольные, сейчас рвались бы скорее выступить на ледник.

- Ты не по адресу, - перебил его Борис Коршунов. - Мы уже давно не значкисты. Нам самим приходится произносить пламенные речи. Но я хочу сказать другое: что ни делается - все к лучшему. Пройти ледник с этими «несгораемыми шкафами» на спинах - это уже неплохая адаптация к высоте. За счет этого можно сэкономить время на акклиматизационном выходе. Как ни говори, а высотный перепад на леднике от 3000 до 4100 - 1100 метров - что-то нам даст.

- Верно, - сказал Петрашко. - Есть и другой момент. Мне, откровенно говоря, даже нравится, что это будет настоящее восхождение с тяжелым, протяженным подходом. Это натуральный альпинизм. А не то что: поставили тебя на удобное местечко, поближе к пупырышку, подпрыгнул на верхушку, соскочил вниз и взялся за главное — писать в послужной лист пик Победы. Гриша в своем желании выразиться энергично, разумеется, очень сильно снизил цену нынешних восхождений. Но в принципе мысль его в чем-то верна, знакома и близка всем, кто чувствует ответственность за судьбу альпинизма. Тем не менее слова его встретили молчанием, перевести которое следовало так: все, мол, правильно, только хватит ли сил после шестидесятикилометрового перехода по леднику

подняться на труднейшую вершину страны? Сомнение набросило мрачноватую тень на лица ребят. Но, повторяю, сомневались в успехе, однако все были тверды в решении испытать свое счастье.

У нас около тонны груза. Третью мы отсортировали и оставили сразу в Пржевальске. Потом, в пограничном поселке, когда оказались перед необходимостью распределить нашу снедь меж собой, оказалось, что при максимальном уплотнении рюкзаки могут вместить лишь ее половину.

Сначала все увлеклись хитроумной, рациональной упаковкой мешков так, словно тяжесть в подлунном мире уже упразднена, остался только объем. К счастью, миф о рюкзаке как наглядном примере бесконечности был здесь развеян. Осталось очень много необходимых вещей. Пузатые тюки пришлось опорожнять и начинать все сначала. Теперь за основу взяли принцип: отбрасывать вещи, продукты, которые, возможно, не понадобятся. Упаковочный энтузиазм спал, рюкзаки стали «посильными» - около двух пудов каждый.

Мы вышли на язык ледника и сразу же столкнулись с препятствием - из-под льда выбивалась река, вплотную прижимаясь к скалам. Глетчер взрыт многочисленными вытаянами, трещинами, кавернами, заполненными водой. Двигаться можно только по скальной гряде. Справа пик Нансена. На его склоне на высоте 400 метров нашлось что-то вроде горной тропы. Перед выходом Дайнюс собрал на пару минут группу и объявил:

- Я полагаю, что первый бивак лучше всего сделать на поляне Мерцбахера. Никто не сказал «да», никто не сказал «нет». Все приняли к сведению мнение Макаускаса. Но как показалось мне, мало кто счел его (мнение) за твердую установку руководителя. Я тогда решил, что мой приятель сделал ошибку, и дал ему это понять.

- Думаю, Володя, это не ошибка... - проговорил он многозначительно, потом хотел что-то добавить, но передумал. Ледник под нами извивался длинной аспидной лентой, украшенной четырьмя или даже пятью темно-серыми бороздами. Это морены, оторачивающие его составные. По числу морен можно определить, сколько притоков впадает в этот огромный глетчерный бассейн, каждый несет свою морену. Когда натыкаешься на него взглядом, первое, мгновение чудится, будто он потечет прямо у тебя на глазах.

Мы тоже ползем. И не только ползем - расползаемся. Цепочка растягивается на километры. Теперь расстояние от первого до последнего измеряется уже не минутами, а часами. Мы уже давно спустились со склона и двигаемся по леднику. Идем практически в одиночку. И потому, что нет необходимости связываться друг с другом - в страховке здесь нет нужды. Труднопроходимые трещины встречаются не так часто, но и в этом случае всегда можно спуститься на морену. А если так, то почему бы не побыть какое-то время наедине с горами?! И потому, что есть необходимость не связывать друг друга. У каждого свой режим работы, укоренившийся, привычный, у каждого свой регламент, свой рациональный расчет сил. Высокий класс моих спутников проявляется прежде всего в высокой степени познания самих себя. Будь они неопытными мальчишками, вероятно, тянулись бы друг за другом. А после, на восхождении, одни занимались бы тем, что спускали вниз других. Но, слава богу, здесь серьезные альпинисты, у которых мальчишеская игра «в перегонки» вызывает лишь ироническую усмешку.

Иногда путники настигают остановившихся на отдых товарищей. Лица последних не

вызывают тревоги, по глазам видно: силы еще далеко не иссякли - отдых плановый. И первые, бросив на всякий случай пристально-оценочный взгляд, убедившись, что в их помощи нет нужды, идут дальше.

Теперь я понимаю, что Дайнюс поступил правильно, не поставив перед группой обязательного условия следовать компактно. В этом случае самые сильные невольно стали бы навязывать неприемлемый для многих темп, что отрицательно сказалось бы в дальнейшем на восхождении.

За мной остается многокилометровый зримый, а порою лишь символический след, извилистый, уходящий за повороты, скрывающийся вдали. Временами я оглядываюсь назад специально, чтобы окинуть глазом сей эквивалент моей усталости. И эта оглядка приносит мне маленькую радость, удовлетворение, мне даже кажется, что она возмещает какую-то толику затраченных сил, снимает частично усталость. А на нее, кроме этого местами заметного следа, здесь работает все: и унылое однообразие ледника, и его цвет, столь же однообразный, уныло-серый, и нескончаемый подъем... За шестьдесят километров Южный Иньльчек набирает высоту 1100 метров, то есть в среднем по 18 метров на километр. Угол подъема незначительный. Но представьте, что вам нужно пройти вверх по шестидесятикилометровой улице, пусть даже асфальтированной и без рюкзака...

Однако... И впрямь улица полна неожиданностей! Даже эта ледниковая «улица» не без сюрпризов. Справа разрыв между скалами, нечто похожее на ворота. Заглянув в них, я увидел то, о чем догадывался, что встречалось не раз: огромная поляна, покрытая сочной растительностью, вдоль и поперек иссеченная ручейками. После намозолившего глаз ледника она смотрелась неожиданным чудом, райским уголком — вот она, земля «Плутония», способная пробудить фантазию даже в самых сухих, приземленных людях.

Подобные «карманы» альпинистам попадают часто. Иногда они вытянуты, напоминают скорее рукав и, как правило, сквозные - другим своим концом тоже впадают в русло основного ледника. Думаю, что Южный Иньльчек имеет немало таких «карманов», только горловину их не всегда заметишь.

На поляну Мерцбахера я пришел к девяти часам вечера и был здесь отнюдь не первым. Гриша Петрашко, Валерий Путрин, Володя Башкиров уже поставили палатки.

Еще через полчаса сюда подтянулись Гриша Артеменко и Юлий Беркович.

Но пришли в тот вечер не все. Примерно в двух часах ходу от поляны в спальнях мешках заночевали Анатолий Бычков и журналист, в часе - Иван Гноевский.

На поляне - хижина, обиталище двух студенток-гляциологов, прибывших сюда на практику из МГУ. Мы пригласили их на чай и при удобном случае выразили сочувствие по поводу отшельнической жизни, дескать, в их возрасте проводить летнее время на «необитаемом острове» не лучшее развлечение. Но девушки нас не поняли: они так увлечены своей работой, что забыли о существовании земель обитаемых.

Едва легли спать, как пошел сильный дождь. Володя Прокопенко выскочил из высотной палатки, рассчитанной только на снег и пропускавшей воду чуть меньше, ^м марля, побежал к хижине и, постучавшись, стал просить пристанища. Но девушки к

мольбам Прокопенко остались непреклонны. Из уст одной из них я услышал знакомую фразу:

- Плохие вы альпинисты, если не экипированы на случай дождя!

Я рассказал Дайнюсу, что шесть лет назад уже слышал подобный «комплимент» в США - почти слово в слово.

- Стало быть, шесть лет слишком маленький срок, чтобы что-нибудь всерьез изменить, - отшутился он.

На счастье, дождь скоро кончился, и повалил снег. Тот самый, который не прекращался всю ночь и почти весь следующий день и который вынудил Гришу Петрашко использовать снежки в качестве лота.

Мы тогда еще часа два искали обход этой трещины. И только когда тучи иссякли и небо просветлело, увидели незаметные до конца, петлявшие, кружившие на одном месте следы. Обидно, что мы несколько раз миновали искомую нами лазейку.

К вечеру погода установилась, появилось солнышко, еще достаточно припекавшее, чтобы жаром своим затруднить нам путь. Но мы сняли с себя теплые вещи и к темноте все-таки успели выполнить свой план, достигнув условленного места стоянки.

И на этот раз некоторые не дошли, заночевав где-то на полпути. Зато здесь нас нагнал Борис Коршунов - он продвигался весь день один. Утром появился Ваня Гноевский, который второй переход двигался в одиночестве.

После завтрака мы сидели и лакомились калеными ядрами миндаля. Завидев нашу трапезу, Ваня отвернулся и прикрыл рот рукой. Подавив приступ тошноты, он глубоко вздохнул и сказал, что в жизни больше не притронется к этому продукту. Оказалось, все это время Гноевский питался одними орехами, основной запас которых хранился у него в рюкзаке. Других» продуктов. У него не было. До базового лагеря оставалось километров двадцать. Стояла хорошая погода. Имелись все основания считать, что мы без труда одолеем последнюю дистанцию за третий день пути. На душе повеселело от сознания, что вкладываемся в график. Появилась надежда на успех.

Неожиданно засигналила рация. Я вышел на связь. С поляны Мерцбахера Бычков сообщил, что журналист неважно себя чувствует и с тяжелым рюкзаком вряд ли сумеет пройти. Задача! Но размышлять не приходилось. Она имела только одно решение: двое должны выйти навстречу и разгрузить товарища. Я убежден: в кого ни ткнуть пальцем, никто не откажется. Но справедливо ли это - тыкать пальцем?! Я сказал:

- Что-то мне прогуляться захотелось. Кто со мной? Гриша, не хочешь?! - обратился я к Артеменко. Гриша согласился. Петрашко стал меня отговаривать: здесь, мол, есть помоложе. Но я настоял на своем.

Встреча произошла часа через три. Без рюкзаков мы двигались очень быстро - чуть ли не бежали. Постоянно держали связь с Бычковым - если идти по разным моренам, то обязательно разминешься, ибо высота ледовых валов между ними иногда достигает 25 метров. Поклажу одного человека мы разделили на троих, рюкзаки не слишком отягощали

наши спины, и потому обратно мы с Артеменко шли тоже в хорошем темпе. Однако этот поход основательно подорвал наши силы и сократил отдых на целый день.

К концу третьего дня пути основная часть группы добралась до базового лагеря. Некоторые пришли на четвертый день. Бычков и журналист — на пятый. База встретила нас еще одной неожиданностью - увы! - малоприятной. Вновь поставлена под вопрос судьба восхождения. В лагерных закромах - пусто! Ни мяса, ни колбасы, ни сахара. Одна вермишель. Нет бензина.

- Все в забросках, - ответил мне начальник лагерного сбора Владимир Бирюков.

- Но у нас была договоренность: каждая группа приносит в общий котел порученный ей продукт.

- К сожалению, некоторые группы не выполнили своих обязательств. Не потому, что не хотели — не смогли. А теперь большинство экспедиций уже вернулись с акклиматизационных выходов: красноярцы спустились с шести тысяч, белорусы, новосибирцы - с 5300... Нынче возвращаются с перевала Дикий одесситы. Все сделали основательные заброски. У нас нет даже хлеба. Поговорите с руководителями групп - может, у них что-нибудь осталось в заначках...

В наших рюкзаках продуктов для основного выхода, может, еще и достанет. Но ведь несколько дней нужно провести в лагере, подняться выше шести тысяч для акклиматизации!

Первым делом бросились искать бензин. Без него можно лишь полюбоваться пиком Победы и топать домой. Кажется, у белорусов - точно не помню - выпросили пятнадцать литров. С расчетом на заброски этого может хватить. На душе стало легче - теперь уже можно вести разговор о подъеме. Потом вели торг-обмен с красноярцами. Прикинули и рискнули: располовинить НЗ основного выхода. Обменяли: мы им - балык, они нам - картошку; мы им - колбасу, они - капусту, мы - орехи, изюм, они - сухари...

Обе команды пришли в восторг от состоявшейся сделки. Но наша больше. И это я говорю без всякой иронии. Красноярцы получили лишь лакомые продукты, мы - право на восхождение!

На акклиматизацию вышли в составе одиннадцати человек. Бычков после трудного перехода по леднику чувствовал себя не в форме и от восхождения отказался.

Все шло хорошо. Слишком хорошо! И это нас огорчало. Мы слепо верили в известную формулу: слишком хорошо не бывает. Слишком - это уже плохо. Дело в том, что нам сопутствовала прекрасная, редкая здесь погода. И потому были все основания предполагать, что в период подъема к вершине она испортится. Правда, нам известно, что вьюги, бураны здесь крутят порою по несколько недель. Значит, может случиться и обратное.

Поднявшись на высоту 6400, мы, так сказать, для вящего привыкания провели здесь пару часов и спустились в базовый лагерь. На все ушло пять дней. Теперь еще дня три-четыре следовало посвятить отдыху. Мы сократили этот срок до двух.

Кажется, солнце на небе обосновалось надолго. Или это оно только делает вид? Будет ли оно так же служить нам до конца?

Выступили 11 августа и через четыре дня, 15-го, вышли на вершину. Я не стану описывать подробности этого восхождения, поскольку оно напоминает подъем на Мак-Кинли. Скажу лишь одно: мы очень торопились проскочить в ту самую, приоткрытую природой дверь. Десять пар глаз (Ваня Гноевский остался внизу - его не пустили врачи) без усталости гипнотизировали солнце, излучая в его сторону гигантские волны затаившегося в них желания. И это им удалось! И нет в этих словах никакого мистического звучания. Они символизируют ту сверхмобилизованность внутренних сил, которая обостряет чутье, способность точного выбора момента и повышает искусство «проскочить», провести восхождение в суперкороткие сроки.

Значит, я был все-таки прав, считая, что в основе восходительского успеха лежат мастерство, трезвый расчет и высокая страсть! (Из этого, понятно, не следует, что я вообще отрицаю роль случая, удачи.) В базовый лагерь вернулся я «Снежным барсом».

Мне остается добавить, что в 1981 году на самой сложной в нашей стране и одной из самых труднодоступных в мире вершин - пике Победы - побывало несколько десятков восходителей! А это показательно для роста нашего альпинизма и особенно важно в канун эпохального в истории советского горопрохождения события - в 1982 году наши восходители должны впервые ступить на склон высочайшей горы мира - Джомолунгмы (Эверест). Но прежде несколько слов из истории ее покорения.

* * *

После великого свершения 1953 года альпинистская «Мекка» стала поистине местом паломничества.

К сожалению, каждый, кто посетил эту гору, независимо от достигнутых результатов оставил на ней свой «неизгладимый» след. Вот что пишет очевидец, польский журналист: «Весь классический маршрут на Эверест походит на одну длинную свалку. Здесь оставлены тонны отходов. Трудно найти чистое место для палатки и чистый лед для приготовления воды. Его приходится носить издалека. На леднике Кхумбу на каждом шагу встречаются рваные веревки, палатки, ботинки и т. п. Особенно загрязнены Западный цирк и Южное седло. Весной, летом, осенью все прикрыто снегом, а зимой, когда сильные ветры его сдувают, свалка обнажает свое своеобразное лицо. Польская экспедиция (зимняя) насчитала около 300 кислородных баллонов, более 500 от газа для примусов и сотни консервных банок и пластиковых мешков».

Первое, что приходит в голову: неприступная Джомолунгма стала банальным местом альпинистских упражнений! Но это лишь первая оценка, весьма далекая от настоящей. Эверест остался Эверестом — самой трудной вершиной мира. Дело в том, что люди познали методы и необходимый уровень подготовки к восхождению на «Крышу мира». Но это высочайший уровень, поистине достойный Джомолунгмы. Цена достижения сей вершины не становится ниже оттого, что нынче появилось много блестящих альпинистов, способных на такой подвиг. К тому же польский журналист описывает вид классического маршрута, проложенного экспедицией Джона Ханта. Кроме него, нынче пройдено еще шесть, ландшафты которых выглядят куда свежее.

В 1963 году американская экспедиция поднялась по западному ребру и впервые

совершила траверс вершины. Среди тех, кто побывал на высшей точке, знакомый читателю профессор философии Вильям Ансоелд. За три года до этого, в 1960-м, на северной тибетской стороне работала китайская группа. Общественность усомнилась в успехе. В 1975 году китайцы повторили попытку и представили веские доказательства. Международная альпинистская общественность признала, что путь с севера пройден китайцами в 1975 году. Осенью того же года англичане поднялись по юго-западной стене. В 1979-м впервые на штурм Джомолунгмы вышли югославы. Они избрали новый путь — по западному гребню, который благополучно вывел их на вершину. А в 1980-м поляки добились успеха, двигаясь по южному ребру. И наконец, в том же году первопрохождение совершили японцы, которые достигли цели, выйдя на штурм очень трудной северной стены.

Однако и те экспедиции, что поднимались классическим путем, как правило, тоже вписывали в историю покорения Джомолунгмы какую-то свою вариацию, привнося что-нибудь новое. Так, скажем, в 1975 году с вершины гималайскую панораму впервые обозревала женщина - японка Юнко Табей. В дальнейшем, кстати, здесь были еще три: тибетка Фантог, польская альпинистка Ванда Руткевич и Ханналора Шматц из ФРГ, к несчастью, погибшая при спуске. (Тогда же погиб и Рей Жанет - замерз в пещере на несколько сот метров выше.)

Весной 1978 года австрийцы поставили рекорд по числу поднявшихся на вершину альпинистов — девять человек (четыре восхождения). Но осенью того же года франко-немецкая группа перекрыла этот рекорд — на вершину поднялись 16 восходителей.

Вскоре мир облетела сенсация: Рейнгольд Месснер из Италии и Питер Хабелер из ФРГ достигли вершины без кислорода!

Под занавес этого коротенького обзора я хочу удивить читателя следующим фактом.

В 1980 году Рейнгольд Месснер в одиночку поднялся на вершину Эвереста. Но это не все. Во-первых, он это сделал в муссонный период, когда восхождения вообще считаются невозможными! Во-вторых, поднимался частично новым маршрутом! В-третьих, преодолел эту страшную высоту без кислорода! В-четвертых, двигался в альпийском стиле и от базового лагеря, расположенного на отметке 6500, до высшей точки - 8848 метров - шел всего три дня!

Сейчас, когда работа над книгой закончена, до выезда советской экспедиции в Гималаи остается несколько месяцев. Я не стану утомлять читателя хорошо известными ему из печати подробностями подготовки к этому событию. Напомню лишь о том, что в группу войдут двенадцать лучших спортсменов страны; что, кроме них, здесь будут врачи, кинооператоры, представители прессы; что уже сейчас в Катманду ведутся переговоры по найму носильщиков для транспортировки экспедиционного груза в базовый лагерь; что советские альпинисты пойдут новым, никем не пройденным, труднейшим маршрутом - по контрфорсу юго-западной стены, где встретят на своем пути крутое шестидесятиградусное скальное ребро; что уже была проведена разведка маршрута - группа восходителей успешно прошла сложный ледопад на леднике Кхумбу; что руководить экспедицией будет мастер спорта Евгений Тамм; что старшим тренером назначен заслуженный мастер спорта Анатолий Овчинников, а тренером - заслуженный мастер спорта, председатель Федерации альпинизма СССР Борис Романов; что руководить отдельными штурмовыми группами будут Валентин Иванов, Эдуард

Мысловский и Ерванд Ильинский; наконец, что в марте 1982 года экспедиция должна уже выступить из Катманду.

Но я хочу обратить внимание на имя, которое все чаще и чаще фигурирует на страницах печати, - это директор Института медико-биологических проблем, академик О. Г. Газенко. Положение последнего говорит о том, на какой фундаментальной основе ведется подготовка к этому восхождению. Отсюда научная методика тренировок с учетом скудного насыщения кислородом и давления, при котором +70 градусов вызывают кипение воды. Убежден, что такое сотрудничество принесет пользу не только альпинистам, но и науке.

Не стоит предугадывать события и стопроцентно верить в успех — всякое бывает, хотя на сегодняшний день есть все основания рассчитывать на положительный результат экспедиции. Зато уже сейчас с твердостью можно сказать: чем бы ни завершился гималайский поход, в целом советский альпинизм получит огромный, непереоценимый выигрыш, выйдет на новую ступень своего развития.

Дело в том, что такая подготовка неизбежно влечет за собой перевод на современный уровень многих отстававших до сих пор служб, которые работают на альпинизм. Нынче, скажем, интенсифицируются производства, изготавливающие альпинистское снаряжение. А это наше самое узкое место. Так, например, создан специальный материал для палаток, прекрасно выдержавший испытание в аэродинамической трубе.

Обратило на нас внимание наконец швейное производство. Дом моделей разработал новую высотную одежду из самых современных тканей с учетом условий, в которые попадает альпинист-высотник. Принят заказ на специальные пуховые варежки. Титановые крючья, «кошки» и другие приспособления, которые до сих пор восходители приобретали, так сказать, явочным порядком, теперь, надеюсь, будут изготавливать промышленным способом.

В подготовке экспедиции на Эверест были заняты многие научно-исследовательские институты, лаборатории, промышленные предприятия. Словом, эта экспедиция стала своеобразным двигателем альпинистского прогресса.

Мне же остается пожелать нашим восходителям удачи и как можно более легкой победы, а всему советскому альпинизму — восхождения на новую отметку мастерства.

* * *

Из Катманду - столицы Непала - стали приходиться сообщения корреспондента ТАСС Ю. Родионова об успешном штурме Эвереста советскими альпинистами.

4 мая 1982 года. Вершина Эвереста покорена! Инженер из Ленинграда В. Балыбердин и преподаватель из Москвы Э. Мысловский первыми из советской экспедиции поднялись на высочайшую вершину мира и одновременно открыли новый путь по контрфорсу западной стены — маршруту, считавшемуся ранее недоступным. Эти альпинисты увенчали почти двухмесячные усилия всей советской экспедиции на Эверест.

5 мая. Еще четверо покорили Эверест. Инструктор физкультуры из Донецка М. Туркевич и харьковский маляр-высотник С. Бершов совершили восхождение на Эверест в

ночь с 4 на 5 мая. Ночной штурм Эвереста - случай уникальный в истории восхождения на высочайшую вершину мира.

Днем 5 мая на Эверест поднялись московский инженер В. Иванов и его свердловский коллега С. Ефимов.

8 мая. Пятнадцать часов затратили алмаатинцы - инженер-сейсмолог К. Валиев и инженер-почвовед В. Хрищатый - на штурм вершины. Достигли они ее глубокой ночью. На высоте скорость ветра составляла 40 метров в секунду. Оба восходителя затратили много сил. Шедшие на вершину Е. Ильинский и С. Чепчев встретили восходителей на высоте 8500 метров и помогли им спуститься вниз.

Прогноз погоды не сулил ничего хорошего. Однако 9 мая в полдень в тяжелейших погодных условиях на Эверест поднялись еще трое советских восходителей — москвичи В. Хомутов и В. Пучков и алмаатинец Ю. Голодов.

Итак, на высочайшей вершине мира - Эвересте - побывали одиннадцать советских альпинистов! Совершено два ночных восхождения, что является своеобразным рекордом в истории мирового альпинизма. На вершине Эвереста реет алый стяг Страны Советов!

Геннадий Бочаров. **Пока стоит Памир**

Я взялся за эту историю не сразу. Знал давно, размышлял долго, писал трудно. Драма, которая произошла на Памире, получила в свое время самую большую мировую прессу. Советские кинематографисты сняли трагически-мужественный документальный фильм «Бурям и ветрам наперекор». Фильм был удостоен специального приза на международном фестивале спортивных фильмов в Кортине-д'Ампеццо. В московском издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Категория трудности». Одна из ее глав также посвящалась памирскому событию. Почему же я снова возвращаюсь к нему?

На одни и те же вещи мы смотрим по-разному. Кроме того, перед теми, кто пишет и снимает по горячим следам, у пишущего позже есть свое преимущество – его дает время. Оно позволяет подойти к событию иначе, с другими мерками. Мне в данном случае время позволило увидеть событие не только со спортивно-технической, описанной до меня стороны, но и с более широкой – нравственной, человеческой.

В жизни бывает все – в том числе и трагедии. Жизнь усложняется, ситуации складываются невероятные – не только в горах. Складываются на городской улице, в служебном кабинете, поезде, самолете, в собственной квартире. Всюду! Как при этом, терпя поражение, оставаться человеком? Как, побеждая, оставаться человеком? Как, несмотря на скорости, сложности, противоречия и личные катаклизмы, сохранить в себе то, без чего дух человека – пустой звук? Без чего сердце – насос для перекачивания крови?

Потрясение

Государственный тренер Спорткомитета СССР Владимир Шатаев вернулся в Москву в тот момент своей жизни, когда все его дела – служебные, спортивные и личные – находились в лучшей, можно сказать, идеальной форме. Такие периоды в жизни человека бывают редко, и многие люди боятся их, как огня.

Шатаев вернулся в Москву, и почти одновременно с его прилетом в Спорткомитет пришла телеграмма из международного альплагеря «Памир». В телеграмме сообщалось о трагической гибели швейцарской альпинистки Евы Изеншмидт.

Вечером того же дня Шатаев с заместителем председателя Спорткомитета вылетели на Памир, в Ош – откуда Шатаев только что вернулся.

Из дополнительных сообщений они уже знали: швейцарка погибла в результате экстремальных метеоусловий, сложившихся в районе пика Ленина. Недавно Джон Уллин из США, теперь – она. Лето землетрясений и небывалых снегопадов собирало пошлину.

Шатаев думал об альпинистке из Швейцарии, но не забывал и о тех, кто находился в том же районе. О советской женской команде. Неделю назад впервые в истории альпинизма группа женщин отправилась на покорение третьей по высоте вершины Советского Союза – пика Ленина.

Команду провожали лучшие альпинисты страны. Над поляной эдельвейсов звучали напутственные слова: «Вы уходите на пик без мужчин, но мы всегда с вами».

Маршрут и характер восхождения швейцарки и советской команды были разными.

Но время-то одно.

Известие о несчастье обострило мысли и чувства Шатаева. Теперь, в самолете, он волновался не только как официальное лицо – начальник отдела альпинизма Спорткомитета СССР.

Это само собой.

Он волновался и как альпинист, «снежный барс»: экстремальные условия, о которых говорилось в сообщениях, Шатаев испытал на себе не раз. Знал, что это такое.

Наконец, была и еще одна причина для волнения – особая: женской командой руководила одна из сильнейших альпинистов страны – Эльвира Шатаева, его жена.

Он не сомневался: команда Эльвиры покорит вершину – ведь так бывало всегда. Но на душе было беспокойно.

Самолет приземлился ночью. Их встречали работники местной спортивной базы. Вид людей показался Шатаеву слишком уж удрученным. Конечно, смерть швейцарки – дело невеселое, но на людей страшно было смотреть.

Едва машина отъехала от аэровокзала, один из них проговорил:

- Случилось большое несчастье;

- Да, - согласился Шатаев, - Ева была отличной альпинисткой.

- Я не о ней, - сказал в полумраке кабины голос, - час назад нам сообщили, что погибла команда Эльвиры Шатаевой. Вместе с ней.

Радиосвязь с альплагерем «Памир» подтвердила весть. Шатаев стоял рядом с оператором и слышал все разговоры. «Они только что прилетели, - кричал оператор. _ Сейчас выезжают к вам, Шатаев уже знает».

«Знает», - повторил Шатаев, словно речь шла не о нем.

Население остроугольного палаточного городка международного альплагеря было в трауре. Только яркие флаги стран-участниц восхождений еще весело хлопали на сильном ветру – кроме швейцарского, остальные не успели приспустить.

Что же произошло с командой? Знали лишь в общих чертах. Девушки поднялись на пик Ленина – цель, таким образом, была достигнута. Лагерь их поздравил, передал по радио добрые пожелания и советы по спуску. Советы, однако, не пригодились: почти сразу же после связи на горы обрушился ураган. Он застал команду у самой вершины. Шатаева сообщила: видимость ухудшается, температура падает, ветер нарастает. Пассажирской самолет, пролетавший в это время над Памиром, передал на запрос лагеря: ураган накрыл весь район.

Не исключали землетрясения – третьего за этот месяц.

Девушки держались, как могли. Ветер в клочья разорвал их перкалевые палатки, унес примус, теплую одежду. Они боролись за жизнь мужественно и отчаянно. Радиосвязь с Эльвирой Шатаевой была постоянная – до конца. До слов: «Мы умираем...осталось двое...прощайте, умирает последняя».

После первого сигнала бедствия наверх были направлены челябинские и новосибирские альпинисты. Из международного лагеря вышли лучшие английские и французские спортсмены. Удалось связаться с японцами – те были у вершины. Японцы установили связь с американцами – их разделяли 300-400 метров высоты. Все вышли на помощь девушкам. Но ураган перекрыл пути. Мгла и ревущий ветер не дали пробиться к погибающим.

Поздно вечером база передала одной из спасательных групп: «Трагедия наверху заканчивается».

И она закончилась.

Первыми, кто после урагана обнаружил погибших, были шестеро японских и трое американских альпинистов. Японцы сообщили: «Мы их видим, Что нам делать?». База ответила: «Составьте карту».

Пока японцы зарисовывали место драмы, американцы, балансируя на передних зубьях «кошек», с помощью ивовых прутьев, которые прихватили с собой для маркировки маршрута, отмечали расположение тел.

«Когда мы после этого вернулись в палатку, - рассказал один из них позже, - у нас начались слуховые галлюцинации. Джек и я слышали снаружи голос, похожий на жалобный голос девушки. Но каждый раз, когда мы выходили из палатки посмотреть, слышали только скрип растяжек под тяжестью снега».

Схема-зарисовка, переданная японцами, не проясняла сути драмы. Кроме того, счет погибших – по данным японцев – не совпадал с численностью команды. Одна из двух исчезла. Снесло в пропасть? Жива и ждет помощи? И кто из них?

Шатаев взял себя в руки. Он сказал: «Я должен подняться к вершине. Соберу ребят, и мы поднимемся к вершине».

Акклиматизация Шатаева еще сохранялась – он был на пике неделю назад. Маршрут девушек был ему известен лучше всех. Лишь он один знал каждую в лицо. Все были «за». Но многие выступили против – в том числе такой авторитет, как Ануфриков. «Нельзя предвидеть, - сказал он, - как Шатаев, поведет себя на высоте. Особенно на месте драмы».

Довод серьезный: потрясение Шатаева было очевидным. И понятным. Вопрос решил Абалаков: «Идти должен Шатаев». В Москву ушла телеграмма. Ждать ответа председателя Спорткомитета СССР не стали: лагерь сворачивал работу. Из классных альпинистов оставались лишь пятеро. Все из Челябинска. Согласились тут же.

На 4000 метров стало плохо с Томплоном. В сопровождении Тонкова его отправили вниз. Восхождение продолжали трое. Шли с набором высоты 1100 метров в день. Снег был невиданный. Альпийские луга были укрыты метровым слоем. Пастухи перегоняли стада овец вниз, к альпийской долине, но и она оказалась укрытой снегом. Памир давно не был таким белым.

Второй раз за две недели Шатаев поднимался на семитысячник. Но какими разными были эти восхождения! До Заалайского хребта осталось совсем немного. Шатаев сказал: «Я пойду первым». Давыденко и соколов спорить не стали – согласились. Он пошел первым. Его мысли были путаны и обрывочны. «Как же это случилось?» - вот что не выходило из головы. Когда оживала рация, он напряженно замирал. Казалось: база передает – девушки нашлись, они живы. Или – жива!

Спортивный класс Эльвиры был чрезвычайно высок. За короткое время она, по существу, стала вровень с такими признанными мастерами, как Аграновская, Насонова, Рожальская, Чередова. Она положила начало коллективному, самостоятельному женскому альпинизму в стране и мире. Она покорила пик Коммунизма. Еще до этого их команда совершила восхождение на пик Евгении Корженевской – вся четверка была удостоена медалей «За выдающиеся спортивные достижения». Она была мастером спорта. Фотографии вчерашней скромной и старательной художницы по детской игрушке замелькали на страницах советской и зарубежной спортивной прессы. Перед самым восхождением на пик Ленина миллионы телезрителей видели голубоглазую девушку с волосами цвета августовской ржи в телепрограмме «Клуб путешественников». Отвечая на вопросы Юрия Сенкевича она размышляла о будущем женского альпинизма. Говорила о тяге к горам, смялась и была счастлива.

Снег доходил до пояса. Шатаев продвигался все медленней. Ему приходилось заботиться об отработке следа. Соколов и Давыденко шли молча. Их капюшоны были надвинуты на глаза. Пытка светом становилась невыносимой. Солнечные лучи отражались от снега и плавилась в собственном сиянии. Кроме того, продолжалась пытка надеждой.

Они шли. Шаг человека, конечно, мал, но от порога уводит далеко. Раньше только мужчин. Теперь и женщин. Что они делали здесь, в этих мертвых скалистых горах? Ответа нет. Что искали под этим бездушным сияющим небом? Ответа нет. Что происходит с красотой гор, когда человек расстается с жизнью? Ответа нет. Что остается от великой мечты альпиниста?

Неподвижное тело на жестком холодном фирне – вот и ответ. Другие настроения возможны лишь в другие дни.

Когда показался гребень, они поняли – уже рядом.

В это дело втянул ее он, Шатаев. Он был первым, кто показал горы: вот уж были действительно другие дни, другие времена! А кто втянул его? Бессмысленное занятие - прокручивать назад жизненные ситуации. И все же: если бы они не встретились...если бы она ему не понравилась...если бы он не понравился ей...если бы не приняли образ жизни друг друга...если бы! Если бы этого ничего не было, не было бы и того, что было теперь. И он бы не тащился по пояс в снегу к тому месту, где окончилось все.

Его выворачивало при одном слове «надежда» - так это было безнадежно. Но надежда терзала сердце.

В свои тридцать восемь лет альпинист Шатаев хорошо знал, какие пропасти разделяют горные хребты и вершины. Но те, что разделяют человеческие состояния, оказались еще непреодолимы. Вчера ты был счастлив – сегодня убит горем. Вчера твоя уверенность в себя не знала границ – родоначальник династии исполинов! – сегодня ты беспомощен, как все. А эти вчера, сегодня, завтра? Что это, как не условность? Вот что не знает границ – не то что пропасти. Вчера, пятнадцать лет назад, они увидели друг друга впервые. Вчера, неделю назад, они сказали друг другу: «До встречи в Москве!». Прошлое и настоящее – лишь разные участки одной быстрой реки.

Гримасы судьбы: Эля была дома, в Москве, когда с Кавказа пришла телеграмма: «Шатаев погиб». Он действительно попал под обвал – но ведь жив. Черные сутки – до выяснения истины – она прожила с этой вестью И вот – полный оборот.

Пошли третьи сутки восхождения. Шатаев оторвал глаза от тяжелых ботинок вибрам. Понял голову. Перед ним открылась картина, забыть которую уже не удастся никогда: под сияющим голубым небом на огромном заснеженном склоне темнели несколько черточек – одна выше другой. Вся команда.

Над белым пространством, сходящим на нет, возвышалась бронзовая вершина. Дальше не было ничего.

Первой лежала Эльвира – он узнал ее. Она лежала на спине, лицом в небо, вытянувшись в струнку – так в ожидании награды в строю стоит солдат.

Он переступил с ноги на ногу. В его голову пришла дикая мысль: как бы эту картину нарисовала она сама – ее акварели с видом гор он очень любил.

Подошел. Остановился. Ветер посвистывал в ивовом прутике, оставленном американцами. Воткнул в снег ледоруб. Взялся за ручку. Ну вот, они снова рядом – он и она. Но о расстоянии, разделявшим их, знал только он.

Соколов и Давыденко не стали мешать. Время почетного караула затягивалось, и они тронулись вверх. Они прошли обледенелый предвершинный взлет и достигли близкого пика. Здесь они прочитали записку, оставленную Эльвирой. В записке говорилось о счастье победы.

Шатаев, конечно, знал: непоправимое, как и неизбежное, надо принимать стоически. Надо! Он достал портативный диктофон, спрятанный на груди под одеждой, нашел кнопку «запись» и начал: «Эльвира Шатаева...» Замолчал, набрал воздуха, продолжил: «Анорака голубого цвета...вибрам двойной... «кошки» на ногах...Круглое зеркальце. Разбитое».

Нашли всех. Японцы не заметили Нину Васильеву – она лежала под остатками палатки.

Где пилы? Здесь. А где эти чертовы лопаты? Тоже на месте: торчат из под клапанов рюкзаков. Все на месте.

Работа была изнурительная: давление на вершине меньше обычного в два раза. Плиты из снега выпиливали поочередно. Сдвигали сообща. Сделали первый контрольный тур. Сделали второй. Такой заоблачной могилы на высоте семи километров в мире еще не было.

Теперь была. Покончив со всем, замерли над снежными плитами. В вечном молчании гор их минута молчания вряд ли была заметна, но они помолчали.

Так закончился первый акт этой драмы. И был второй.

Размышления

Крупнейшие издания мира рассказали о событии на Памире. «Советский спорт» писал: «Мы не забудем наших отважных девушек. Их имена навечно будут занесены в летопись советского и мирового альпинизма...Как и другие, крепкие духом люди, они отдали свою жизнь в споре с горными гигантами планеты».

Шатаев вернулся в Москву. Груз соболезнований обрушился на него. Телеграммы из Киева, Алма-Аты, Лондона, Праги, Душанбе, Вены, Милана, Денвера, Мехико, Энгельберга отбрасывали его назад, в близкое вчерашнее прошлое, а он хотел закрепиться, удержаться в настоящем. Он не желал возвращаться в счастливую пору своей жизни, не желал ее повторения.

Гуманная традиция не давала передышки: на смену телеграмм пошли письма. Письма шли, конечно, всем – и родственникам девушек, и друзьям, и в Спорткомитет СССР. Но здесь приводятся лишь письма Шатаеву. Вообще его личность избрана мною преднамеренно: в ней сошлось все – тяжесть утраты, разрыв счастливой семейной и альпинистской связок, трудные противоречия, борьба, возвращение к себе прежнему. Он и в самом деле оказался в центре события. Но важнее другое – он оказал огромную услугу альпинизму: он остался верен горам, идее восхождений! Без этого аргумента дальнейший рассказ о памирской драме потерял бы всякий смысл.

Теперь три письма. «Господин Шатаев, писал спортивный тренер из США, - этим утром, по дороге в школу, я прочитал в «Нью-Йорк таймс» статью о Вашей супруге Эльвире. Я был тронут до слез Вашей потерей. Я никогда не переживал смерти близких мне людей, но по каким-то причинам чувствую себя близким к Вам и Вашей супруге. Я не понимаю моего чувства, но хочу, чтобы вы знали, что я разделяю вашу потерю. Эд Крамер».

Шатаев старался забыть, но люди, похоже, не очень с этим считались. «Во время пребывания Вашей супруги в Швейцарии, - писала президент альпинистской ассоциации Фелицитас фон Резничек, - она покорила наши сердца...Можно себе представить, что значит потерять такую женщину».

Ну, а что в этом конверте? «Дорогой Володя! 18 августа в Каунасе состоялся воскресный концерт колокольной музыки. В программе, составленной из современных произведений, прозвучало и адажио С.Барбера, исполнение которого я посвятил Эльвире Сергеевне. Это посвящение слушали 2000 человек. Гедрюс Купрявичус».

Ни люди, ни драма не отпускали Шатаева. Он находился в постоянном напряжении. Он существовал как бы в двух местах одновременно: в Москве, среди сослуживцев, в мире метро, улиц, шума и огней, и там – в горах Памира, под пустым небом, под грузом тяжелых снежных плит.

Как и большинство людей, Шатаев жил на высоких скоростях. Иногда – на слишком высоких. Ничто, казалось, не могло притормозить этого стремительного движения. Ничто не могло заставить остановиться, оглядеться вокруг. И вот – драма. И открытие – это и есть остановка. Драмы – наши последние остановки, наши передышки. Думай, переоценивай.

Шатаев переоценивал. Размышлял. Главной темой размышлений были, конечно, горы. Но в сознании альпиниста горы никогда не существовали сами по себе. Они – продолжение человека. Поэтому размышлял и о человеке. Тема людей и гор пересекалась лишь трагедией. Но даже в этом случае не до конца. Это, как ранткluft – трещина, разделяющая скалы и ледник. Где-то на большой глубине они все равно вместе. Так было и в сознании Шатаева.

Много лет назад он, молодой альпинист, был сражен одним случаем.

Во время совместной советско-английской экспедиции, восхождения на памирский пик Патриот, погибли два англичанина – Нойс и Смит. «Парням не повезло», сказал один из их соотечественников. Альпинистов подтащили к обледенелому краю расщелины и, помолившись, подтолкнули в пропасть. На этом панихида закончилась».

Жестокость? Как сказать. За этим стояла целая философия. Ее придерживались все зарубежные альпинисты. Главная заповедь: человек любил горы и погиб – теперь он часть гор и принадлежит им. Они навеки вместе.

Ни тогда, ни потом Шатаев не мог этого принять. Это было не по-человечески. Позже, на Аляске, при восхождении на Мак-Кинли, он разговаривал с американским альпинистом. «Мертвому все равно, - сказал тот, - Ему ничто не угрожает. Вот почему мы оставляем своих друзей там».

Шатаев исповедовал другую философию. Мир гор, застывший когда-то на грани распада, лишил его друга, жены. Поправить ничего нельзя. Здесь, в горах, человек не всегда владыка. Когда мы ходим среди вершин, мы вынуждены признать, что не выдались ростом. Но, смирившись со смертью, Шатаев не мог смириться с другим. Место человека на земле, твердил он. Человек принадлежит не горам – как бы он их не любил, а людям. А место людей – на земле.

Другой философии для Шатаева не существовало. Даже если она существовала для всего остального мира. «Я должен вернуть Эльвиру на землю. Предать ее земле. Это мой человеческий долг».

Так рассуждал, конечно, не только он. Вот что писала ему мать Ирины Любимцевой – Анна Петровна: «То, что она там, на такой высоте, лишает нас малейшей надежды оказаться рядом с ней... Даже альпинистов туда поднимается немного. И не до поклонов им там, где лишний час прожить трудно». Так рассуждали многие.

Истории народных обрядов – тысячи лет. Истории альпинизма как увлечения – около двухсот. Но это одна и та же история – история людей.

Да, так рассуждали все. Но если говорить честно, надо признать: все, кроме самого Шатаева. Он – то как раз и не сразу принял свое решение. На каком-то этапе сомневался – желал этого, жаждал, но сомневался. Он знал: в истории мирового альпинизма подобных операций не проводилось. Знал: вернуть погибших на землю – дело чрезвычайной трудности. Ведь речь шла не об одном

человеке. «Я решусь, - думал он, - Мои ближайшие друзья решатся. Но нас может оказаться слишком мало».

Выяснилось: думали об этом и другие. Родственники Ильсияр Мухамедовой писали: «Нас при этом волнует вопрос – не будет ли снятие их с вершины сопряжено с опасностью для других, с жертвами? Если же опасность существует, то операция не может быть оправдана никакой человеческой моралью. Риск допустим при спасении живых. Как же быть?».

Но сомнения окончились. Шатаев понял: безопасность – не только моральная проблема. Тут немало сложностей и технических, организационных. За дело возьмутся лучшие альпинисты страны. Гарантия! Впереди – до наступления сезона – почти год. Вполне достаточно для разработки самого тщательного, самого безукоризненного плана – тоже гарантия. В сущности, большинство моральных проблем жизни решается именно так – перемещением их в практическую область. Мораль – не абстракция. Она атмосфера практики. Нравственная, моральная проблема – это прежде всего конкретная ситуация, дело, а дела – трудные, даже труднейшие – на то и дела, чтобы их разгибать, как прутья. Иной путь бесплоден.

Когда план операции был отточен, его представили на рассмотрение Спорткомитета СССР. Рассмотрение было долгим. Решение – положительным.. Благородный характер акции ни у кого не вызывал сомнений. Официальным руководителем экспедиции был назначен он – Владимир Шатаев.

Весть об экспедиции разносилась среди альпинистов страны с невероятной скоростью – с такой скоростью с вершин обрушиваются лавины. Шатаев получил свыше ста писем и телеграмм. Одна телеграмма начиналась так: «Это последнее, что мы, мужчины, можем сделать для них».

Каждый просил, настаивал: «Включите в состав команды». Называл спортивные степени, - перворазрядник, мастер, заслуженный мастер. Число людей, готовых исполнить человеческий долг перед мужественными альпинистками, ошеломило Шатаева.

Он опасался: будет в меньшинстве. Думал: если его поддержат, то лишь ближайшие друзья. Теперь же речь шла о труднейшем конкурсе.

Шатаев понимал: каждый, кто написал письмо, принимал свое решение в одиночку – не на торжественном собрании. Решал в обыденной, будничной обстановке. Каждый знал: о нем не напишут – не принято, о нем не узнают, его не наградят и даже восхождение в спортивном списке не отметят. Но был готов! Тут, пожалуй, и уместно сказать об альпинистах и альпинизме.

В 1986 году Паккар и Бальма, не ведая последствий, поднялись на вершину Монблана – начало! Прошли столетия. Альпинизм вошел в жизнь как спорт, как музыка, как факт. Вчера – излюбленный объект нападков прагматиков, сегодня – их помощник. В горах прокладывается линия электропередачи – без альпинистов не обойтись. В горах попал в беду чабан – ни вертолет, ни вездеход не пробьются в непогоду – на помощь идет альпинист... Геологи поднимаются все выше – альпинисты помогут. Надежная охрана государственной границы – тысячи километров горных хребтов. ЧП в горах – помощник- альпинист. Закладывается высокогорная электростанция – первый помощник – альпинист.

Но дело, разумеется, не только в этом. Родившись, альпинизм не умер. Он набрал силы окреп, завоевал мир. Это произошло – значит, было нужно, было необходимо.. Человек никогда не поступает бессмысленно. Он ничего не делает просто так, без смысла. Сделать ради пробы – может, но длить столетиями – нет. Другое дело, не все этот смысл видят. Но так происходит не только с альпинизмом.

Опасно! Да, опасно. Но разве лыжник, несущийся по склону со скоростью 130 километров в час, не рискует больше чем альпинист? Разве автогонщик, уходящий за звуковой барьер, заговорен от гибели? Разве путешественники, едущие в 80-е годы XX века на собаках к Северному полюсу, не рискуют остаться навечно в ледовой пустыне? Разве человек, пересекающий в одиночку океан, защищен от опасностей? И разве их меньше, чем у альпинистов?

Нет, конечно, не меньше. Человек искал и будет искать возможность испытать себя. Человек идет в горы, потому что они – препятствия. Человек ищет сопротивление, чтобы познать свои возможности.

Альпинист, покоривший величайшие вершины планеты, действует от имени всех людей. Он, как и любой испытатель, делится с другими своими открытиями. Высота – открытие альпинистов. Этого не опровергает никто. Авиация – второй порог высоты. Космонавтика – третий. А высота, познанная человеком в борьбе с вершинами- первый. Я не знаю, как эти три высоты связаны. Но уверен – связь эта есть.. как есть она и в самом человеке: связь трех высот – души, слова и поступка. Того, из чего человек и состоит.

Только так, мне кажется, и нужно подходить к памирской драме – с высоты человека. Лишь тогда можно увидеть в ней и надежду, и смысл, а не только трагедию. Лишь тогда можно по настоящему оценить поступки людей.

Из Москвы, из Спорткомитета шли письма - они ложились на столы руководителей заводов, предприятий, организаций страны. В них одна и та же просьба: в связи со специальной экспедицией освободить такого-то на столько-то (без содержания, за свой счет) тогда-то. Речь шла, конечно, о тех, чьи кандидатуры были уже утверждены.

Ни одного отказа. Ни один из руководителей не стал в позу. Ни один не затеял бюрократической игры. Ни один не заупрямился.

К весне команда альпинистов-мужчин была укомплектована. В самый последний момент Шатаев принял неожиданное решение: в состав экспедиции включил двух женщин (желающих-то было много!) – Аню Ананьеву и Рано Сабинову. Одну назначили поварихой, другую – радисткой. Дело решила фраза в их письме: «Убеждены, что альпинизм – не только физическая сила».

Перед выездом на Памир из Москвы ушла еще одна – последняя – просьба Шатаева, на этот раз начальнику железнодорожной станции Ташкент. «10 июня, - писал он, - поездом 922 в багажном вагоне 3113 направлен груз специальной экспедиции (цель, как всегда, разъяснялась) весом 700 кн. Убедительно прошу вас решить вопрос о скорейшем отправлении багажа до станции Андижана».

И тут реакция была моментальной: «Под контролем!».

...Он не раз вспоминал полоску снега, которую увидел однажды из палатки во время своей давней, чуть ли не первой поездки в горы. Было ранее утро, на снег упали первые лучи солнца, и чистота снега поразила Шатаева. Казалось, такой чистоты в природе быть не может. Но она была, он видел ее.

Теперь он как будто увидел ее в жизни.

Действия

Палатки были установлены на том же месте, где были раньше палатки женской команды. Вокруг уже зеленел горный лук, раскачивались пушистые эдельвейсы.

Тренерский совет уточнил последние детали, маршрут и сроки. Альпинистов разбили на три группы. Даже среди сильнейших необходимо было выявить самых выносливых.

Стояли великолепные, спокойные дни. Акклиматизационное восхождение начали строго по графику. Поднимались на 4500 – устраивали пещеру-станцию, спускались вниз, на поляну. Поднимались на 5000 – устраивали снежную пещеру, спускались вниз, на поляну. Поднимались на 6000 – устраивали снежную пещеру. Спускались вниз на поляну. Теперь было ясно, кому на какой высоте работать.

В первую группу из десяти альпинистов вошли Соколов, Давыденко, Гракович, Машков, Кавуненко, Айзенберг, Петрашко, Байбара, Макаускас. Группу. Как и всю экспедицию, возглавил Шатаев. Теперь никто не говорил – я против. Шатаев и сам давно покончил с какими бы то ни было сомнениями. Он был уверен: то, что они делают, свято. Его очарование беспощадностью мира, который его окружал, оставалось прежним.

Все было так, как должно быть.

Конечно, попытки понять, осознать эту историю, ее отдельные моменты все еще продолжались. Но это, как он понимал, будет всегда – сколько бы времени ни прошло. Зато сейчас, в эти дни, в нем все было в ладу – и мысли, и действия. Никаких неясностей. В сущности, то, что они делали, может быть, и было высшей формой осознания, ибо, действуя так, а не иначе, они утверждали, а не отрицали мораль.

Может быть.

Наступил день: длинная цепочка людей – тридцать человек – потянулась к величайшей вершине Памира. Люди шли размеренно, молча, упорно. Над ними простиралось беспредельное синее небо, уступающее по своей беспредельности лишь вселенной человеческого духа.

Операция длилась 14 суток. Не было допущено ни единой ошибки, ни единого сбоя.

...Их похоронили в мягкой, пушистой земле, на холме, усеянном эдельвейсами, на виду главных вершин. Мемориальные таблички засверкали на солнце, как восемь зеркал. Был митинг. Сюда, в урочище Ачик-таш, съехались отцы и матери, родственники, друзья и товарищи. Имена всех повторялись во всех выступлениях: Эльвира Шатаева, Нина Васильева, Валентина Фатеева, Ирина Любимцева, Галина Переходюк, Татьяна Бардашева, Людмила Манжарова, Илья Мухамедова.

Выступил и Шатаев. Говорил мало. Он сказал: наши альпинистки были нежными и мужественными женщинами. Они покоряли вершины...Человек всегда будет проверять себя, в том числе и горами. Это не кончится никогда – ни у мужчин, ни у женщин. Как и все, заключил он прощальное слово, я хотел похоронить Элю здесь, на этой земле, у подножия гор. Пока стоит Памир – здесь всегда будут люди...Памир поможет сохранить память о них навсегда.

Митинг закончился. Но никто не расходился. Не двигался и Шатаев. Он стоял на примятой недавней процессией траве и смотрел на своих товарищей. Завтра они разъедутся по своим городам – далеким, разбросанным по огромной стране. Они вернутся к своей работе и оставленным на время делам. Вполне возможно, большинство из них никогда не увидит друг друга. Даже наверняка. Но пока они были здесь – никто не расходился.

Со всех сторон поднимались остроугольные белые вершины. Через месяц-другой снег на них потускнеет, а на отдельных склонах сойдут лавины. Склоны оголятся и станут коричневыми. К осени – если лето будет жарким – изменятся даже высочайшие из вершин. С земли будет казаться, что они из бронзы.

Не изменится лишь одно: человеческое благородство. То благородство, что освящает жизнь людей вообще, но и ее худшие дни, наши трагедии. То благородство, что помогает выстоять и остаться Человеком. То, что вместе с волей удерживает человека – если, конечно, он того пожелает – на высоте лучших из людей, не всегда, может быть, знаменитых, но всегда находящихся рядом с нами.

Его, это благородство, не поколеблют ни солнце, ни годы, ни лавины, ни молва.

Но, стоя на поляне эдельвейсов, Шатаев не думал об этом. Скорее всего он в эти минуты не думал вообще ни о чем.

Газета «Вольный ветер», № 16

Владимир Шатаев. **Результат превзошел ожидания**

Часть проблем была решена одной из лучших фирм в Катманду «Азиан трекинг», которая выдала пермит (разрешение) на восхождение по маршруту через Большой кулуар. Этот маршрут был пройден осенью 1984 года австралийцами Тимом Маккартни и Греггом Мортмером. С тех пор было 19 попыток повторить их путь, но только однажды это удалось итальянцу и чеху. Осенью же за последние 11 лет с севера никто так и не смог подняться ни по каким маршрутам.

«Азиан трекинг» обеспечила (за 24 000 долларов США) встречу альпинистов в аэропорту, размещение в гостинице, автобус и грузовик до Кодари, двух шерпов, повара и кухонного рабочего в базовый лагерь, питание там. В том числе купили движок для подзарядки аккумуляторов видеокамер, освещения палаток, работы факса и спутникового телефона.

Большинство участников вылетело в Непал 20 марта charterным рейсом из Минеральных вод.

В Катманду мы почти не занимались организационными вопросами (фирма все взяла на себя). Только заправили газом 6 баллонов (заплатив 2700 рупий), благодаря чему в базовом лагере регулярно устраивали баню.

Утром 26 марта выехали из города. Шел сильный дождь – хорошая примета. Через 6 часов прибыли в Кодари (1700 м) на границе с Китаем. Проблем с таможней не возникло, груз перенесли в китайские грузовики, которые по 7-километровому горному серпантину довели нас до поселка Джангму (2450 м). Здесь нас встретил Ду – офицер связи, назначенный Тибетской федерацией альпинизма. Он сразу произвел хорошее впечатление. Все проблемы решал четко и оперативно.

Хотя стоимость проживания (с питанием) в гостинице составляла 57 долларов в день, нас шокировала уйма крыс, свободно передвигающихся из номера в номер. Первый же ужин, состоящий из 12 блюд, большинству участников одолеть было довольно трудно, так как далеко не все умели кушать палочками.

Как и планировалось, 27 марта на шести джипах двинулись дальше. Однако при выезде из Джангму нас задержали – ночью в 18 км от поселка сошла лавина. Прождав пять дней, мы решили посмотреть, как идет расчистка. И увидели грандиозный снежный завал высотой 6-7 метров, на котором работали 2 бульдозера. Но мистер Ду заверил, что через сутки дорогу пробьют. Учитывая эту задержку, мы попросили разрешить нам восхождение через Северное седло, и получили «добро».

Наконец 2 апреля выехали в Шегар (4350 м). На перевале Лалунг Ла (5200 м) многие спортсмены по традиции оставили под камнями непальские деньги для местных богов, чтобы те поспособствовали успеху экспедиции. Высота уже чувствуется, у некоторых альпинистов болит голова, да и китайская кухня теперь не вызывает восторга.

На следующий день преодолели перевал 5050 м, с которого открывается вид на пять восьмитысячников – Макалу, Лхоцзе, Эверест, Чо-Ойю и Шиша Пангму. На вершине Эвереста, как обычно «флаг» к востоку – это значит, что ветер сдувает снег со склонов со скоростью 100-150 км в час.

В базовый лагерь (5150 м) прибыли в 20 часов. Грузовики со снаряжением (и с палатками) отстали, поэтому нас разместили в двух комнатах небольшого бетонного дома. Пять лет назад, помню, здесь ничего подобного не было. Рядом базируются экспедиции США, Тайваня, Польши, Японии.

Два дня ушло на устройство базового лагеря. Утром в палатках «Салева» температура 10 градусов мороза. Началась обычная работа экспедиции – акклиматизация участников, подъемы вверх и спуски для отдыха. 48 яков доставили около 2 тонн экспедиционных грузов в передовой базовый лагерь (6300 м). Оттуда начинается альпинистская часть восхождения. Неожиданно возник конфликт с соседями с Тайваня. Грузы с яков были сняты и мы уже успели поставить несколько палаток, как вдруг нас окружили и стали вытеснять шерпы этой экспедиции. «Это наша территория!». Но где они были эти два часа? Обошлось без силовых приемов, но до конца работы мы так и не нашли общего «языка». Зато с участниками всех других экспедиций отношения были

исключительно теплыми, дружескими. Некоторым альпинистам мы даже помогли – дали наше кислородное оборудование.

Нас вначале удивило, что ни один альпинист из других экспедиций еще не вышел в сторону Северного седла. «Перил», естественно, тоже никто не навешивал. Оказалось, все по привычке ожидают русских! Они, мол, сильные и проложат тропу на Северное седло. Пришлось оправдывать ожидания. Хорошо поработала молодежь – Иванов, Егорин и Бондаренко. Они подготовили маршрут до высоты 6900 метров, осталась всего сотня метров. Иногда, на пологих участках, нам помогали два поляка.

За 11 дней работы мы достигли только 6900 метров. Но вот 18 апреля на седло вышли Виноградский, Кореньков и Богомоллов, которые установили там палатку и оставили грузы. Начались ежедневные выходы на седло для акклиматизации и забросок.

«20 апреля. Утро прекрасное, ветра нет. Ночевка на седле. В палатке много инея. Уже два часа не можем натопить на примусе воду из снега. Видимо, хваленые зарубежные примусы не работают из-за плохого качества бензина. Решаем идти вниз. Шерпы других экспедиций обрабатывают маршрут на высоте 7300-7400 м. Афанасьев и Шульев прошли до 7200 м. По пути им встречалось много веревок, которые вмерзли в лед. В 14 часов похолодало, задул ветер, пошел снег, который падал всю ночь.

21 апреля. В передовом базовом лагере проверили примусы – все они еле работают. Мы в критическом положении. Из-а сильного ветра наши два шерпа не пошли к седлу».

28 апреля на общем собрании подвели итоги всех выходов наверх и разработали планы по установке лагерей 3 и 4 (8200 м). 30 апреля наша группа (Шульев, Прояев, Шатаев) вышла из базового лагеря, а 1 мая мы поднялись на седло.

«2 мая. Вниз спускаются Виталий Иванов – заболело горло, и Сергей Егорин – рвота. В 14 часов мы поднялись к палатке на 7600 м, где встретили Анатолия Букреева (Казахстан). Он залез в нашу палатку из-за сильнейшего ветра. Всю ночь палатку полоскало ветром. Третью ночь не могу заснуть.

3 мая. В 10 часов по связи сообщили неутешительный прогноз погоды. Принято решение спускаться вниз. Юру чуть не сдуло со снежного склона в начале спуска, хорошо что был пристегнуть к «перилам».

До 7 мая большинство участников экспедиции переночевали в лагере 2 (7600 м), но выше так никто и не поднялся из-за сильного ветра. Наши надежды на то, что кто-либо поднимется на вершину, тают с каждым днем. Возможно, скоро придет муссон, и тогда все экспедиции свернут свою работу.

«7 мая. Утро прекрасное. Вышел с 6300 м 10.30 и в 14 часов был на седле. Здесь находился Сергей Бачманов, который ждет спада «жары» и тогда начнет спускаться. Попытка же подняться выше лагеря 2 (Афанасьев, Бондаренко, Зевахин) вновь не удалась. Афанасьев поморозил пальцы на руках, Иванов не смог подняться на седло из-за плохого самочувствия. Егорин обжег глаза при

подъеме. В 19 часов по связи Казбек принимает решение о спуске из лагеря 2 всей тройки участников, хотя сам Афанасьев уверяет, что у него все уже нормально».

Мы возлагали большие надежды на эту группу и верили, что 1-2 участника пробьются к вершине. Но врач, осмотрев руки Афанасьева, предписал ему спускаться в базовый лагерь, а не идти вверх.

«8 мая. Ветра нет, тепло. Ночью почти не спал. Под нами слой облаков, над нами облачность закрывает вершину. Вышли в 11 часов и в 14 часов достигли лагеря 2. Вначале дул слабый ветер, затем, уже при подходе к палаткам, ветер достиг силы штормового. В 18 часов поднялся Волков, оставил два баллона по 3 литра и ушел вниз на седло.

9 мая. Холодно, ветер – выходить опасно. Вышли в 12.30 в надежде найти палатку на 7800 м, установленную шерпом Анг Ритой и там переночевать. Дует ветер, облачность, видимость 100-150 метров. Палатку не обнаружили. Пошли дальше, чувствую, что это похоже на авантюру. Анг Рита говорил, что на 8200 им тоже установлена палатка. Выйдя в 21 час к большому камню, Федор случайно обнаружил свернутую палатку. Пришлось три часа Федору и Юрию готовить площадку и устанавливать палатку при сильном ветре и в темноте. Хотелось залезть в спальник, лечь под камень, а там – будь, что будет. Началась борьба за жизнь. Не раз я произносил молитву Иисусу. Только к 12 часам ночи мы смогли зажечь газ в палатке и кое-как согреться.

10 мая. На связи в 10 часов услышали, что во Владикавказе «ждут результата». В ответ из базового лагеря передали, что участники вышли на «финишную прямую». Посмотреть бы, где эта прямая? В 13 часов пошел «погулять» по склону и, поднявшись до 8300 м, обнаружил 24 баллона кислорода, оставленные участниками иркутской экспедиции 1994 года. Мы поняли, что получили шанс «взойти на вершину».

11 мая. Утром очень холодно. Только в 9 часов удалось выйти к месту, где лежали баллоны. Проверили их на давление и взяли 12 штук. Сразу ощутили тяжесть рюкзаков. На маршруте кое-где были «перила». Передвигаться в кошках по наклонным черепицеобразным скалам было опасно. В любую минуту можно было сорваться. Над второй ступенью, где на вертикальной стенке установлена китайскими альпинистами в 1975 году дюралевая лестница, мы оказались в 16 часов. Мелькнула мысль, что не избежать холодной ночевки.

Выйдя под предвершинный гребень, я не увидел следов Феди и Юры. Где же они? Вспомнил, как поднимались ребята в 1990 году (я тогда наблюдал из базового лагеря за передвижением альпинистов экспедиции КНР-США-СССР). Пройдя траверсом по сыпучим скалам около 30 метров, обнаружил уходящий вверх закрепленный репшнур. Поднявшись по нему, увидел сидящих в 100 метрах от меня ребят. Трудно дались мне эти последние метры. Только в 18 часов 12 минут поднялся на вершину (Шульев в 17.15, Прояев в 17.55). Дует легкий ветер, облачность, иногда падает снег. Минут 20 ушло на фотографирование.

Ниже второй ступени у меня кончился кислород. У Прояева не оказалось лишнего, так как один баллон где-то потерялся. Примерно полчаса я продвигался без кислорода и дойдя до места, где обычно ставится штормовой лагерь (8670 м) в мусоре нашел один баллон, заправленный на 50 атмосфер. Этого хватило для дальнейшего спуска. В 22.10 при лунном свете добрались наконец до палатки на 8200 м. Здесь уже была наша вторая группа, которая 13 мая в 16 часов тоже поднялась

на вершину – К.Хамицаев, Е.Виноградский, С.Богомоллов, В.Кореньков и Анг Рита, в 9-й раз освоивший Эверест.

На его вершине Казбек снял уникальные кадры развивающихся флагов – России, Северной Осетии, Китая, Советского Союза и рериховский. Восхождение было посвящено 50-летию Победы, и поэтому во Владикавказе флаг СССР был вручен ветеранам Отечественной войны.

Указом Президента Республики Северная Осетия А.Галазова за личное мужество, проявленное при покорении высочайшей точки планеты, все участники, поднявшиеся на вершину, награждены медалью «Во славу Осетии».

Газета «Вольный ветер», № 55

Исрафил АШУРЛЫ. **Одной непокоренной горой в Непале стало меньше.**

50 лет назад -- 29 мая 1953 г. - люди впервые поднялись на вершину высочайшей горы планеты. Как известно, это были новозеландец Эдмунд Хиллари и шерпа Тенцинг Норгей. На золотой юбилей этого знаменательного события Федерация альпинизма Непала пригласила всех альпинистов, побывавших на Эвересте (напомним, высота его 8848 м). В Катманду прибыло в мае этого года около 200 восходителей из разных стран (из России - 15) и более 150 шерпов.

Перед торжествами правительство Непала разрешило в честь юбилея совершить восхождения на три пика, на которые ещё ни разу не ступала нога человека - Паралапче, Мачермо и Киодзо-Ри. В восхождении на Паралапче (6017 м) приняли участие три российских альпиниста - Исрафил Ашурлы, Валентин Гракович и Владимир Шатаев. Как это было, рассказывает ниже И.Ашурлы.

Нам особо хочется отметить, что В.Шатаеву, поднявшемуся на этот шеститысячник, исполнилось 66 лет! Восемь лет назад он стал вторым по возрасту альпинистом, покорившим Эверест.

"Владимир Шатаев, Россия..." - именно с нашей делегации Анг Тсеринг Шерпа, председатель Непальской федерации альпинизма, начал представлять участников будущего восхождения на собрании в пятизвёздочном отеле "Хайят Редженси" (Катманду), где разместила нас НФА. 23 альпиниста, из которых четверо уже поднимались на Эверест, представляли 6 стран - Россию, Хорватию, Словению, Японию, Бразилию и Румынию.

Короткий перелёт Катманду - Лукла, и мы погружаемся в шестидневный трекинг до базового лагеря. Проходим в хорошем темпе Намче Базар, Доле, Мачермо. Словно за гигантскими окнами медленно ползущего поезда проплывают вдали красавица Ама-Даблам, благородные Тавече и Лабуче, величественная, выбеленная снегом и льдом Чо-Ойю.

После подъёма выше 4000 м погода редко балует нас солнечными окнами, развешивая после полудня туман, но снег и дождь идут редко. Непальские лица вокруг с набором высоты постепенно меняются на тибетские, а приветствие "Намастее!" - на "Таши делек!".

Местная детвора по праву может считаться одним из главных украшений этих суровых мест. Жизнерадостный смех и весёлые игры ребятни сопровождают нас почти до базового лагеря. Запасы конфет, жевательной резинки и орехов стремительно тают.

Весь путь до базового лагеря густо усеян лоджиями (небольшими гостиницами), многие из которых носят гордый титул "отель-ресторан". Их основным предметом гордости служит меню на 3-4 страницах мелкого убористого шрифта с описанием всевозможных блюд. На поверку оказывается: меню во всех заведениях одинаковое, и начинаешь думать, что, независимо от расположения харчевни, все блюда готовит один повар.

19 мая достигаем базового лагеря, поменяв лоджии на палатки. На другой день - выход в высотный лагерь, куда добираемся после длительного подъёма по морене сквозь густо висящий туман. Там нас ожидают высотные шерпы. Сухие, чёрные от солнца лица, защищённые очками глаза, скупые движения и неизменное добродушие. Создаётся впечатление о принадлежности их к особой касте - касте восходителей. Так и есть, у всех их за спиной восхождения на различные восьмитысячники. Шерпы четыре дня изучали и прокладывали маршрут. 19 и 20 мая они первыми взойшли на вершину Паралапче.

Через 2 часа после прихода в лагерь устраиваем совещание с шерпами по поводу выбора вершины и её штурма. Туман начинает рассеиваться и мы видим, что высотный лагерь находится на небольшом плато между подножиями пиков Мачермо и Паралапче. Для штурма третьей вершины (Киодзо-Ри) нужно перейти в другой лагерь. Мачермо, напоминающая московскую высотку, поражает своей неприступностью. Виктор Гроссельх из Словении классифицирует маршрут одним словом: "Смерть". Шерпы подтверждают сложность штурма Мачермо - их товарищ получил серьёзную травму при разведке маршрута. Останавливаемся на Паралапче.

А вот трое японцев в сопровождении шерпов уходят на Киодзо-Ри (в Катманду наша группа предполагала взойти именно на неё). Как выяснилось позже, они не смогли пройти и четверти маршрута.

Выход на штурм намечен в 4 утра 21-го. Шатаев и я чувствуем себя неважно. Кряхтя в палатке и жалуясь на отсутствие сна, приходим к мнению, что начали заболеть. Всю ночь вместо сна - озноб, сильный кашель, у Шатаева поднимается температура. В 3.30 Шатаев, Гроссельх, Рафаэл Водисек и я первыми выходим из лагеря. Вслед за нами отправляются отец и сын Божичи (Стипе и Ёшко) и Валентин Гракович. Чертыхаясь среди камней, медленно продвигаемся вперёд. Меня неотступно преследует предательская мысль о том, что болевающий организм, лишённый пищи и сна, даст осечку аккурат в начале маршрута.

Через час достигаем места, где надо надевать снаряжение. Над нами нависает язык снежного кулуара, помеченный красной верёвкой - это "перила", навешенные шерпами. Последние секунды для того, чтобы сделать выбор: вверх или вниз. Надеваю "кошки", что автоматически решает проблему выбора. Щелчок карабина, и вверх. Из-за короткой неразберихи хорваты вклиниваются между Шатаевым и мной и разбивают нашу двойку.

Изучая визуально маршрут из лагеря, мы видели только снежный кулуар. Шерпы, описывая его, упомянули, что конец кулуара не виден, а выше его начинается тяжёлый скальный участок. Так и есть: после двух часов работы в кулуаре перед нами взмывает 50-метровое нагромождение отвесных скал 5-й категории. "Кошки" отправляются в рюкзак,

ледоруб бесполезно болтается на поясе. Пластиковые "кофлахи" - не лучший вид обуви для подъёма по скалам, и после прохождения скального участка я чувствую себя буквально как выжатый лимон.

Дальше проще. Снова лёд, поэтому "кошки" и ледоруб опять при деле. После прохождения небольшой полки -- выход на гребень. Отсюда до вершины 20 минут, именно они отделяют меня от Шатаева, который уже ждёт меня там. Вот и вершина: дружеские объятия, поздравления, фотографирование. Но это не конец. Успешным восхождение считается лишь по возвращении в лагерь.

После короткой паузы начинается спуск. Возможность использовать "восьмёрку" (устройство для спуска по верёвке. - Прим. ред.) облегчает путь. Скольжение по верёвке с быстрой потерей высоты создаёт мираж приближения лагеря с его палатками, спальниками и горячим чаем, что немного прибавляет сил. Ещё два часа, и мы достигаем места, где надевали снаряжение. Последующие кульбиты на валунах и сыпуче напоминают хождение по мукам. Туман усложняет поиски верного пути, продлевая дорогу "домой" как минимум на час-полтора. Вот, наконец, и лагерь. Попав в палатку, я впадаю в 12-часовой сон, убаюканный классификацией маршрута Шатаевым как 4Б-5А и мыслью о том, что главное дело сделано, вершина взята.

Следующий день - менее урожайный на восхождения. Вершины достигли двое бразильцев. Румыны, выбравшие для восхождения центральный кулуар, не прошли и половины маршрута. Японцы от восхождения отказались. Результат: успеха достигли 10 человек из 23. Мы окрестили 21 мая Днём славянских восходителей, в число которых я, уроженец солнечного Азербайджана, был принят единогласно.

"На десерт" два дня я провожу в посёлке Гокиа, наблюдая вызывающую у меня трепет панораму гималайских пиков (Эвереста, Чо-Ойю, Макалу, Лхоцзе, Нуптзе), в то время как наша группа уже начала спуск в направлении Луклы. Мне приходится буквально бежать, чтобы догнать товарищей.

В аэропорту Катманду нас встречают звуками буддистских труб, осыпают с ног до головы красной пудрой, повязывают ритуальные шёлковые шарфы, помечают наши лбы оранжевой краской, и мы невольно начинаем чувствовать себя героями. Разукрашенные наподобие команчей, прибываем в долгожданный отель "Хайят", где нас ждёт торжественный обед и огромная компания восходителей на Эверест, прибывших на праздник. "Все звёзды", по другому не назовёшь. Самая большая группа альпинистов из бывшего СССР - России, Грузии, Узбекистана, Казахстана, Киргизии.

Следующие три дня в Катманду царит праздник. В Непал прибывают Эдмунд Хиллари, Рейнхольд Месснер, Юнка Табэй и другие легендарные личности мирового альпинизма. Покорителей Эвереста награждают памятными медалями. Затем - торжественная встреча с королём и королевой Непала, приём у кронпринца, вечеринка в английском посольстве, ужин с Эдмундом Хиллари, конференции, открытие парка и посадка деревьев... Незаметно наступает 31 мая - дата возвращения в Москву, к близким и друзьям, к мыслям о новых восхождениях. Мы улетаем, надолго запомнив плакат на стене аэропорта: "Вы не можете изменить Непал, но Непал может изменить Вас".

О книге «Категория трудности»

Каждый человек, занимающийся альпинизмом, по-своему отвечает на вопрос: «Зачем люди ходят в горы?» Отвечает на них и Владимир Шатаев, отвечает откровенно, честно и до конца, не скрывая правды, порой непереносимо тяжелой, отпугивающей слабых и закаляя сильных. И основное, о чем он пишет, - это «правда гор».

Судьба автора, человека и альпиниста, дает ему моральное право писать о людях и горах открыто, не придумывая захватывающих коллизий: жизнь щедрее на них, чем человеческое воображение. Она позволяет судить о человеческих поступках настолько, насколько можно судить о людях, проверенных вертикалью и высотой.

А.А. Снесарев, мастер спорта СССР

Книга «Категория трудности» - это не просто повесть об интересных восхождениях, о сложных и трагических ситуациях, в которые приходилось попадать автору, - это, скорее, попытка рассказать, что такое альпинизм, что привлекает нас в этом необычном спорте смелых как часто говорят об альпинизме. В некоторых местах можно спорить с автором, можно с ним не соглашаться, и это потому, что многие альпинисты воспринимают по-своему этот своеобразный вид человеческого увлечения.

Е.И. Тамм, мастер спорта СССР, доктор физико-математических наук

Из читательской почты:

...Я прочитал Вашу книгу в трудное для себя время, когда казалось, что все потеряно и не было сил начать все заново. Она помогла мне вновь поверить в себя...

...С большим вниманием прочитал «Категорию трудности». Два человека, ставящего перед собой цель – постоянно познавать себя – Ваша книга лучший пример...

... «Категория трудности» имеет бесспорное преимущество перед многими книгами об альпинизме благодаря искренности и наблюдательности...

СОДЕРЖАНИЕ

Выше головы.....	4
Край Земли.....	16
«Порог» Олега Абалакова.....	23
Горная болезнь «разрядомания».....	29
«Броккеново явление».....	39
Маршрут к голубой мечте.....	46
Странные горы.....	54
Категория трудности.....	64
Зимний путь.....	77
Моральный аспект теории вероятностей.....	84
Погоня за «снежным барсом».....	90
Думы о живых.....	96
Памир-74.....	101
Катастрофа.....	112
«Секретное оружие».....	121
Чужой крюк.....	125
«Акция на Эйгер».....	135
С обратным знаком.....	146
Бросок.....	157
Обыкновенный супермен.....	169
Персимфанс.....	174
Пока стоит Памир. Геннадий Бочаров.....	186
Результат превзошел ожидания. Владимир Шатаев...	196
Одной непокоренной горой в Непале стало меньше. Исафил Ашурлы.....	200
О книге «Категория трудности».....	203

ШАТАЕВ Владимир Николаевич

Родился 1 мая 1937 г. В 1972 г. окончил вечернее отделение Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры (ГЦОЛИФК). Выехал в горы в 1959 г.: первая вершина на Кавказе – Гумачи (3797 м). Звание МС СССР присвоено 23.10.1964 г. Окончил школу инструкторов в 1961 г. в альплагере «Джантуган». Работал инструктором альпинизма в альплагерях: «Шхельда», «Узункол», «Домбай». Инструктор-методист 1 категории. Тренер по альпинизму в МГС ДСО «Спартак» (1961–1965).

Работал в структурных подразделениях Спорткомитета СССР, Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций, Олимпийского комитета России, Центре спортивной подготовки Госкомспорта РФ (1967–2008).

Присвоено звание: заслуженный тренер РСФСР (1971), заслуженный тренер СССР (1990), судья всесоюзной категории по альпинизму (1989); вручен «Почетный знак спасательного отряда» (1979), «Снежный барс» (1981).

Награды: медаль «За трудовую доблесть», орден «Знак Почета», медаль «Ветеран труда», медаль «Во славу Осетии», кавалер ордена «Эдельвейс» 1-й степени. Председатель жюри 1-го и 2-го Международного фестиваля горных фильмов (1998–1999).

Совершил более 300 восхождений, в том числе: Эверест (1995), Аннапурна Южная (1994, зима), Шиша-Пангма (1992), п. Коммунизма (4 раза), п. Победы (1981), п. Ленина, п. Евгении Корженевской, Мак-Кинли (1977), Арарат (20 раз), Ушба (С-Ю, зима), Ушба (С), Эльбрус (13 раз), Аконкагуа (Аргентина), Арагац (Армения), Боливар (Венесуэла), Говерла (Украина), Гранд-Капуцин (Италия), Гроссглокнер (Австрия), Демавенд (Иран), Казбек (Грузия), Калисимби (Руанда), Катопакси и Чимборасо (Эквадор), Килиманджаро (Танзания), Кубертена и Маркса (Таджикистан), Кука (Новая Зеландия), Костюшко (Австралия), Маттерхорн (из Италии, из Швейцарии), Мунххаирхан (Монголия), Олимпия (Кыргызстан), Пари-Лапча (Непал), Пику (Португалия), Рас-Дашен (Эфиопия), Рейниер (США), Рыси (Польша), Сайрам (Казахстан), Снесарева и Чимган (Узбекистан), Тубкаль (Марокко), Фако (Камерун), Фудзи (Япония), Хваннадальхснукюр (Исландия).

